А. РЕННИКОВЪ

ЖИЗНЬ ИГРАЕТЪ

РОМАНЪ

ПАРИЖЪ
1930

I.

Всю ночь шелъ дождь, жалобно причитая надъ затерявшейся въ горахъ станціей. Разсвѣтъ пробился сквозь тучи тяжело, нехотя. Но къ шести часамъ внезапно сорвавшійся вѣтеръ разодралъ вверху печальный покровъ и погналъ облака вдоль по ущелью, открывъ въ небѣ радостные голубые просвѣты.

— Нечего сказать, іюль! — остановившись у края перрона, сердито пробурчалъ Корягинъ. Опустивъ къ ногамъ туго набитую корзину съ провизіей, онъ поправилъ съѣхавшую на бокъ салфетку, вдвинулъ поглубже бутылку съ молокомъ и снова взглянулъ на поворотъ за семафоромъ.

— Неужели опаздываетъ? Недурно. А еще аккуратные нѣмцы!

Недовольно поморщившись отъ ударившаго въ лицо вѣтра, онъ надвинулъ на лобъ черную шляпу съ отсырѣвшими обвисшими краями, началъ застегивать на груди старенькое сѣрое пальто, съ трудомъ растягивавшееся на неуклюжей грузной фигурѣ.

А тамъ, вдали, откуда долженъ подойти вѣнскій экспрессъ, было попрежнему тихо. Послѣ дождя холодно поблескивали рельсы, сходясь на стрѣлкахъ въ чертежѣ загадочной теоремы. На запасныхъ путяхъ, точно копируя другъ

друга, тянулись желтыя коробки товарныхъ вагоновъ съ мокрыми, будто густо лакированными, крышами. За ними, у поворота, круто поднималась гора. На свѣтлой зелени склоновъ чернѣли заплаты хвойнаго лѣса; у самой вершины, встревоженные вѣтромъ, бѣлыми призраками бѣжали обрывки тумана.

— Träger! Geht! — обернувшись къ дверямъ багажнаго отдѣленія, тревожно воскликнулъ Корягинъ. — Sache неси! Schnell!

— Zeit genug, — выкатывая телѣжку и небрежно взглядывая на показавшійся за поворотомъ дымокъ, пробормоталъ сонный носильщикъ. —Wir haben noch eine Minute.

— Что? Eine Minute? Обрадовалъ, дѣйствительно. А красный чемоданъ гдѣ? Црвеный... то-есть, тьфу, rote... Rote есть? Всѣ семь? Ein, zwei, drei... Семь, gut. Dritte Klasse только, разумишь? Nach Паризъ. Direkt.

Въ ожиданіи, пока поѣздъ, прорвавъ сѣть сигнальныхъ знаковъ, лязгая по стрѣлкамъ, приближался къ станціи, носильщикъ снималъ съ телѣжки вещи, неодобрительно покачивая головой и заглушеннымъ свистящимъ звукомъ выражая сомнѣніе — позволятъ ли всю эту гору внести въ вагонъ. Дѣйствительно, вещей было не мало. Два чемодана красныхъ, съ мѣдными застежками, производившіе солидное впечатлѣніе; двѣ корзины съ замками, совсѣмъ новыя, тоже достаточно приличныя на видъ. Но, кромѣ этого, на телѣжкѣ находились: чемоданъ зеленый, матерчатый, съ изъѣденнымъ крысами бокомъ, давно потерявшій свою первоначальную форму; большой деревянный ящикъ безъ ручекъ, за который никакъ нельзя было ухватиться;желѣзное ведро, набитое до верху чѣмъ-то гулкимъ и звонкимъ, прикрытое цвѣтнымъ платкомъ; и,наконецъ,нѣсколько безформенныхъ узловъ, перетянутыхъ ремнями и веревками.

Корягинъ нервно переминался съ ноги на ногу, прижимая къ груди перекинутое черезъ руку одѣяло. Безпокойный взглядъ перебѣгалъ отъ одного вагона къ другому, отыскивая третій классъ. На смугломъ обвѣтренномъ лицѣ, обычно дѣтски-добродушномъ, а теперь напряженно-хмуромъ, дергались нетерпѣливыя складки. Пушистые черные усы безпорядочно разметались на концахъ, потерявъ симметрію. И мясистыя, испещренныя мелкими трещинами, губы широко раздвинулись, придавъ лицу выжидательно-обиженный видъ.

Носильщикъ выбралъ мѣсто для телѣжки точно: какъ разъ противъ входа въ вагонъ третьяго класса. Но, къ сожалѣнію, нѣмецъ былъ правъ и относительно багажа. Бросивъ нѣсколько первыхъ вещей, онъ обернулся и началъ что-то говорить, кивая на появившагося откуда-то кондуктора.

— Viel? — испуганно переспросилъ Корягинъ, безпомощно озираясь по сторонамъ. — Какое же это viel, голубчикъ? Никакого viel! Herr Konductor! Bitte schön... Unmöglich? Möglich, дорогой мой, möglich. Развѣ можно въ багажъ? Herr Konductor! Ich bin Russe! Bitte schön... Träger, пихай, братъ, пихай, не обращай вниманія. Drang!

— Землякъ, а землякъ! — послышался, вдругъ, сверху мягкій старческій голосъ. — Дайте часть вашихъ вещей сюда. Я помогу.

Смятенная фигура уже отчаявшагося Корягина порывисто бросилась къ окну. Радостно округлившіяся мохнатыя брови поднялись, глаза просіяли, шляпа полѣзла на затылокъ.

У окна, ласково улыбаясь, стоялъ благообразный сѣдой священникъ. Поверхъ черной рясы сверкающимъ угломъ спускалась съ шеи серебряная цѣпочка креста.

— Поднимите-ка!

Блѣдное лицо съ голубыми глазами выдвинулось изъ рамы. Протянулась изсохшая желтая рука, обрамленная широкимъ рукавомъ.

— Ахъ, батюшка... Вотъ спасибо! Ради Бога... Корзиночку! И одѣяло! Träger! Ремни!.. Батюшка! Еще чемоданъ! Я самъ, самъ. Перевалите только. Träger! Наддай тамъ... Эй, эй, — закричалъ Корягинъ, услышавъ сигнальный возгласъ оберъ-кондуктора. — Еще не fertig! Träger! Ведро! Батюшка! Узелокъ! Послѣдній! Ухъ...

Увѣренно ускоряя стучащій ходъ, отбросивъ назадъ скромное станціонное зданіе съ надписью «Schwarzach», поѣздъ миновалъ рядъ пакгаузовъ, небольшой австрійскій поселокъ и, кидая вагоны изъ стороны въ сторону, заметался по извивамъ рѣки.

Корягинъ сидѣлъ со священникомъ въ просторномъ купэ, заваливъ вещами всѣ полки. Блаженно улыбаясь, снялъ шляпу, вытеръ платкомъ потъ со лба, началъ приглаживать вихры волосъ.

— Двое на все отдѣленіе, а? — радостно говорилъ онъ, взоромъ побѣдителя оглядывая чемоданы. — А не будь васъ, батюшка, не сѣлъ бы. Честное слово, не сѣлъ. Unmöglich! Скажите,пожалуйста! Нѣтъ,большую глупость я сдѣлалъ, нужно сознаться. У насъ изъ Бѣлграда въ Парижъ прекрасные прямые поѣзда ходятъ, а я ради экономіи рѣшилъ до Шварцаха съ простымъ пассажирскимъ ѣхать. Вотъ и вляпался съ пересадками...

Онъ горько разсмѣялся, вытащилъ изъ кармана лоснившихся брюкъ деревянный портсигаръ съ выжженнымъ двуглавымъ орломъ.

— А пушить здѣсь можно?

— Какъ вы сказали?

— Курить... Ишь ты! Смотрите-ка, какъ привыкъ къ

сербскому языку: самъ не замѣчаю.Raucher? Отлично. Переволновался я, все-таки, изрядно, будь они неладны. Viel! Слава Богу, самъ знаю, что viel. Только что же дѣлать, если навсегда переѣзжаю въ Парижъ? Вы ничего не имѣете противъ, батюшка, если я закурю?

— Сдѣлайте одолженіе.

Священникъ съ ласковымъ любопытствомъ смотрѣлъ на соотечественника, стараясь угадать его прежнее соціальное положеніе. Но по внѣшнему виду, разумѣется, ничего нельзя было заключить. Потрепанный, неопредѣленнаго сѣраго цвѣта, пиджачекъ; полосатыя брюки — еще скромнѣе, съ замѣтной бахромой внизу; сапоги грубые, съ тупыми концами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ залатанные. У шеи — безформенный мятый воротничекъ и съѣхавшій на сторону темно-красный, потершійся на перегибахъ, галстухъ.

— Вы офицеръ, должно быть?

— Военный чиновникъ, батюшка. Интендантскій. Сначала служилъ въ Петербургѣ въ министерствѣ финансовъ, а потомъ мобилизованъ. Позвольте, между прочимъ, представиться: Никаноръ Андреевичъ Корягинъ. А васъ, простите?

— Я... протоіерей Орловъ. Василій.

— Отецъ Василій, значитъ. Очень пріятно.

Корягинъ почтительно приподнялся, изобразилъ нѣчто вродѣ поклона.

— Издалека изволите ѣхать, батюшка?

— Изъ Вѣны, въ Иннсбрукъ.

— Это что же? Часа черезъ два слѣзаете? Жаль. А по временнымъ дѣламъ, или совсѣмъ?

— На одинъ день. Крестить младенца пригласили въ русскую семью.

— Вотъ какъ! Выписали? А дорогу оплачиваютъ, если не секретъ?

— Обѣщали.

— Ой, смотрите, чтобы не накрыли. Въ такихъ случаяхъ, батюшка, лучше впередъ брать. Ну, а какъ вы думаете, не закусить-ли намъ? Со мной, знаете, всегда: какъ немного переволнуюсь, при успокоеніи немедленно звѣрскій аппетитъ одолѣваетъ.

Корягинъ всталъ, заглянулъ на верхнюю полку, отыскалъ корзину съ провизіей и, расположившись съ нею у окна, началъ внимательно разгребать содержимое.

— Вотъ, мы сейчасъ съ вами, какъ слѣдуетъ, закусимъ и выпьемъ, — забормоталъ онъ, склонившись надъ корзиной и стараясь заглянуть черезъ различныя бумажки и тряпочки въ самую глубь. — Есть у меня сардинки, сыръ, колбаса... Нужно только обслѣдовать. Это что? Персики... Селедка... Сливы. Такъ. Бутылка съ ракіей. Соль... А вотъ и сардины. Сначала мы съ вами, батюшка, по рюмочкѣ, а затѣмъ уже по порядку: селедку, сардинку, колбаску. Не подумайте только, что я вообще люблю пить. Нѣтъ. Пью изрѣдка — въ дорогѣ только да въ компаніи иногда. А сегодня какъ разъ такая сырая ночь на пересадкѣ была — ужасъ. Рюмка, къ сожалѣнію, одна, но мы будемъ по очереди. Что касается меня, то человѣкъ я здоровый, чахоткой не страдаю, будьте покойны. Вообще послѣ кори уже тридцать пять лѣтъ ничѣмъ не хворалъ. Даже тифозныя насѣкомыя и тѣ напрасно по мнѣ восемь мѣсяцевъ ползали — ничего не добились. Ну, вотъ, сардинки уже и раскрыты. Извольте, батюшка, первая рюмка вамъ.

— Извините, дорогой мой, но я не пью.

— То-есть какъ, это, не пьете?

Онъ обидчиво взглянулъ на отца Василія.

— Нельзя мнѣ. Вредно. А ѣда у васъ, какъ я вижу, тоже все острая. Не по состоянію здоровья.

— Батюшка! Что же это? Да вы меня обидите. Честное слово! Ну, а сыру? Яичекъ?

Послѣ долгихъ уговариваній добившись того, что отецъ Василій согласился съѣсть буттербродъ съ сыромъ и выпить молока, Корягинъ быстро началъ опустошать содержимое корзины, время отъ времени прикладываясь къ рюмкѣ.

— Не въ состояніи, знаете, проглотить куска, когда кто-нибудь присутствуетъ и не ѣстъ, — глухо бормоталъ онъ, жуя очередной буттербродъ. — Меня заграницей всегда удивляетъ, какъ, это, иностранцы могутъ сами лопать, а сосѣдямъ не предложить? Можетъ быть, сливъ, батюшка?

— Что вы! Послѣ молока!

— Вѣрно. Ну, въ такомъ случаѣ, кусокъ шоколада. Разрѣшите? Да что вы ломаете? Ради Бога, все. Сдѣлайте одолженіе!

Отецъ Василій отставилъ пустой стаканъ на скамью, досталъ платокъ, медленно началъ обтирать усы.

— Премного благодаренъ, — поддавшись слегка впередъ, поклонился онъ. — Сытъ окончательно. А вы, видно, совсѣмъ мѣняете свое мѣстожительство? Вещей не мало.

— Да, какія, это, вещи, батюшка, — продолжая ѣсть, пренебрежительно усмѣхнулся Корягинъ. — Пустяки все, рухлядь. Но бросать, конечно, жалко. Когда эвакуировался изъ Новороссійска, было всего два чемодана, видите — красненькіе. А теперь, вотъ, сколько выросло. Во время укладыванія самъ удивился, какъ много.

— Это обычно бываетъ, — задумчиво подтвердилъ отецъ Василій. — Вещи облѣпляютъ человѣка съ теченіемъ времени.

— Именно, облѣпляютъ. Это вы вѣрно сказали. Вообще, если ужъ философствовать на этотъ счетъ, то я

больше скажу. Какъ намъ, бывшимъ буржуямъ, ни трудно жить, какъ ни старается судьба сбить съ нашей головы последнюю шляпу, сорвать, такъ сказать, съ ногъ единственные ботинки, а все-таки противъ нашей буржуазности ничего подѣлать не можетъ. То пристанетъ къ намъ какой-нибудь кофейникъ, то появится новый чайникъ, кастрюлька. А за ними, глядишь, постепенно пробираются въ комнату и примусъ,и спиртовочка,и вазочка и чего-чего только ни наберется. Можетъ быть, это и суевѣріе, батюшка, но сознаюсь вамъ, что въ той плетеной корзинѣ, что направо стоитъ, у меня даже двѣ подковы въ Парижъ ѣдутъ. Лишняя тяжесть, разумѣется, но кто его знаетъ, какія силы будутъ руководить мною во Франціи?

Отецъ Василій грустно улыбнулся, молча посмотрѣлъ въ окно. Плавно сдвигались со своихъ мѣстъ горы, чередуя яркую зелень съ окаменѣлыми морщинами скалъ. Въ долинѣ проходили груды красныхъ крышъ, черные клинья высоко поднявшихся колоколенъ. А наверху, въ разрывахъ тучъ, синѣло небо, горная цѣпь постепенно снимала съ себя облачный поясъ, обнажая камень и сосны.

— Значитъ, вы въ Парижъ ѣдете...— заговорилъ отецъ Василій, переводя задумчивый взглядъ на своего спутника, который приводилъ въ порядокъ корзину и выкидывалъ лишнія бумажки за окно. — Что же... Службу какую-нибудь получили?

— Нѣтъ, батюшка. Какая служба!Просто новый городъ хочется повидать. Соборъ Парижской Богоматери, Площадь Согласія. Вѣдь, все равно въ бѣженствѣ время даромъ пропадаетъ, такъ что жаль не воспользоваться. А кромѣ того, думаю, работа всегда найдется. Въ городѣ, гдѣ три милліона людей живетъ, невозможно, чтобы одному лишнему человѣку нельзя было втиснуться. Что же касается Сербіи,

то здорово ужъ тамъ надоѣло. Хотя и казеннымъ чиновникомъ былъ, и отношеніе хорошее, но — скука. Не могу долго на одномъ мѣстѣ сидѣть.

Придя въ отличное расположеніе духа, благодаря удачно прошедшей пересадкѣ, плотному завтраку и сосѣдству такого доброжелательнаго собесѣдника, какъ отецъ Василій, Корягинъ подробно началъ разсказывать, какъ ему жилось въ Сербіи, въ Болгаріи, въ какихъ условіяхъ пришлось эвакуироваться. Поѣздъ уже прорвалъ массивъ Зальцбурга, шелъ по берегамъ голубого Инна, извиваясь среди зелени садовъ, огибая громады угрюмо расходившихся горъ. Никаноръ Андреевичъ, отвѣчая на краткіе вопросы отца Василія, перешелъ къ воспоминаніямъ о работѣ въ Добровольческой Арміи, о Великой Войнѣ и сталъ, наконецъ, говорить о томъ, какъ хорошо жилось всѣмъ до войны, въ старое доброе время.

— Эхъ, батюшка, батюшка! Не жизнь была — сонъ чудесный. А между тѣмъ, кто у насъ не измывался надъ родиной? Кто не клеветалъ? И то публикѣ не нравилось и это. Если чиновникъ — непремѣнно Фамусовъ. Если военный — обязательно Скалозубъ. А вышло, что не изъ-за Скалозубовъ-то погибла Россія, а вотъ изъ-за этихъ самыхъ зубоскаловъ. Всѣ только и дѣлали, что оплевывали государство. Я, конечно, въ литературѣ не силенъ, тонкостей всякихъ не понимаю. Но, слава Богу, читалъ не мало, театры тоже любилъ посѣщать. И скажу вамъ — нигдѣ не встрѣчалъ правды о русскомъ человѣкѣ. Помню, былъ у меня сослуживецъ по министерству, нѣкій Трофимовъ. Такъ, вотъ, этотъ самый Трофимовъ, каждый разъ какъ сойдемся вмѣстѣ, начиналъ меня бранить, будто я не то Обломовъ, не то чеховскій типъ. Бранилъ, бранилъ, довелъ, знаете, до того, что я, дѣйствительно, опускаться началъ. Вѣдь, русскій человѣкъ

каковъ? Всякому гипнозу чрезвычайно легко поддается. Говорите ему каждый день, что онъ боленъ, — онъ и впрямь заболѣетъ. Увѣряйте, что онъ горькій пьяница, — онъ покрѣпится, покрѣпится, а въ концѣ концовъ и на самомъ дѣлѣ горькую пить начнетъ. Въ этомъ отношеніи, по-моему, Гоголь своимъ «Ревизоромъ» много вреда Россіи принесъ. Убѣдилъ чиновниковъ, что они, молъ, дураки или взяточники, вотъ, духъ у нихъ совсѣмъ и упалъ. Разъ писатели увѣряютъ, что-жъ переть противъ рожна? Ну, и стали брать понемногу, въ особенности тѣ, кто за литературой слѣдилъ.

Поѣздъ подошелъ къ Иннсбруку. Замелькали предмѣстья. На горѣ, прямой линіей, вонзившейся въ лѣсъ, мелькнулъ фуникулэръ съ миніатюрнымъ вагончикомъ, повисшимъ надъ Инномъ.

Отецъ Василій всталъ, поправилъ рясу, снялъ съ полки чемоданъ.

— Уже? — разочарованно произнесъ, выглянувъ въ окно, Никаноръ Андреевичъ. — Какъ время быстро прошло! Ну, хорошо, батюшка, а скажите мнѣ, все-таки, на прощанье: когда же мы въ Россію поѣдемъ?

— Не знаю, мой милый, не знаю, — держа въ рукѣ чемоданъ, грустно отвѣтилъ отецъ Василій.— Когда Господу будетъ угодно.

— Это-то такъ, конечно. Но... По какимъ внѣшнимъ признакамъ можно будетъ судить?

— Признакамъ? — разсѣянно повторилъ священникъ, осматривая сѣтку и доставая съ нея зонтикъ. — Особенныхъ внѣшнихъ признаковъ можетъ и не бытѣ. А, вотъ, внутренніе...

Онъ прислонилъ зонтикъ къ чемодану, посмотрѣлъ на собесѣдника. И глаза внезапно стали строгими, почти суровыми.

— Относительно внутреннихъ въ одномъ я увѣренъ, — твердо проговорилъ онъ. — Вотъ, когда души русскихъ людей потянутся къ Богу не только, какъ къ заступнику слабыхъ, но и какъ къ предводителю сильныхъ... Когда вѣра изъ боязливой, да оглядывающейся, да идущей на всякія уступки, сдѣлается торжествующе-смѣлой, тогда самъ Господь станетъ во главѣ и смететъ власть безбожниковъ. А иначе... Иначе ничего не будетъ. Ничего. До свиданья, дорогой мой.

— Счастливо оставаться, батюшка. Да, должно быть, вы правы. Искренно радъ былъ познакомиться. Можетъ быть, благословите на дорогу?

Корягинъ сложилъ ладони,почтительно прикоснулся губами къ сухой желтой рукѣ. А отецъ Василій любовно погладилъ опустившееся передъ нимъ широкое плечо, поцѣловалъ спутника въ високъ.

— Да сохранитъ васъ Господь на вашихъ путяхъ. Прощайте, милый!

II.

Никаноръ Андреевичъ съ грустью смотрѣлъ изъ окна на батюшку, медленно направлявшагося къ выходу. Хотя и пробыли вмѣстѣ только нѣсколько часовъ, но точно что-то родное оторвалось. Навѣрно — навсегда. Сколько такихъ случаевъ было за кочевую эмигрантскую жизнь. Познакомишься, привяжешься, а затѣмъ разлучаетъ судьба и едва-ли сведетъ снова когда-нибудь.

— Эхъ, помочь надо было... — досадуя на себя, вздохнулъ онъ, когда батюшка исчезъ въ дверяхъ станцiоннаго зданiя. — И адреса не взялъ. И чемодана не вынесъ. Разиня!

Сѣвъ у окна, Никаноръ Андреевичъ печально сталъ смотрѣть на городъ, окружавшiй станцiю большими многоэтажными домами.

— Значитъ, и здѣсь тоже свои... — подумалъ онъ. — Куда ни заѣдешь, въ какую дыру ни попадешь, а хоть одинъ русскiй обязательно найдется. Можетъ быть, и тамъ, въ несчастномъ Шварцахѣ, кто-нибудь живетъ, смотритъ на горы и мечтаетъ, какъ бы вырваться на равнину. А куда?

Иннсбрукъ постепенно рѣдѣлъ, уходя назадъ зелеными пригородами. Вдали, за Инномъ, освободившись отъ тучъ, любовно охраняла городъ гряда высокихъ горъ. А впереди, подъ огневыми столбами лучей, сорвавшихся съ облаковъ,

смѣшались въ непроходимую груду новыя цѣпи, сверкали скалы, темнѣла синь хвойныхъ лѣсовъ.

Корягинъ недовѣрчиво оглядѣлъ сѣвшихъ въ купэ двухъ новыхъ пассажировъ — пожилого нѣмца съ бѣлесоватой дамой, притянулъ къ себѣ висѣвшее у окна пальто, вытащилъ изъ кармана купленный въ Бѣлградѣ самоучитель французскаго языка и, расположившись поудобнѣе въ углу, раскрылъ книжку.

— Je cherche un emploi... — сталъ бормотать онъ, найдя главу подъ заголовкомъ «Поиски службы». — Monsieur le directeur est-il chez lui? Puis-je le voir? Reçoit-il? Ouvrier — рабочій. Manœuvre — чернорабочій. Manœuvre. Manœuvre...

Никаноръ Андреевичъ зѣвнулъ, опустилъ книжку на колѣни, сталъ смотрѣть въ окно.

— Je cherche un emploi... — защепталъ онъ, безразличнымъ взглядомъ провожая правильные ряды фруктовыхъ деревьевъ. — Monsieur le directeur... est-il? — Онъ перевелъ взглядъ на ту сторону рѣки. — Chez lui? Chez lui reçoit?

Онъ очнулся, отодвинулся вглубь, закрылъ глаза.

— Нѣтъ, трудно снова учиться. Нужно было въ свое время. Въ гимназіи. Въ университетѣ. А на сороковомъ году... Бѣда! Je cherche un emploi. Кажется, дѣйствительно, далъ маху, что уѣхалъ изъ Сербіи. Тамъ въ русскихъ словахъ ударенія переставишь и говори. Сразу по-сербски выходитъ. А это?.. Puis-je le voir? Конечно, надоѣли входящія и исходящія. И шефъ Ристичъ грубоватъ былъ. Но сто или обращать вниманіе! А теперь... Chez lui... Monsieur le directeur...

Корягинъ пріоткрылъ одинъ глазъ, лѣниво посмотрѣлъ на плескавшуюся у полотна голубую воду Инна, зажмурился.

— Je cherche un emploi... А, все-таки, Бѣлградъ былъ

почти роднымъ городомъ. Каждый день вечеромъ, по [illegible] службы, улица Краля Милана. Прогулки отъ «Москвы» [illegible] посольства. Масса знакомыхъ. Да, свой городъ. Какъ [illegible] ѣхалъ изъ Панчева по Дунаю, возвращался вечеромъ. С[illegible]тился городъ огнями. Ясно чувствовалось, что настоя[illegible] возвращеніе домой. А теперь? Все отрѣзано, нужно начин[illegible] новую жизнь. Неизвѣстно какую. И языкъ... Monsieur [illegible] directeur... И нѣтъ уже нигдѣ въ мірѣ своего угла. Н[illegible] дома. Былъ раньше адресъ: Шуматовачка, 32. Определен[illegible] точка на глобусѣ. И исчезла. Ни Шуматовачки, ни Пари[illegible] Только дрожащій, бѣгущій вагонъ, чужое ущелье, безуча[illegible] ная рѣка. Развѣ, вотъ, эти чемоданы, да корзина съ при[illegible]сомъ — опредѣленно свое. Гдѣ положишь, тамъ и до[illegible] Все равно гдѣ: на горѣ, на травѣ. Нѣтъ дома, нѣтъ Коря[illegible]на. Есть только пассажиръ. Паспортъ Лиги Націй... Стар[illegible] вещи... Chez lui...

Убаюканный тряской, Никаноръ Андреевичъ уснулъ, откинувъ голову на подолъ висѣвшаго пальто. Поѣздъ [illegible] достигъ массива Арльберга, зарылся въ туннель, вырв[illegible] на просторъ рейнской долины. А Корягинъ, свалившис[illegible] уголъ, покачивался, бился головой о доски, иногда, вд[illegible] шевелилъ губами, морщась отъ забиравшихся въ но[illegible] усовъ.

И снилось ему что-то далекое, будто никогда не существовавшее. Не по ущелью Инна и не въ горахъ Арльберга ѣдетъ, а по Россіи во время лѣтняго отпуска. Стучатъ колеса, свиститъ паровозъ. Вокругъ — равнина. Къ берегамъ неба уходятъ зеленыя волны. А въ поляхъ — цвѣтныя пятна людей, далекія пѣсни, на розовомъ пламени запада черные силуэты возовъ...

Но почему кто-то крикнулъ, вдругъ, — fertig?

Мчится поѣздъ. Вонзается въ дали. Выростаютъ горы в[illegible]

кавказскихъ папахахъ, въ горностаевыхъ мантіяхъ. Казачьей лавой застыли великаны, одѣтые въ зеленыя бурки. Громъ, какъ будто. Покатился изъ ущелья въ ущелье, отъ вершины къ вершинѣ, чугуннымъ шаромъ. Ударъ за ударомъ. Молнія слѣпитъ глаза. Яркій свѣтъ... Будто пожаръ...

— Гдѣ мы?

Корягинъ испуганно выпрямился, тряхнулъ головой, жмурясь отъ лучей склонившагося къ западу солнца.

Поѣздъ подошелъ къ Цюриху.На перронѣ было людно и шумно. Въ коридорѣ вагона началась суета. Иннсбрукскіе нѣмцы ушли,въ купэ стали входить новые пассажиры — горделивый швейцарецъ съ зеленымъ перомъ на шляпѣ; двѣ старухи, усѣвшіяся другъ противъ друга и немедленно принявшіяся за вязанье; элегантный молодой человѣкъ въ свѣтломъ костюмѣ съ пестрымъ галстухомъ.

И, вдругъ, послышался громкій женскій голосъ:

— Сюда, Леночка! Скорѣе! Здѣсь свободнѣе!

III.

Въ дверяхъ остановилась молоденькая дама, державшая въ рукѣ небольшой саквояжъ, пытливымъ взглядомъ осматривавшая находившихся къ купэ пассажировъ. Сзади нея, прижавъ къ груди одной рукой огромную куклу, а другой — сумочку, стояла дѣвочка лѣтъ десяти, въ голубомъ платьѣ и въ такого же цвѣта соломенной шляпкѣ. Нервная суетливость дамы совершенно не передавалась ея маленькой спутницѣ. Дѣвочка спокойно ждала, отодвинувшись къ окну, и равнодушно оглядывала сновавшую по вагону публику.

— Ну, что же ты стоишь? Заходи. Вотъ, садись сюда, противъ этого лохматаго типа, а чемоданъ я положу надъ тобой. Кстати, тутъ и двѣ женщины ѣдутъ. Если онѣ — въ Парижъ, я попрошу слѣдить за тобой. Ну, какъ, удобно?

— Мнѣ совсѣмъ не нужно, чтобы слѣдили, — пренебрежительно произнесла дѣвочка, усаживаясь на скамью и поправляя на куклѣ бантъ.

— Ну, ну, не разыгрывай взрослую. А Фифи я тебѣ совѣтую положить тоже наверхъ. Господи, и кто, это, столько дряни съ собой везетъ? Корзины, узлы. Давай Фифи, Леночка.

— Нѣтъ, я буду держать.

— Вѣдь, неудобно.

Кто-нибудь украдетъ. Не хочу.

Ну, все равно. А чемоданъ, впрочемъ, я передвину. Столько навалено, что нельзя даже просунуть какъ слѣдуетъ. Отодвинься-ка на минутку, я попробую.

При упоминанiи о вещахъ, Корягинъ покраснѣлъ, рѣшилъ притаиться и сдѣлать видъ, что ничего не слышитъ. Но когда дама, поднявшись на цыпочки, стала отыскивать для саквояжа удобное мѣсто, невѣжливо было не помочь.

Позвольте, сударыня, я отодвину... — смущенно пробормоталъ онъ, вставъ съ мѣста и протягивая руку къ саквояжу. Эту корзину можно туда. А кулечекъ сверху.

Какъ? Вы русскiй? — обрадовалась она. — Вотъ удачно! Леночка, видишь? Свои ѣдутъ. Благодарю васъ, мсье. Теперь хорошо. А вы куда? Не въ Парижъ ли?

— Да, въ Парижъ.

— Чудесно. Прекрасно. Леночка, слышишь? У тебя до Парижа компаньонъ. Ради Бога, простите, мсье, что я, не будучи знакомой, затрудняю... Но вы, вѣдь, свой, а теперь свои, русскiе, должны, то-есть, не должны, конечно, а такъ сказать, обязаны услуживать... Изъ патрiотизма. Дѣло въ томъ, что я отправляю племянницу къ матери. Она ее будетъ встрѣчать на вокзалѣ. Но въ дорогѣ дѣвочка, все-таки, одна, мало ли что можетъ случиться...

— Съ большимъ удовольствiемъ присмотрю, сударыня. Будьте покойны.

Корягинъ смущенно улыбался, согнувшись передъ собесѣдницей и добродушно взглядывая на дѣвочку, которая съ обиженнымъ видомъ теребила платье своей куклы.

— Съ нею вамъ никакихъ хлопотъ, конечно, не будетъ... продолжала дама, тревожно косясь на окно и вспоминая, что поѣздъ сейчасъ можетъ двинуться. — Она дѣвочка разсудительная. А сестрѣ я только что послала телеграмму.

Ну, надо итти. Леночка, прощай, а то уѣду вмѣстѣ съ тобой. Значитъ, кланяйся мамѣ, крѣпко поцѣлуй, скажи, что, къ сожалѣнію, не могла заранѣе предупредить, пришлось спѣшно ѣхать въ Италію. А когда пріѣдемъ въ Венецію, обязательно пришлю адресъ. На Рождествѣ, если захочешь, пріѣзжай. Смотри, не потеряй сумочку. Держи крѣпко. Ну, поцѣлуй меня. Будь осторожна и слушайся дяди. До-свиданья, мсье. Билетъ и виза у нея въ сумочкѣ. Моя фамилія Хиртъ.

— Корягинъ... Очень пріятно.

— Тетечка! Поцѣлуй Жужу! — выбѣжавъ, вдругъ, въ корридоръ, крикнула вдогонку удалявшейся теткѣ Леночка.

Оставшись вдвоемъ съ маленькой спутницей, Никаноръ Андреевичъ въ первыя минуты чувствовалъ нѣкоторую стѣсненность, не зная, какъ держать себя, чтобы пріобрѣсти симпатіи дѣвочки. Самъ онъ не былъ женатъ, съ дѣтьми близко не сталкивался, а въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда приходилось ихъ занимать разговорами, выходило всегда неудачно. Въ особенности, не удавались шутки. Дѣти обижались, пугались, иногда даже ревѣли.

Просидѣвъ нѣкоторое время молча и обдумывая, о чемъ лучше всего заговорить, онъ искоса слѣдилъ за тѣмъ, какъ дѣвочка стягивала съ куклы пальто и, готовя ее къ ночному отдыху, снимала съ волосъ бантъ.

— А какъ звать твою куклу? — спросилъ, наконецъ, онъ, придавъ своему лицу особенно привѣтливое выраженіе.

Леночка недовѣрчиво вскинула на сосѣда большіе голубые глаза, подозрительно оглядѣла не внушавшій довѣрія костюмъ.

— Фифи, — тихо произнесла она.

— Что же... Совсѣмъ новая, или давно у тебя?

— Ей два года.

— Ого. Большая. И все-таки растетъ?

Онъ усмѣхнулся, лукаво взглянулъ на собесѣдницу. Но та искривила лицо пренебрежительной гримасой.

— Я не маленькая думать, что куклы растутъ.

Никаноръ Андреевичъ смолкъ. — Серьезная женщина! смущенно подумалъ онъ. — Такой клопъ, а выраженіе лица, какъ у взрослой. Навѣрно, очень хорошенькой будетъ. Красивый носикъ, маленькій ротъ, а главное, глаза. Будто свѣтящіеся. Интересно — въ мать или въ отца?

— А у тебя въ Парижѣ только мама? Или папа тоже?

— Только мама.

— А папа гдѣ?

— Папы... нѣтъ.

— Ага.

Корягинъ выразилъ на лицѣ сочувствіе, качнулъ головой.

— Вотъ, погоди, милая, — проговорилъ онъ, поднявшись и снявъ съ полки корзину.—У меня съ собой есть отличныя сливы. Ты любишь сливы?

— Люблю. Только мнѣ нельзя.

— Вотъ какъ? Отчего?

Онъ выжидательно замеръ съ бумажнымъ сверткомъ въ рукѣ.

— У меня сегодня животъ болитъ. Я много framboises съѣла.

— Такъ, такъ... Ну, если нездоровится, конечно, не стоитъ. А хочешь, можетъ быть, шоколада? У меня шоколадъ сербскій есть. Смотри.

— Noisette?

Она чуть оживилась, нагнулась впередъ, чтобы разглядѣть заманчивый пестрый рисунокъ.

— А что, это — нуазеттъ? А да. Помню. Нѣтъ, безъ нуазетта. Бери.

— Это много. Вы отломайте и дайте morceau. А то вся tablette денегъ стоитъ.

— Какія тамъ деньги! Бери!

Леночка не возражала. Взяла, развернула бумажку.

— А вы въ Парижъ почему ѣдете? — благосклонно спросила она, склонивъ голову на бокъ и стараясь откусить уголъ плитки. — Живете тамъ?

— Нѣтъ, я изъ Сербіи переѣзжаю.

— Служить будете?

— Постараюсь. Хочу искать работы.

— А развѣ у васъ работы нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Въ Парижѣ трудно выиграть свою жизнь, — дѣловито заговорила она, загнавъ кусокъ шоколада подъ щеку, которая слегка оттопырилась, точно при флюсѣ. — Степанъ Петровичъ въ прошломъ году долго ходилъ совсѣмъ какъ голодный. А если нѣтъ работы, нужно имѣть брильянты. У васъ есть брильянты?

— Какіе брильянты! —разсмѣялся Корягинъ. — Я никогда богатымъ не былъ. Жилъ на то, что зарабатывалъ.

— Это не идетъ.—Леночка сочувственно нахмурила лобъ, вытирая о стѣнку вагона кончики пальцевъ. — Я думаю, вы пропадете въ Парижѣ. Увидите.

Онъ снова разсмѣялся, мелькомъ взглянувъ на сосѣдокъ-швейцарокъ, невозмутимо продолжавшихъ вязанье. Разсудительность дѣвочки и смѣшила и въ то же время вызывала безпокойное чувство.— Удивительныя дѣти пошли теперь! — подумалъ онъ, уставившись взглядомъ на полки съ вещами. — Лѣтъ десять, одиннадцать, а разсуждаетъ, какъ тридцатилѣтняя. Раньше въ десять лѣтъ кто изъ дѣтей говорилъ

о расходахъ? А эта — «денегъ стоитъ»... «Пропадете»... Чудачка! А, можетъ быть, дѣйствительно, пропаду?

Онъ тряхнулъ головой, отгоняя набѣжавшія тревожныя мысли , и снисходительно взглянулъ на Леночку, уже окончившую ѣсть и аккуратно завертывавшую остатки шоколада въ бумагу.

— Значитъ пропаду? А? Ну, что же... Посмотримъ. Можетъ быть, пропаду, а, можетъ быть, наоборотъ, разбогатѣю. А если буду пропадать, ты мнѣ поможешь. Только, милая моя, съ легкой гордостью въ голосѣ продолжалъ Никаноръ Андреевичъ, — я никогда не боюсь рисковать. Уже въ дѣтствѣ, когда былъ совсѣмъ маленькимъ, какъ ты, съ товарищами нѣсколько разъ въ Америку бѣгалъ. Съ однимъ полтинникомъ въ карманѣ удиралъ, Богъ знаетъ куда.

— А зачѣмъ въ Америку? На заводъ?

— Хо-хо... На заводъ! Заводъ не большая приманка. Бѣгали мы не для того, чтобы служить, а для изслѣдованія дикихъ мѣстъ. Охотиться на звѣрей — на боа констрикторовъ, крокодиловъ. У насъ были такіе интересные писатели, послѣ чтенія которыхъ всегда хотѣлось бѣжать. Майнъ Рида ты читала когда-нибудь?

— Нѣтъ.

— А Робинзона Крузо?

— Это который жилъ въ пещерѣ, какъ бѣженецъ? Знаю. А вы отъ кого тогда бѣжали: отъ большевиковъ?

— Нѣтъ, почему отъ большевиковъ. Тогда никакихъ большевиковъ не было. Мы добровольно. Прочтемъ одинъ романъ и бѣжимъ. Опять прочтемъ — опять бѣжимъ.

— Ну, да... дурачки, значитъ, были.—Она сочувственно кивнула головой.—А папа и мама тоже бѣгали съ вами? Или вы одни?

— Нѣтъ, не бѣгали! Ну, да все равно...

Видя, что американскіе разсказы на дѣвочку производятъ впечатлѣніе обратное тому, какое хотѣлось вызвать, Никаноръ Андреевичъ прекратилъ воспоминанія, вздохнулъ и дѣловымъ тономъ добавилъ:

— А спать ты еще не хочешь?

— Нѣтъ.

— Погоди, я все-таки устрою. Садись-ка сюда, нужно опустить пальто съ крючка. Шляпку лучше сними, иначе помнешь. А снизу положимъ одѣяло, чтобы мягче лежать было.

Съ отеческой заботливостью онъ приготовилъ для Леночки возлѣ окна мѣсто, которое до сихъ поръ занималъ самъ. Соорудивъ изъ нѣсколькихъ кульковъ нѣчто вродѣ подушки и разложивъ одѣяло, заставилъ спутницу забраться на скамью и протянуть ноги въ его сторону. Она же приняла все это,какъ должное. Передала шляпу, попросивъ осторожно положить наверхъ, чтобы не испортились края, пригладила на головѣ густую шапку коротко стриженныхъ свѣтлыхъ волосъ и взобралась на одѣяло, держа въ одной рукѣ Фифи, а въ другой сумочку.

— Удобно? — ласково спросилъ онъ.

— Удобно.

— Протяни еще ноги, тутъ хватитъ мѣста.

— Я протянула.

— Въ такомъ случаѣ — спи. Въ Базелѣ разбужу, когда будетъ граница.

Никаноръ Андреевичъ сдѣлалъ строгое лицо, давая понять, что разговаривать больше не будетъ, и началъ смотрѣть въ окно. Въ небѣ угасли послѣдніе лучи сумерокъ. Черную раму окна яркими лентами пересѣкали фонари встрѣчныхъ станцій. На склонахъ невидимыхъ холмовъ

кружились огни, ходили взадъ и впередъ, смѣняя другъ друга.

— Еще только ночь—и Парижъ... Сейчасъ же по пріѣздѣ нужно отправиться съ рекомендательными письмами. Умоюсь, переодѣнусь и — айда. Нечего терять времени. Было бы хорошо спросить кого-нибудь насчетъ недорогой гостиницы, но кого? Развѣ, вотъ, мать Леночки, на вокзалѣ? Навѣрно, хорошо знаетъ городъ. Интересно, между прочимъ, какая изъ себя. Если дочка въ нее, навѣрно, блондинка, тоже хорошенькая. Можетъ быть, окажется симпатичной, буду въ гости ходить. Случайныя знакомства иногда бываютъ лучше старой дружбы. Коноваловъ, напримѣръ, даже женился. Познакомился на пароходѣ. Изъ Шанхая...

Никаноръ Андреевичъ фыркнулъ, заерзалъ на мѣстѣ. Внезапная мысль, что у него нѣтъ пока никакихъ перспективъ на опредѣленный заработокъ, заставила разсердиться на самого себя. Женихъ, нечего сказать! Ни службы, ни своего угла, а туда же — Коноваловъ. Брильянты нужны, вотъ что. А можетъ быть и пропаду? Очень просто.

Онъ нахмурился, вытащилъ изъ кармана самоучитель, раскрылъ наудачу и беззвучно зашевелилъ губами:

— Suivez cette rue. Tournez à gauche. Tournez â droite. Идите прямо... Allez tout droit. J'habite Paris, boulevard St. Germain numero 75... 60 плюсъ 15 — Soixante quinze... Тоже арифметика! Не могли отдѣльнаго числа придумать, складываютъ. Даже у сербовъ и у тѣхъ есть седамдесетъ. А еще культурный народъ! J'habite Paris... Boulevard Saint Germain...

IV.

Замедляя ходъ, поѣздъ вошелъ подъ закопченные стеклянные своды Gare de l'Est. Охваченный невольной жутью передъ гигантскимъ городомъ, которому приходится вручать свою судьбу, Никаноръ Андреевичъ смотрѣлъ на рѣшетчатое плетеніе желѣза и стеколъ вверху, съ любопытствомъ оглядывалъ рядъ путей съ промежуточными сѣрыми перронами.

Надѣвъ шляпку и прижавъ къ груди Фифи, Леночка стояла рядомъ и радостно выглядывала изъ окна, стараясь среди немногочисленныхъ фигуръ станціонныхъ служащихъ и носильщиковъ увидѣть мать.

— Погоди, я отодвинусь, а то тебѣ неудобно,— со вздохомъ произнесъ Никаноръ Андреевичъ, отступая вглубь вагона. — Смотри, какъ слѣдуетъ. Видишь?

— Нѣтъ еще.

— А встрѣчающую публику пускаютъ сюда?

— Не знаю... Стойте... Она! Нѣтъ...

— Ну, ладно. Ты оставайся и выглядывай, а я начну выносить чемоданы, чтобы время не пропадало.

Никаноръ Андреевичъ торопливо сталъ перетаскивать багажъ, складывая его передъ окномъ, гдѣ стояла Леночка. Изъ поѣзда уже вышли всѣ пассажиры, перронъ быстро

пустѣлъ. Нѣсколько носильщиковъ, оставшись безъ дѣла, обступили любопытную груду вещей, образовавшуюся возлѣ вагона, показывали на нее пальцами, что-то неясно произнося.

— Non, non, — сваливъ на чемоданы послѣднюю партію кульковъ, энергично отмахнулся отъ ближайшаго носильщика Никаноръ Андреевичъ. — Je suis. Я самъ, братецъ. Ну, что? Видишь маму?

Нѣ...ѣтъ... испуганно отвѣчала Леночка, высовываясь изъ окна насколько возможно. — Можетъ быть, она тамъ? Дальше?

По всей вѣроятности. Ну, вылѣзай. Я твой саквояжъ тоже вынесъ.

Предложивъ ей пройти къ виднѣвшейся вдали рѣшеткѣ, къ которой направлялись всѣ пассажиры, Никаноръ Андреевичъ остался ждать возлѣ вещей. Тамъ, у рѣшетки,было довольно много народу. Смѣшавшись съ толпой, Леночка на время исчезла, затѣмъ возлѣ одного изъ кіосковъ мелькнуло ея голубое платье, опять скрылось.

— Одна? — тревожно пробормоталъ Никаноръ Андреевичъ, увидѣвъ дѣвочку, бѣгомъ напрарляющуюся къ нему.

— Мамы нѣтъ! — со страхомъ закричала она издали, держа за ноги волочившуюся по перрону Фифи. — Не пришла!

— Ну, вотъ, не пришла... —Онъ усмѣхнулся, стараясь не обнаруживать смущенія. — Навѣрно, гдѣ-нибудь ждетъ. Видишь, какой огромный вокзалъ!

Въ подтвержденіе своихъ словъ Никаноръ Андреевичъ пренебрежительно махнулъ одѣяломъ въ обѣ стороны и продолжалъ:

— Если бы я зналъ, какая она изъ себя, пошелъ бы

самъ, конечно. Только, какъ узнать? Она въ какомъ костюмѣ?

— Въ синемъ. Или въ красномъ. Черное тоже...

— По такимъ признакамъ трудновато. А какого роста? Высокаго?

— Да, да. Высокаго. Очень. Пойдите, пожалуйста, посмотрите, если она тамъ... Лицо такое круглое... Красивое... И волосы. Что теперь дѣлать? Почему она?

— Ну, ну, не нужно плакать. Оставь.

— Вѣдь, мы... Имѣли посланную телеграмму...

— Очевидно, опоздала. Или проспала. Мало ли что. Эхъ-хе-хе! Въ такомъ случаѣ, сдѣлаемъ вотъ какъ: перетащимъ вещи къ выходу и тамъ посидимъ, подождемъ. Навѣрно, извозчикъ попался плохой, или трамвай остановился безъ тока. Стой здѣсь, я начну переносить.

— Она пріѣдетъ? Правда?

— Разумѣется, пріѣдетъ.

Сваливъ багажъ у дверей главнаго выхода, Никаноръ Андреевичъ усадилъ Леночку на одинъ изъ чемодановъ, а самъ сталъ прохаживаться взадъ и впередъ по вестибюлю, останавливаясь у стѣнъ съ оффиціальными желѣзнодорожными объявленіями, разглядывая кіоски съ табакомъ, газетами и игрушками.

— Не было печали! — думалъ онъ, недовольно морщась при мысли о томъ, что мать Леночки можетъ не явиться. — Самъ не знаешь, какъ повернуться въ новомъ городѣ, а тутъ изволь... Хорошо еще, что говоритъ по-французски, какъ сорока. Когда съ контролеромъ объяснялась, нельзя даже было ничего понять, такъ быстро.

Онъ подошелъ къ Леночкѣ, посмотрѣлъ въ ея уже нѣсколько успокоившееся лицо, посвисталъ, затѣмъ съ дѣланнымъ равнодушіемъ спросилъ:

— Ну, а адресъ вашей квартиры ты знаешь?

— Dix-neuf, rue Letellier.

— Letellier? А номеръ?

— Я сказала — девятнадцать.

— Ну да...

— А если мама не пріѣдетъ, мы поѣдемъ туда. Хорошо? Мама заплатитъ, вы не безпокойтесь. И у меня тоже деньги есть.

— Какія глупости! Дѣло не въ деньгахъ. А возлѣ вашего дома есть какая-нибудь гостиница или отель?

— Конечно, есть! — обрадовалась онѣ, догадавшись, что онъ думаетъ поселиться возлѣ нихъ. — У насъ много отелевъ. А, можетъ быть, и въ нашемъ домѣ есть chambre à louer, мы пойдемъ спрашивать консьержку.

— Что-жъ... — Никаноръ Андреевичъ задумчиво отвелъ взглядъ всторону. — Въ такомъ случаѣ, подождемъ еще немного и отправимся.

Напѣвая про себя что-то грустное, онъ опять зашагалъ по вестибюлю, прошелъ вглубь вокзала, заглянулъ въ багажное отдѣленіе, въ комнату комиссаріата полиціи, вернулся и, выйдя на подъѣздъ, началъ осматривать площадь.

— Вотъ и Парижъ...— Онъ критическимъ взглядомъ окинулъ сѣрыя зданія съ окнами, прикрытыми жалюзи, съ крышами, усѣянными желѣзными трубами. — Особеннаго ничего, дома — какъ дома. И площадь, хотя порядочная, но тоже не Богъ вѣсть какая. У Николаевскаго вокзала въ Петербургѣ эффектнѣе.

Никаноръ Андреевичъ разглядѣлъ по сторонамъ огромныя золоченыя буквы съ названіями отелей, подумалъ, что все это, конечно, не для него, не по карману, вздохнулъ и внимательно сталъ слѣдить за движеніемъ на площади.

Было около восьми часовъ, жизнь шла уже полнымъ

ходомъ. Мелькали, проносясь взадъ и впередъ, автомобили — зеленые, темнокрасные, черные. Стучали, пересѣкая площадь, трамваи; гудѣли, выстроившись въ рядъ, громоздкіе желто-зеленые автобусы, похожіе на игрушечныя коляски огромныхъ размѣровъ. По боковымъ троттуарамъ, подъ полосатыми навѣсами, сновала многочисленная публика, заливая темной массой обѣ стороны ближайшаго бульвара.

День начинался солнечный, жаркій. Въ воздухѣ пахло бензиномъ, копотью, теплымъ дыханіемъ асфальта. Площадь гудѣла, стучала, звенѣла, заполнялась лязгомъ желѣза, шуршаніемъ резины, кряканіемъ автомобильныхъ рожковъ. Никаноръ Андреевичъ стоялъ долго, разсматривая высоко сидѣвшихъ шофферовъ автобусовъ, слѣдя за ловкими маневрами такси, наблюдая за спокойными лицами ажановъ, регулировавшихъ движеніе.

— Je cherche un emploi... — съ горечью вспомнилъ, вдругъ, онъ. И, рѣзко повернувшись, вошелъ въ вестибюль.

— Ѣдемъ, Леночка!

V.

Выбравшись на Большіе Бульвары, автомобиль смѣшался съ вереницей такси и медленно сталъ продвигаться на западъ, останавливаясь возлѣ большихъ перекрестковъ, уступая дорогу потокамъ людей и машинъ изъ боковыхъ улицъ.

Забывъ горечь обиды отъ невниманія матери и предвкушая радость возвращенія домой, Леночка повеселѣла, важно откинулась на спинку сидѣнія, стараясь держаться какъ взрослая барышня. Корягинъ сидѣлъ рядомъ, придерживая руками и ногами не помѣстившіяся возлѣ шоффера мелкія вещи, и снисходительно оглядывался по сторонамъ, дѣлая видъ, что его ничѣмъ удивить невозможно.

Проходили мимо безконечные ряды высокихъ домовъ, облѣпленныхъ вывѣсками и цвѣтными плакатами. Внизу, у троттуаровъ, за сплошной толпой пѣшеходовъ, мелькали столики и пестрые соломенные стулья кафе, поблескивали витрины магазиновъ, пузырились навѣсы надъ грудами выставленныхъ товаровъ.

Повернувъ съ Бульваровъ на площадь Concorde, автомобиль миновалъ мостъ черезъ Сену, промчался вблизи башни Эйфеля и, черезъ нѣсколько минутъ, попавъ въ сѣть узкихъ улицъ, остановился возлѣ унылаго стараго зданія.

Обнявъ Фифи за ноги и поднявъ ее высоко надъ плечомъ, Леночка соскочила съ такси, радостно побѣжала къ подъѣзду. Корягинъ тоже началъ выбираться, съ трудомъ освобождая ноги отъ узелковъ и корзинъ.

— Я тебя подожду! — крикнулъ онъ вслѣдъ.

— Хорошо!

Простоявъ нѣкоторое время на троттуарѣ и выжидательнымъ выраженіемъ лица давая понять шофферу, что выгружать вещи еще рано, Никаноръ Андреевичъ сообразилъ, однако, что долго задерживать автомобиль неудобно. Вздохнувъ отъ перспективы говорить по-французски, онъ поправилъ на головѣ шляпу, откашлялся и рѣшилъ объясниться.

— Monsieur... Comprenez-vous... Il faut... attender.

Онъ смолкъ, подбирая дальнѣйшія слова.

— Encore un peu... Cette fille veut à la maman. Moi — à la hôtel. Je crois...

— Да вы не тужьтесь, говорите по-русски, — пренебрежительно прервалъ шофферъ, доставая изъ кармана газету. — Подождать нужно, что ли?

— Вы русскій? — Корягинъ радостно поднялъ брови. — Какое... пріятное совпаденіе. Почему же на вокзалѣ по-французски говорили?

— Вокзалъ-то въ Парижѣ французскій, я полагаю. А сколько намъ ждать? Долго?

— Нѣтъ, нѣтъ. Одну минуту. Сейчасъ она вернется, возьметъ саквояжъ. А мнѣ въ Сербіи, дѣйствительно, говорили, что нашихъ здѣсь много шофферами. Вы офицеръ, навѣрно?

— Не все ли равно.

— А все-таки?

— Генералъ.

— Вотъ какъ!

Никаноръ Андреевичъ выпрямился, съ почтительнымъ вниманіемъ взглянулъ на шофферскую шапку, напоминавшую русскій картузъ, и на желтоватое пальто съ чернымъ воротникомъ.

— Видите ли... Дѣвочку, ваше превосходительство, я долженъ сдать матери, — снова заговорилъ онъ, стараясь любезностью тона подчеркнуть уваженіе къ чину собесѣдника. — А самъ отправлюсь въ гостиницу. Еще даже не знаю,куда. Можетъ быть,у нихъ въ домѣ случайно найдется...

Несмотря на то, что генералъ не проявлялъ особенной словоохотливости и отвѣчалъ на вопросы сухо и кратко, Никаноръ Андреевичъ успѣлъ, тѣмъ не менѣе, узнать отъ него кое-что цѣнное для оріентировки въ Парижѣ. Разспросилъ о цѣнахъ на комнаты, на продукты, завелъ разговоръ о службѣ, о наиболѣе вѣроятныхъ возможностяхъ найти заработокъ. Генералъ слушалъ, отвѣчалъ, неопредѣленно пожималъ плечами и, высказавъ мнѣніе, что не слѣдовало ѣхать въ Парижъ, не заручившись предварительно какой-нибудь службой, спросилъ:

— А спеціальность у васъ какая?

— Да какая спеціальность,ваше превосходительство. Вѣдь, я только сегодня пріѣхалъ!

Въ дверяхъ подъѣзда показалась, наконецъ, Леночка. Обернувшись къ ней, Никаноръ Андреевичъ замѣтилъ, что она какъ будто не рѣшалась выйти изъ дверей, безпомощно оглядываясь по сторонамъ. Шляпка съѣхала на сторону, Фифи опять болталась у ногъ внизъ головой, разметавъ густую льняную шевелюру.

-- Ну, что? — подойдя къ подъѣзду, спросилъ онъ. — Все благополучно?

Леночка не отвѣчала.

— Мама дома, я спрашиваю?

— Ма... мы нѣтъ. Уѣхала отсюда... Совсѣмъ...

— Какъ уѣхала? Куда?

Онъ изумленно взглянулъ на нее. Лицо ея дергалось, носъ покраснѣлъ.

— Не знаю, куда... Madame Joffrin не сказала...

— Но, все-таки, она въ Парижѣ?

— Не... знаю... Я такая... несчастная... Я... одна... осталась...

Плечи ея судорожно поднялись. Изъ глазъ побѣжали крупныя капли.

— Ну, ну, опять слезы! — хмуро пробормоталъ Никаноръ Андреевичъ. — Ты не маленькая. Брось. А, можетъ быть, кто-нибудь въ домѣ знаетъ новый адресъ?

— Н...нѣтъ... Никто.

— Швейцара спрашивала?

— Консьержку... она тоже... Ничего...

— Вотъ еще исторія! Въ такомъ случаѣ, ваше превосходительство, — подойдя къ шофферу, рѣшительно произнесъ Корягинъ, — намъ придется заѣхать въ адресный столъ.

— Куда?

Генералъ, начавшій читать газету, удивленно поднялъ голову.

— Въ адресный столъ, ваше превосходительство.

— Адреснаго стола въ Парижѣ нѣтъ.

— Какъ такъ нѣтъ?

— У французовъ адреса частныхъ лицъ — тайна.

— Тайна?

Никаноръ Андреевичъ возмущенно посмотрѣлъ на генерала. По лицу прошла горькая усмѣшка.

— Это мнѣ нравится... Тайна! Хорошая тайна для доче-

ри, пріѣхавшей къ матери. А куда же ребенку обратиться, чтобы найти родителей?

— Право не знаю. Должно быть, въ префектуру.

Постоявъ нѣкоторое время на троттуарѣ и обдумывая, что бы такое предпринять, Никаноръ Андреевичъ рѣшилъ, наконецъ, войти въ домъ и снова попытаться узнать адресъ. Попросивъ генерала подождать еще нѣсколько минутъ и накинуть сверхъ таксы цѣну, которая полагается за ожиданіе, онъ вошелъ въ подъѣздъ и вмѣстѣ съ Леночкой поднялся по узкой деревянной лѣстницѣ на третій этажъ.

Послѣ второго продолжительнаго звонка внутри послышались шаги, звякнулъ ключъ. Въ дверяхъ показалась сѣдая женская голова съ зализанной на обѣ стороны прической.

— Bonjour, madame, — приподнявъ шляпу, вѣжливо проговорилъ Никаноръ Андреевичъ. — Je cherche... une maman... Леночка, какъ твоя фамилія?

— Павлова... А мама — Вѣра Сергѣевна...

— Madame Pavloff, savez-vous? Cette fille...

Окинувъ незнакомца презрительнымъ взглядомъ, хозяйка распахнула дверь и раздраженно заговорила о чемъ-то, показывая пальцемъ назадъ, въ темный корридоръ.

— О чемъ она, Лена? Чего злится старуха?

— Она говоритъ... что мама не заплатила... За fauteuil abimé! И потомъ... Мама сама не хотѣла давать адреса... Нарочно...

— Хорошо, въ такомъ случаѣ, спроси, не знаетъ ли она, гдѣ живетъ кто-нибудь изъ маминыхъ знакомыхъ. Можетъ быть, ты сама помнишь?

— Нѣтъ. Не знаю...

— А, можетъ быть, мамина комната у нея сдается? Спроси. Ты можешь пока поселиться. Я дамъ задатокъ.

Сердито замотавъ головой въ отвѣтъ на предложеніе

Леночки, старуха снова оглядѣла Корягина съ ногъ до головы, пренебрежительно произнесла что-то, должно быть очень обидное, и затѣмъ, отступивъ вглубь, захлопнула дверь.

— Ну, и вѣдьма! — пробормоталъ Никаноръ Андреевичъ, со страхомъ чувствуя, что изъ всей этой комбинаціи ему никакъ не выпутаться. — Пойдемъ, въ такомъ случаѣ, внизъ, къ швейцару. Разспросимъ.

— Я же сказала... Она не знаетъ... Теперь мы никогда не найдемъ мамы... Теперь я осталась на улицѣ... Теперь вы уѣдете, а я...

Вздрагивая отъ новаго приступа плача, Леночка медленно опустилась на полъ площадки, отбросила всторону Фифи, и, прикрывъ лицо руками, начала громко рыдать.

— Лена! Не реви.

— Аа...а... Мама бросила!..

— Лена, довольно!

— Оставьте!

Она дернула плечомъ, почувствовавъ прикосновеніе его руки.

— Лена, я тебѣ говорю? Кругомъ слышно...

— И пусть... слышно! Я умру... Я не хочу...

— Лена! — не выдержавъ, зарычалъ Никаноръ Андреевичъ. — Я тебѣ говорю? Какая ты глупая, — испугавшись своего крика и почувствовавъ внезапную жалость къ дѣвочкѣ, тихо добавилъ онъ. — Неужели ты думаешь, что я тебя такъ оставлю? Погоди. Мы все обсудимъ. Возьмемъ тебѣ комнату. А къ вечеру найдемъ маму. Вѣдь, это же не Албанія. Вѣдь, это Парижъ, слава Богу, чортъ бы его взялъ!

VI.

Было около одиннадцати часовъ, когда Корягинъ вышелъ изъ отеля «Sans Souci», въ которомъ ему удалось сравнительно недорого найти для себя и для Леночки два сосѣднихъ номера. Постоявъ въ раздумьи на троттуарѣ, онъ вынулъ изъ кармана пиджака красную книжечку съ планомъ Парижа, вслѣдъ за нею небольшихъ размѣровъ компасъ, отыскалъ по компасу сѣверъ и затѣмъ, взглянувъ на планъ, увѣренно повернулъ въ ту сторону, гдѣ должна была находиться остановка метрополитэна.

Закуривъ папиросу и небрежно сдвинувъ на бокъ шляпу, чтобы придать себѣ болѣе элегантный и независимый видъ, Никаноръ Андреевичъ медленно шелъ по rue du Commerce, пробираясь сквозь густую толпу пѣшеходовъ.

Улица вполнѣ оправдывала свое названіе. По обѣимъ сторонамъ расположились, тѣсня другъ друга, небольшіе магазинчики, рестораны, мастерскія. У троттуаровъ шли ряды прилавковъ со свертками дешевыхъ матерій, игрушекъ, жестяныхъ издѣлій, пестрой посуды. Сверху, изъ-подъ сѣрыхъ навѣсовъ, прикрывавшихъ товаръ отъ жаркаго солнца, свѣшивались рукава пиджаковъ, раскачивались брюки, метлы, швабры, дамскія платья. Точно задыхаясь въ тѣснотѣ магазиновъ, все это рвалось наружу, задѣвало за головы,

подворачивалось подъ локти, смѣшивалось съ волной торопливыхъ прохожихъ, навалившись на узкую полосу улицы, по которой въ общей шумящей грудѣ мчались автобусы, грузовики съ винными бутылками въ рѣшетчатыхъ клѣтяхъ, мальчишки на трехколесныхъ велосипедахъ съ металлическими коробками-ящиками.

— Вотъ они, парижане, — съ радостно-тревожнымъ чувствомъ думалъ Корягинъ, разглядывая публику. — Хотя и небогато одѣты, но хорошо держатся. Женщины, въ самомъ дѣлѣ, изящны. И руками красиво помахиваютъ, и ножки тоненькія, не то, что на Балканахъ. Эта, въ сиреневомъ, даже глазами стрѣльнула. Носъ острый, брови черныя...

Никаноръ Андреевичъ обернулся, задѣлъ плечомъ господина, наскочившаго на него сзади, съ любопытствомъ посмотрѣлъ француженкѣ вслѣдъ.

— А, вѣдь, теперь и я самъ парижанинъ! — съ неожиданной гордостью вспомнилъ, вдругъ, онъ, продолжая путь. — Былъ простымъ бѣлградцемъ, и вотъ — парижанинъ. Даже смѣшно. Никаноръ Андреевичъ Корягинъ — па-ри-жа-нинъ. Адресъ: Paris, hôtel «Sans-Souci». Это не Шуматовачка какая-нибудь. Лишь бы только найти службу и тогда... Monsieur le directeur — reçoit-il?

Лицо на мгновеніе омрачилось. Сразу почувствовалось что все это — и улица, и люди, и плетеные стулья ресторановъ, и товары съ ярлыками, обозначавшими цѣны—еще чужое, далекое, не оправдывающееся ничѣмъ, пока не будетъ работы. Вотъ, подъ навѣсомъ сидятъ французы, пьютъ кофе, пиво. Заработали и пьютъ. Ввинтились въ жизнь, чѣмъ-то занимаются. Конечно, у него, Корягина, есть еще въ запасѣ семьсотъ франковъ съ лишнимъ. Не то что пить кофе, можно и обѣдать долгое время. Но ощущеніе другое.

Тратишь и чувствуешь, что висишь въ пространствѣ. Никакой точки опоры.

Никаноръ Андреевичъ вздохнулъ, остановился у витрины магазина готовыхъ платьевъ.

— Дешевизна-то какая! — удивился онъ, съ завистью разглядывая цѣны. — Костюмъ — 125. На динары — 275 приблизительно. Въ Бѣлградѣ и за 600 не купишь. А носки на прилавкѣ! А подтяжки! Имѣя деньги, одѣваться здѣсь — плевое дѣло.

Компасъ и карта не обманули. На углу оказался спускъ въ подземелье и доска съ надписью «Métropolitain». Какъ ѣхать къ Поталову, къ которому было рекомендательное письмо, не трудно опредѣлить по картѣ метро, приложенной къ плану. Но какъ устроено все тамъ, внизу, какъ садиться, какъ пересаживаться, — это можно узнать только на практикѣ.

— Господи, благослови! — пробормоталъ Никаноръ Андреевичъ, медленно спускаясь по лѣстницѣ.

VII.

Комната, которую нанималъ Поталовъ, была сумбурная, неуютная, вся заставленная громоздкой, ненужной мебелью. На столахъ, на коммодахъ и на каминѣ масса бездѣлушекъ, принадлежащихъ, очевидно, квартирной хозяйкѣ; стѣны увѣшаны чужими портретами, группами, старыми гравюрами, вставленными подъ стекло въ облупившіяся золоченыя рамы.

Самъ Поталовъ сидѣлъ у круглаго стола посреди комнаты и возился съ безформеннымъ комкомъ какой-то темной матеріи, когда, послѣ осторожнаго стука въ дверь и отвѣтнаго «entrez», къ нему вошелъ гость.

— Позвольте представиться: Корягинъ, — сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ столу, застѣнчиво произнесъ Никаноръ Андреевичъ. — Простите, что безпокою, но привезъ отъ вашей сестрицы Софьи Павловны письмецо.

— А! — слегка приподнявшись въ креслѣ, одобрительно отвѣтилъ хозяинъ. — Очень радъ.

Онъ переложилъ комокъ матеріи, оказавшійся брюками, на стоявшій посреди стола бронзовый бюстъ Наполеона, поправилъ на курносомъ носу съѣхавшее на сторону старомодное пенснэ, и, не вставая, протянулъ руку.

— Вы изъ Бѣлграда? — взявъ письмо, спросилъ онъ,

стараясь изобразить на помятомъ лицѣ, обросшемъ синеватой щетиной, нѣчто наподобіе улыбки. — Сами привезли?

— Какъ же, самъ. Сегодня только прибылъ. Пріѣхалъ, такъ сказать, попытать счастья на новомъ мѣстѣ.

— Прекрасно, прекрасно. Посмотримъ.

Не слушая, что говоритъ гость, Поталовъ надорвалъ край конверта, вынулъ письмо, быстро просмотрѣлъ его и, поморщившись, бросилъ небрежно на столъ.

— А я думалъ, что воспользуется случаемъ, вернетъ долгъ, — недовольно пробормоталъ онъ, перекладывая брюки съ бюста Наполеона обратно къ себѣ на колѣни. — Насчетъ денегъ Софья Павловна ничего не говорила?

— Нѣтъ. Только письмо.

— Жаль.

Поталовъ взялъ со стола иглу съ длинной черной ниткой, поднесъ къ глазамъ, и, наклонившись, началъ теребить этой иглой матерію.

— Софья Павловна, между прочимъ, навѣрно, и обо мнѣ пишетъ, — смутившись, заговорилъ снова Никаноръ Андреевичъ. — Вы изволили прочесть то, что касается меня?

— А въ чемъ дѣло?

Поталовъ удивленно поднялъ голову, посмотрѣлъ — однимъ глазомъ черезъ пенснэ, другимъ — поверхъ золотой оправы.

— Ваша фамилія какъ? — вопросительно добавилъ онъ, точно вспоминая что-то очень отдаленное во времени.

— Корягинъ.

— Ага. Это вы. Да, да. Пишетъ. Только что?

Брюки опять накрыли собой голову великаго полководца, а письмо Софьи Павловны заерзало около близорукихъ глазъ.

— Итакъ, вы пріѣхали искать службы, — удовлетворен-

но сказалъ Поталовъ, снова кладя письмо на столъ и водружая работу на колѣни. — Что же... Въ добрый часъ. Садитесь. Жаль только, что не могу съ вами долго бесѣдовать, готовлюсь къ засѣданію. А, между прочимъ, визу вамъ дали легко?

— Нѣтъ, не особенно. Вліятельный сербскій чиновникъ устроилъ. Я, собственно говоря, къ вамъ только на одну минутку. Хотѣлъ бы узнать...

— Погодите. Вы, вотъ, говорите, — вліятельный сербъ. А вы не могли бы оказать услугу одному моему пріятелю, члену республиканско-демократическаго объединенія?

— Республиканско-демократическаго? — дрогнувшимъ голосомъ переспросилъ Никаноръ Андреевичъ. — А... что именно?

— Вамъ, навѣрно, извѣстно, какую ожесточенную кампанію ведутъ противъ нашей группы бѣлградскіе зубры. Вотъ, уже второй мѣсяцъ, какъ другъ мой старается добиться визы, чтобы прочесть въ Бѣлградѣ рядъ докладовъ, и ничего не выходитъ. Очевидно, кто-то изъ черносотенцевъ мѣшаетъ. А, между тѣмъ, вы сами понимаете, господинъ Ковригинъ, насколько полезно было бы разрушить цитадель монархистовъ на Балканахъ. Эти господа ничего не забыли, ничему не научились. Мечтаютъ о реставраціи, о реституціи. Кажется, стучитъ кто-то?

Воспользовавшись тѣмъ, что въ комнату вошелъ господинъ, судя по всему, хорошій знакомый Поталова, Никаноръ Андреевичъ поднялся со стула. Прежняя добродушная застѣнчивость смѣнилась хмурымъ выраженіемъ лица. «Зубры» и «разрушеніе цитадели» не только оскорбили, но ясно показали, что дѣлать здѣсь нечего. Не вступать же въ политическій споръ, пріѣхавъ съ рекомендательнымъ письмомъ.

— Ну, мнѣ пора, — пробормоталъ онъ, взявшись за шляпу. — Еще нужно во многихъ мѣстахъ побывать.

Вошедшій въ комнату незнакомецъ, однако, не далъ возможности попрощаться. Съ самодовольнымъ видомъ подошелъ къ Поталову, дружески пожалъ его за локоть, по-пріятельски протянулъ руку Никанору Андреевичу, будто видѣлъ его уже много разъ, и заговорилъ, быстро бросая слова и вертя лысой головой:

— Очень радъ, что засталъ. Удачно. Ты что это? Шьешь? Хорошее занятіе для политическаго дѣятеля. А я, братъ, притащилъ свой докладъ. Здорово вышло. Вода у тебя есть? Пить хочу. Ты ужъ меня извини, дорогой, но выдержки я тебѣ прочту обязательно. Сегодня даже на службу не пошелъ, съ утра стиль подчищалъ. Чертъ съ ними, съ двадцатью франками, пускай вычитаютъ. Ну, гдѣ же вода? Ты не вставай только. Я самъ.

— Позвольте пожелать вамъ всего лучшаго, — воспользовавшись тѣмъ, что гость направился къ буфетному шкапу, протянулъ руку Никаноръ Андреевичъ. — До свиданья.

— Уже? До свиданья. Погодите... А какъ же съ этимъ? Насчетъ серба?

— Я какъ-нибудь еще зайду. Сегодня, къ сожалѣнію, спѣшу.

— Вы что? Уходите?— держа въ рукѣ стаканъ, подошелъ къ Корягину пріятель Поталова. — Если думаете, что я при васъ читать не могу, ошибаетесь. Наоборотъ, очень радъ. Сережа, ты ничего не имѣешь противъ? Для корректива чѣмъ больше возраженій, тѣмъ лучше. Вы, очевидно, тоже демократъ?

— Нѣтъ, не демократъ, — покраснѣвъ и какъ-то угрожающе вытягиваясь во весь ростъ, глухо отвѣтилъ Никаноръ Андреевичъ. — Я — монархистъ.

— Монархистъ? — удивленно воскликнулъ тотъ, поочередно взглядывая то на Корягина, то на смущенно опустившаго голову Поталова. — Въ такомъ случаѣ, обязательно оставайтесь! Сережа, ты ничего не имѣешь? Мнѣ, какъ евразійцу, особенно полезно защищаться съ двухъ фланговъ. Ты аттакуешь съ республиканскаго, а вы, мсье, съ монархическаго. Между прочимъ, разрѣшите вашу фамилію?

— Корягинъ...

— Корягинъ? Такъ, такъ, А моя — Щебетовъ-Коровскій. Вы — абсолютистъ или конституціонный? Впрочемъ, потомъ разберемъ. А тебѣ скажу, Сережа, вполнѣ откровенно: мнѣ не столько хочется прочесть сейчасъ выдержки, сколько узнать, на какіе пункты вы будете особенно насѣдать. Пренія получатся, безусловно, горячія, ну, а ударить въ грязь лицомъ, ты самъ понимаешь...

— Послушай, Миша, — прервалъ пріятеля Поталовъ, рѣшительно вставая съ кресла и бросая брюки на кровать. — Ты не вздумай обижаться, пожалуйста, но у меня ни минуты свободной. Черезъ часъ у насъ засѣданіе. Затѣмъ нужно заѣхать въ редакцію. Послѣ редакціи еще въ два мѣста...

— Въ такомъ случаѣ, только тезисы!

— И тезисовъ не могу. Нужно бриться и переодѣваться. Вечеромъ на диспутѣ мое мнѣніе ты узнаешь полностью.

— Вечеромъ! — горько разсмѣялся Щебетовъ, обидчиво слѣдя за Поталовымъ, который сбросилъ пиджакъ и началъ возиться возлѣ умывальника. — Очень мнѣ нужно вечеромъ. Нѣтъ, я вижу Сережа, ты серьезно измѣнился ко мнѣ. Понимаю, если бы я былъ большевикомъ, или крайне-правымъ. Но, вѣдь, мы симфонически соединяемъ самые разнообразные моменты! Вотъ вы, мсье, — обернулся Щебетовъ-Коровскій къ Никанору Андреевичу, который, держа

шляпу въ рукѣ, нерѣшительно поглядывалъ на дверь. — Вотъ вы, какъ монархистъ, навѣрно, отрицаете въ большевизмѣ все, не изслѣдуя, что въ немъ есть больного и что здороваго. Я же сегодня на докладѣ постараюсь выявить, что октябрьскій переворотъ не только отбросилъ насъ на нѣсколько вѣковъ назадъ, но въ то же время и двинулъ на нѣсколько столѣтій впередъ. Въ наше время, Сережа... — Щебетовъ-Коровскій подошелъ къ Поталову, который уже сидѣлъ передъ зеркаломъ и со страдальческой гримасой скребъ намыленныя щеки безопасной бритвой. — Въ наше время, Сережа, совершенно немыслимо подходить къ жизни со старыми трафаретными взглядами. Ты читалъ, напримѣръ, книгу Гульельмо Ферреро? Брейся, брейся, пожалуйста, я тебѣ не мѣшаю. Ферреро говоритъ, Сережа, что Европа послѣ паденія монархій, подобно Великой Римской Имперіи третьяго вѣка, осталась безъ всякаго принципа власти. Онъ говоритъ, что... у тебя на подбородкѣ кровь, навѣрно, содралъ прыщикъ. Говоритъ, что принципъ имперіалистическаго монархизма уже погибъ, а демократическіе принципы замѣнить его не въ состояніи. Нынѣшніе парламенты не могутъ оживить Европу точно такъ же, какъ не могъ сдѣлать это Сенатъ въ Римской Имперіи послѣ утраты своего престижа...

Что говорилъ дальше Щебетовъ-Коровскій, Никаноръ Андреевичъ уже не слышалъ. Благополучно выбравшись изъ квартиры, онъ спускался по лѣстницѣ, мысленно награждая нелестными эпитетами какъ самого Поталова, такъ и его сестрицу Софью Павловну, эту безобидную, но совершенно не разбирающуюся въ политикѣ старушку.

Оставалось надѣяться только на второе письмо — къ Скачкову, Федору Ивановичу, съ которымъ Корягинъ тоже не былъ знакомъ, но про котораго ему въ Бѣлградѣ говорили,

что это весьма предпріимчивый человѣкъ, умѣющій при всякихъ обстоятельствахъ недурно устроиться.

Выйдя на улицу, Никаноръ Андреевичъ оглядѣлся, отошелъ въ сторону отъ подъѣзда, и, вытащивъ изъ кармана планъ, началъ опредѣлять предстоявшій путь къ Скачкову. Онъ долго искалъ названіе улицы; еще дольше водилъ пальцемъ по отрѣзкамъ плана; затѣмъ напряженно углубился въ карту метро, сопоставляя ближайшую станцію со станціей, на которой нужно сходить. И, вдругъ, услышалъ возлѣ себя:

— А! Вы здѣсь? Не ушли?

Щебетовъ-Коровскій щелкнулъ застежкой туго набитаго портфеля, сдвинулъ на затылокъ потрепанную фетровую шляпу и недовольно оглянулся на подъѣздъ дома.

— Странный человѣкъ! — пренебрежительно пробормоталъ онъ. — Раздражается изъ-за всякаго пустяка. Вы куда? Къ метро?

— Да.

— Идемъ вмѣстѣ. Началъ читать ему, а съ нимъ — точно падучая. Какой нервный народъ пошелъ теперь, ужасъ. Очевидно, все изъ-за нея... Изъ-за этой хваленой Европы! — Щебетовъ угрожающе ткнулъ пальцемъ въ каменный заборъ, на которомъ красовалась надпись «défence d'afficher». — Развѣ мы были такъ несдержанны въ Россіи? Никогда. А тутъ, въ Европѣ, смотрите, даже поталовскіе безчувственные нервы и тѣ не выдерживаютъ.

Идя рядомъ съ Щебетовымъ, Корягинъ, молчалъ, не пытаясь подавать собесѣднику репликъ. Но этого и не нужно было. Щебетовъ говорилъ безъ умолку, браня укладъ европейской жизни, самъ себѣ задавая вопросы и самъ на нихъ отвѣчая немедленно.

— Вижу я, что на парламентаризмѣ мы съ Сережкой

разссоримся окончательно,—громко восклицалъ онъ у спуска въ метро, оживленно жестикулируя и обращая на себя вниманіе прохожихъ. — Какъ заладилъ демократическую республику, такъ ни на шагъ не отступитъ. А какіе пріятели когда-то были! Въ университетѣ онъ за меня даже нѣмецкій языкъ держалъ. Я говорю ему, когда вы ушли: представь, Сережа, что въ какой-нибудь странѣ со всеобщимъ избирательнымъ правомъ въ парламентъ попали: двѣсти человѣкъ лѣвыхъ, двѣсти человѣкъ правыхъ и одинъ представитель изъ сумасшедшаго дома. Кто бы рѣшалъ, въ такомъ случаѣ, судьбу государства? Сумасшедшій? Говорю я ему все это, загоняю въ тупикъ, а онъ какъ начнетъ топать ногами. Жаль, здѣсь жара, солнце печетъ, а то я изложилъ бы вамъ основныя положенія доклада, чтобы имѣли представленіе. Впрочемъ, знаете что? Еще двѣнадцати нѣтъ, внизу на станціи, пожалуй, будетъ удобно. Спокойно, прохладно, публики въ эти часы мало. Идемъ?

Они спустились. Въ метро было, дѣйствительно, малолюдно и тихо. Гулко звучали шаги по длиннымъ проходамъ. Влажнымъ отблескомъ отвѣчала огнямъ электрическихъ лампочекъ изразцовая облицовка широкихъ сводовъ. Ѣдкій запахъ шелъ отъ мокраго каменнаго пола, надъ которымъ съ метлами въ рукахъ лѣниво шевелились уборщицы, напоминая своимъ нарядомъ форму женскаго ударнаго батальона.

Внизу, возлѣ рельсъ, тишина. Тотъ же безжизненный отблескъ, сѣрая полоса пустынной платформы съ грудами наметенныхъ у стѣнъ разноцвѣтныхъ билетиковъ.

— Вотъ, вы садитесь сюда, а я возлѣ васъ, — предложилъ Щебетовъ, кладя на скамью возлѣ стѣны свой портфель и съ удовлетвореніемъ оглядываясь по сторонамъ. — Тезисовъ, пожалуй, перечислять не стоитъ, это заведетъ слишкомъ далеко. Но могу, если хотите, воспроизвести вве-

деніе. Слава Богу, память у меня удивительная, если что-нибудь написалъ одинъ разъ, никогда не забуду. Между прочимъ, какъ вамъ нравится образъ: «пѣна узорной Альгамбры»? Или, напримѣръ: «длинная лента азіатскаго прибоя»? Блестяще, а? Впрочемъ, безъ общаго контекста это не такъ. Вотъ, послушайте полностью...

Щебетовъ провелъ рукой по головѣ, вдохновенно посмотрѣлъ въ конецъ перрона, гдѣ желтѣла надпись «correspondence» и началъ:

— Господа! Европа гибнетъ, Европа впала въ маразмъ. Я утверждаю, я вѣрю, что на смѣну ея больной цивилизаціи снова придетъ здоровый дикій Востокъ, перебьетъ ея дорогую севрскую посуду, изорветъ въ клочья брюссельскіе кружева, сброситъ съ желѣзнодорожныхъ насыпей паровозы и промчится бедуиномъ отъ Варшавы до Кале, давя копытами арабскаго коня махровые цвѣты хрупкой оранжерейной культуры.

— Поѣздъ идетъ! — нерѣшительно поднимаясь съ мѣста, проговорилъ Корягинъ.

— Ничего... Черезъ двѣ минуты другой. Уже не разъ, милостивыя государыни и милостивые государи, набѣгали на Европу волны восточнаго моря. Въ длинной лентѣ азіатскаго прибоя, отъ далекой Монголіи до старой Испаніи, вздымались волны Чингисхана, Тимура, Ксеркса, Омара. Заливая собой покоренные берега, скоро рушились, къ счастью Европы, обращаясь въ пѣну узорной Альгамбры. Но Европа держалась противъ натиска волнъ своей юностью, своимъ здоровьемъ нервовъ и мускуловъ. Теперь же столѣтія прошли, юность исчезла...

Поѣздъ подошелъ, крякнулъ рожекъ, хлопнули дверцы, исчезъ въ туннелѣ послѣдній вагонъ. Щебетовъ, между тѣмъ, продолжалъ. Гулко разносился его голосъ въ широкомъ рас-

трубѣ метро. Какой-то рабочій въ клѣтчатой кэпкѣ, заложивъ руки въ карманы, остановился, уставился мрачнымъ взглядомъ въ фигуру страннаго оратора. Прошли мимо двѣ дѣвицы съ пестрыми картонками въ рукахъ, удивленно обернулись, прислушались, испуганно продолжали путь. А Никаноръ Андреевичъ сидѣлъ на скамьѣ, дѣлая видъ, что рѣчь Щебетова не имѣетъ къ нему никакого отношенія, и сконфуженно разглядывалъ кафельную стѣну по ту сторону рельсъ.

Тамъ, одна за другой, тянулись огромныя надписи, кричали красками цвѣтные плакаты. Гуси съ оранжевыми лапами безпечно смотрѣли на коробку съ пате де фуа гра, не подозрѣвая, что внутри таятся ихъ собственные потроха; пресыщенная дама, типа царицы Тамары, флиртовала съ добродушнымъ медвѣдемъ, кормя его лучшими въ мірѣ бисквитами; нѣсколько ненормальныхъ субъектовъ, расположившихся между луной съ макаронами и шоколаднымъ земнымъ шаромъ, торопливо дѣлали масляной краской какія-то надписи на спинахъ одинъ у другого; истерическая женщина, поднявъ руку къ небу и широко раскрывъ ротъ, извѣщала вселенную объ ежедневномъ выходѣ «Quotidien». А далѣе шли консервы, вина, ликеры, сыры лучшаго качества, и рядомъ съ ними патентованныя средства для леченія организма, надорваннаго всѣми этими консервами, сырами, винами, бисквитами, лунами, газетами.

— Конецъ? — радостно очнувшись, спросилъ Никаноръ Андреевичъ.

— Да? Ну, что? Нравится?

— Очень интересно. Оригинально. Ага, новый поѣздъ подходитъ. Мы вмѣстѣ?

— Конечно. Погодите только. Портфель...

Никаноръ Андреевичъ схватился за дверцы, раздвинулъ,

неуклюже ввалился внутрь. Щебетовъ же со спокойствіемъ опытнаго сторожила вошелъ вслѣдъ за нимъ, окинулъ пассажировъ снисходительнымъ взглядомъ и громко, на весь вагонъ, произнесъ:

— Ну, а теперь, пока будемъ ѣхать, перечислю вамъ тезисы.

VIII.

Федоръ Ивановичъ Скачковъ былъ однимъ изъ тѣхъ неунывающихъ, черезчуръ бодрыхъ бѣженцевъ, которыхъ нетрудно встрѣтить повсюду въ европейскихъ центрахъ, гдѣ они всегда что-то затѣваютъ, предпринимаютъ, организуютъ, преобразуютъ.

Когда, послѣ эвакуаціи, судьба бросила Скачкова въ Константинополь и предоставила своимъ собственнымъ силамъ, Федоръ Ивановичъ рѣшилъ, что дешево не продастъ жизни. Переѣхавъ изъ Константинополя въ Болгарію, онъ твердо сказалъ самъ себѣ:

— Прежде всего — не стѣсняйся, Федя!

И, дѣйствительно, пересталъ стѣсняться.

Методъ поведенія былъ у него простъ и ясенъ. Требовался въ Софіи шофферъ, Скачковъ шелъ въ гаражъ, осматривалъ у автомобиля разнообразныя загадочныя части, смѣло садился внутрь и пускалъ въ ходъ все, что возможно, не огорчаясь первыми естественными неудачами.

Бросивъ шофферское дѣло изъ-за сквернаго характера и природной трусости своего хозяина, Скачковъ началъ по очереди переходить отъ одной незнакомой профессіи къ другой. Видѣлъ онъ въ газетѣ, что въ банкъ нуженъ англійскій корреспондентъ, онъ оказывался англійскимъ корреспондентомъ. Приклеивалъ портной къ окну объявленіе, что ему

необходимъ закройщикъ,Скачковъ становился закройщикомъ, Перебравшись затѣмъ изъ Болгаріи въ Сербію и проявивъ въ Бѣлградѣ также недюжинныя способности въ качествѣ комиссіонера, техника, балалаечника и повара, Федоръ Ивановичъ поступилъ, наконецъ, къ лучшему въ городѣ гробовщику, у котораго увѣреннымъ движеніемъ руки рѣзалъ изъ мрамора художественные памятники. И это была, кажется последняя спеціальность Скачкова на Балканахъ. Поставивъ на кладбищѣ нѣсколько монументовъ, глядя на которые вдовы и сироты безутѣшно рыдали у праха дорогихъ покойниковъ, онъ твердо рѣшилъ переѣхать въ Парижъ, раздобылъ гдѣ-то денегъ и явился въ столицу Франціи съ твердымъ намѣреніемъ разбогатѣть.

Корягину было особенно пріятно,послѣ неудачнаго визита къ Поталову, встрѣтить такой любезный пріемъ, какой ему оказалъ Скачковъ. Да и по внѣшности своей Федоръ Ивановичъ былъ полной противоположностью Поталову. У того — видъ провинціальнаго русскаго интеллигента, какихъ не мало приходилось встрѣчать въ былыя времена среди земскихъ врачей и статистиковъ. Жесты и голосъ кажутся принципіальными, походка — тоже, въ глазахъ покровительственно-жалостливое отношеніе къ людямъ, не посвященнымъ въ правильное рѣшеніе соціальныхъ проблемъ. А этотъ — чистѣйшій американецъ. Весь бритый, подвижной, круглый, лицо налитое, съ энергичными глазами, пытливо шарящими по сторонамъ.

Прикрывъ листомъ чистой бумаги какіе-то чертежи, представлявшіе, должно быть, серьезный секретъ, Скачковъ снялъ съ кресла свертокъ съ дорогими мѣхами, предназначенными, очевидно, для продажи, усадилъ Корягина, самъ расположился на диванчикѣ противъ него и дружески началъ разспрашивать о бѣлградскихъ знакомыхъ.

— Такъ, такъ... — откинувшись къ стѣнѣ и прищуривъ глаза, время отъ времени весело произносилъ онъ, выслушивая подробное донесеніе гостя. — Пріятно, знаете,вспомнить старое. Вѣдь, недавно это, въ сущности, было, всего четыре года назадъ, а вотъ кажется, будто въ далекомъ прошломъ, на томъ свѣтѣ. Странно, между прочимъ, какъ, это, мы тогда съ вами не познакомились. Ну, а здѣсь, что вы намѣрены дѣлать? Имѣете въ виду что-нибудь?

— Да гдѣ тамъ! — съ горечью въ голосѣ отвѣчалъ Никаноръ Андреевичъ,опуская глаза подъ пристальнымъ взглядомъ собесѣдника. — Хочу, вотъ, попытать счастья. Николай Антоновичъ вамъ въ письмѣ, навѣрно, объяснилъ относительно меня, что и какъ.

— Да, да, конечно, — торопливо закивалъ Скачковъ, приподнявшись на диванѣ и перемѣняя позу. — Я прочелъ. Проситъ содѣйствія. Только какъ это устроить? По-французски вы хорошо говорите?

— О, нѣтъ. Совсѣмъ плохо.

— Такъ, такъ. Отлично. То-есть, печально. Значитъ, если устраивать, то въ русское учрежденіе. Да! Вотъ, если бы прошелъ мой проектецъ относительно свѣтовыхъ рекламъ, всѣмъ бы работа нашлась. Только что съ ними подѣлаешь? Тянутъ, тянутъ, а компаньоны, разумѣется, охладѣваютъ. Давали деньги, а теперь и двухъ милліоновъ франковъ не наскребешь. Вы, какъ между прочимъ: привезли съ собой какой-нибудь капиталъ?

— Нѣтъ, ничего не имѣю. Всего около семисотъ франковъ.

Лицо Скачкова потускнѣло.

— Семьсотъ? — разочарованно протянулъ онъ. —Съ этими деньгами, дѣйствительно, того... не развернешься. Если бы было тысячъ тридцать, двадцать, я бы могъ рекомен-

довать выгодное предпріятіе. Придорожные гаражи на Ривьерѣ, напримѣръ. Процентовъ 75 годовыхъ можно съ закрытыми глазами имѣть. Но когда всего семьсотъ, какъ вы говорите...

Скачковъ грустно развелъ руками, снова перемѣнилъ позу и, закуривъ, заговорилъ дидактическимъ тономъ, точно давалъ урокъ бѣженской жизни:

— Единственно, чѣмъ я могу помочь, это, пожалуй, нѣкоторыми выводами, къ которымъ пришелъ за время пребыванія своего за-границей. Прежде всего, необходимо вамъ замѣтить, что выборъ профессіи ни въ коемъ случаѣ не долженъ насъ пугать, если мы подходимъ къ жизни съ достаточной энергіей. Это ерунда, когда говорятъ, будто тотъ или иной бѣженецъ способенъ къ такому-то дѣлу и неспособенъ къ такому-то. Всѣ профессіи, по моему мнѣнію, одинаково заложены въ каждомъ человѣкѣ, въ особенности въ русскомъ. Нужны только, такъ сказать, внѣшніе толчки для извлеченія ихъ наружу. Вотъ, недаромъ наша народная мудрость говоритъ, что не мастеръ долженъ бояться дѣла, а наоборотъ — дѣло мастера.

Скачковъ любовно улыбнулся своей остротѣ, мелькомъ взглянулъ на гостя и, замѣтивъ, что тотъ съ интересомъ слушаетъ, продолжалъ:

— Что же касается подыскиванія работы, то каждому бѣженцу, если онъ не обладаетъ никакимъ капиталомъ, прежде всего нужно имѣть зоркій глазъ, особую остроту вниманія и способность такъ комбинировать условія, какъ раньше до него никто не комбинировалъ. Вотъ, я, напримѣръ, всегда съ этой точки зрѣнія смотрю на всякое новое мѣсто, куда прибываю. Гора посреди города стоитъ... И я сейчасъ же соображаю: а не слѣдовало бы прорыть туннель? Ровное мѣсто кругомъ... А нельзя ли устроить возвышен-

ность? Эти мысли,какъ упражненія, долженъ сказать, очень полезны. И иностранцевъ приводятъ въ волненіе, и насъ самихъ тренируютъ. Хотя большей частью подобныя идеи не получаютъ практическаго осуществленія, однако, на сотомъ или двухсотомъ проектѣ, глядишь, дѣло и вышло. Акціонерное общество наклевалось, капиталисты начали интересоваться.

Скачковъ всталъ съ дивана, подошелъ къ столу, перелисталъ какія-то бумаги, посмотрѣлъ на часы.

— Я, можетъ быть, васъ задерживаю? — въ свою очередь поднялся Никаноръ Андреевичъ, съ уваженіемъ взглядывая на письменный столъ, гдѣ среди листовъ чистой бумаги замѣтилъ чертежи,разрисованные красками. — Вамъ время, очевидно, дорого.

— Да, сегодня предполагаю представить одно изобрѣтеніе для полученія патента, — съ самодовольно-загадочнымъ видомъ согласился Скачковъ. — Однако, нѣсколько минутъ свободныхъ еще есть, посидите немного.

Онъ прошелся по комнатѣ, задумчиво погладилъ голый затылокъ, остановился.

— А вы чѣмъ занимались въ Сербіи?

— Служилъ въ канцеляріи, въ министерствѣ.

— Въ министерствѣ? Этого здѣсь нельзя. Не принимаютъ. Вотъ, на заводъ какой-нибудь... Или на фабрику. Но какая радость — заводъ? Нужно что-нибудь другое. Повыгоднѣе. А вы сами семейный?

— Нѣтъ, одинокій.

— Это хорошо. Одинокому легче лавировать. Ну, очень радъ былъ познакомиться, вспомнить Бѣлградъ. Заходите какъ-нибудь. Если будете писать Башмачкину, кланяйтесь. Между прочимъ, напишите, что здѣсь живетъ сейчасъ его

другъ — Киштымскій, который... Погодите... Погодите... Идея!

Скачковъ сдѣлалъ изумленно-радостное лицо.

— Вѣдь, я же могу устроить васъ въ «Кикоро»!

— Куда? — встрепенулся Корягинъ, чувствуя, какъ по тѣлу отъ радости пробѣжала теплая дрожь.

— Въ «Кикоро»... — повторилъ Скачковъ, чуть понизивъ голосъ и какъ-будто что-то обдумывая. — Вы можете тамъ получать франковъ 700, если не 900. Предпріятіе молодое, многообѣщающее. Фабрика лаковъ. Называется «Кикоро» по соединенію фамилій участниковъ: Киштымскій, Кошкинъ, Рославскій. Да, да... Сегодня же,если увижу Киштымскаго, переговорю. Хотя, вотъ, одно непріятно...

Скачковъ поморщился, сталъ въ смущеніи тереть пальцами високъ.

— Я бы вамъ былъ чрезвычайно благодаренъ, — растроганно заговорилъ Корягинъ. — Если когда-нибудь впослѣдствіи съ моей стороны, что-либо понадобилось бы, и если бы я...

— Стойте, стойте. Не мѣшайте. Какъ бы это устроить? Все было бы отлично, да, вотъ, Киштымскій дуется на меня за долгъ въ двадцать тысячъ, который я обѣщалъ погасить на прошлой недѣлѣ, а изъ-за волокиты въ министерствѣ не могъ вернуть во-время. Если бы ему отдать тысячу, напримѣръ, или пятьсотъ... Вы, кстати, не можете ссудить мнѣ трехсотъ франковъ до завтра? Завтра у насъ что? Воскресенье? Вотъ, и отлично. Вы придете въ церковь на rue Daru къ службѣ, и я буду у воротъ ровно въ 12 часовъ и верну. Отвѣтъ Киштымскаго, кстати, передамъ. Хотя триста и не такая сумма, конечно, но моральное впечатлѣніе, все-таки...

— Триста? — поблѣднѣвъ, пробормоталъ Корягинъ,

чувствуя, что прежняя теплая дрожь внезапно смѣнилась холодной. — Триста, знаете... трудно. Всего пятьсотъ динаръ, то-есть франковъ, привезъ, нужно платить...

— А вы, вѣдь, сказали семьсотъ, кажется? И, потомъ, какіе же у васъ платежи здѣсь,если вы человѣкъ новый. Хорошо, давайте двѣсти, все равно.

— Сто могу... — растерянно прошепталъ Никаноръ Андреевичъ, со страхомъ замѣчая, что рука какъ-то глу... сама тянется къ карману и вытягиваетъ оттуда бумажникъ. — Хотя расходы большіе, но какъ-нибудь... Это что? Сто?

— Нѣтъ извините, пятьдесятъ. Хе-хе! Сто — другіе. Не научились еще различать нашу валюту? Вотъ это уже сто. Правильно. Итакъ, на rue Daru завтра въ двѣнадцать. Не забудете? А ко мнѣ на домъ тоже заходите, побесѣдуемъ о деталяхъ, потолкуемъ. Погодите, въ корридорѣ темно, я открою пошире. Сюда, сюда, направо. Вотъ такъ. Здѣсь задвижка, а тутъ крючечекъ. Дайте, я самъ. До свиданія! Всего хорошаго!

IX.

Вернулся Корягинъ въ отель вечеромъ, часамъ къ семи. Первый день въ дѣловомъ отношенiи оказался совсѣмъ неудачнымъ. Визитъ къ Поталову былъ напрасной тратой времени, Скачковъ занялъ деньги. А тутъ, какъ на зло, еще исторiя съ Леночкой. Говорить о ней съ Поталовымъ было бы глупо — ни съ того, ни съ сего. Щебетова-Коровскаго удалось спросить, но онъ не зналъ Вѣры Сергѣевны. Что же касается Скачкова, то этотъ послѣднiй слишкомъ ошеломилъ займомъ.

Поднявшись наверхъ, Никаноръ Андреевичъ постучался въ комнату Леночки. Тамъ было тихо. Прiоткрывъ дверь, оказавшуюся незапертой, онъ заглянулъ внутрь. Дѣвочка лежала на диванчикѣ рядомъ съ Фифи и крѣпко спала. Со стола была сдернута скатерть, на темной полированной поверхности виднѣлись какiе-то металлическiе предметы, формой напоминавшiе костяшки для игры въ бабки, и среди нихъ — небольшой сѣрый мячъ.

— Леночка, ты спишь?

Она быстро поднялась, уронила на полъ Фифи, съ виноватой улыбкой стала тереть кулаками глаза.

— Я заснула... Вы такъ долго ходили... А мама? Нашли?

— Нѣтъ, еще не нашелъ. Завтра постараюсь.

— Завтра?— разочарованно протянула она. — А сегодня? Вы спрашивали всѣхъ?

— Конечно, спрашивалъ. Только такъ быстро въ Парижѣ ничего нельзя сдѣлать, городъ большой. Вотъ,погоди, утромъ пойдемъ вмѣстѣ въ церковь и тамъ все узнаемъ. Можетъ быть, и мама среди другихъ окажется. А ты что-нибудь ѣла?

— Я не хочу, мерси. У меня конфеты есть.

— Ну, вотъ, конфеты! Идемъ внизъ, поѣдимъ. У нихъ сейчасъ какъ разъ обѣдаютъ.

Выпивъ въ ресторанѣ оба графинчика вина, полагавшіеся къ обѣду ему и Леночкѣ, Корягинъ вернулся въ отель уже въ хорошемъ расположеніи духа, забывъ о неудачахъ сегодняшняго дня и убѣдивъ себя, что, быть можетъ, Скачковъ, дѣйствительно, устроитъ его на приличное мѣсто въ «Кикоро».

Взявъ съ Никанора Андреевича слово, что онъ обязательно отыщетъ завтра маму, Леночка тоже замѣтно повеселѣла. Помогла вскипятить на спиртовкѣ воду, съ манерами заправской хозяйки накрыла столъ, заварила чай, разставила стаканы.

— Вамъ крѣпкій? — солидно спросила она, держа въ рукѣ чайникъ.

— Средній. А все-таки здорово набѣгался я сегодня съ этими идіотскими адресами. И метро тоже — оглушаетъ. Колбасу ты достала?

— А развѣ вы будете ѣсть?

— Немного не помѣшаетъ. Сказать правду, обѣды у нихъ предрянные. Хотя и четыре порціи, но ерунда. Потому-то они и такіе щуплые, всѣ эти французы. А спать ты рано ложишься?

— Нѣтъ... Въ пансіонѣ, конечно, рано, но у мамы или тети Люды — когда хочу.

— А что это еще за пансіонъ?

Никаноръ Андреевичъ удивился.

— Я же учусь. Въ Бельгіи.

— Вотъ какъ? Ты мнѣ ничего объ этомъ не говорила.

— Да. Я три класса уже сдѣлала, теперь имѣю четвертый. У насъ сейчасъ vacances, и я сначала была у мамы, а потомъ тетя Люда взяла меня въ Цюрихъ.

Стараясь держаться за столомъ прямо, чтобы казаться выше, Леночка начала разсказывать о своей матери и о тетѣ Людѣ то, чего не успѣла сообщить утромъ. Вѣра Сергѣевна одно время служила на фабрикѣ, клеила какія-то картонки, потомъ перешла въ maison de couture въ качествѣ seconde main, бросила maison, начала дѣлать вышивки дома и все время хотѣла поступить въ синема, чтобы стать знаменитой артисткой. Тетя Люда недавно вышла замужъ за мсье Хирта, очень богатаго человѣка, его всѣ знаютъ въ Цюрихѣ. А что касается самой Леночки, то учится она въ «Pensionnat des dames de S-te Thérèse», въ которомъ за ученіе ничего платить не приходится, что для мамы очень удобно.

— Конечно, дома или у тети я дѣлаю, что хочу, — перейдя на собственную жизнь, оживленно разсказывала Леночка, — но въ пансіонѣ нельзя. Въ шесть часовъ приходитъ въ дортуаръ матерь, хлопаетъ въ ладони и говоритъ: «au nom du Père et du Fils et du Saint Esprit, ainsi soit-il, amen», и нужно сейчасъ же подниматься. Иногда мы притворяемся, что болимъ, или голова или внутри, но все равно часто нельзя. Мы встаемъ тогда, становимся на колѣни около кровати на tapis и читаемъ молитвы.Я обязана читать такія же молитвы, какъ и другія дѣвочки, но я успѣваю прочитать и свою

«Богородица, Дѣва радуйся», какъ мама учила. Потомъ мы одѣваемся, умываемся и въ вуаляхъ, —у насъ въ простые дни, знаете, такая черная вуаль, а въ праздники длинная бѣлая, — идемъ въ церковь. Матерь показываетъ мѣста на банкахъ, кому какое, и мы молимся, а потомъ идемъ въ réfectoire кушать. Вы меня не слушаете, а?

— Какъ не слушаю? Слушаю.

— Да, идемъ кушать. Mère Stanislas стоитъ за завтракомъ и смотритъ, какъ мы ѣдимъ, а одной изъ насъ, Marie-Louise, помогаетъ сама ѣсть. Marie-Louise не имѣетъ esprit, она, это самое, съ ума сошедшая. Ну, а послѣ déjeuner приходится идти въ дортуаръ дѣлать кровати, а послѣ имѣемъ маленькую récréation и идемъ въ salle des fêtes, гдѣ садимся на свои банки и дѣлаемъ уроки для класса. Матерь сидитъ за бюро и смотритъ, чтобы мы не шалили, а если увидитъ, что не учимся или разговариваемъ, то записываетъ у себя въ carnet. Хотя я хорошая ученица, но иногда, понимаете, нельзя не разговаривать, а матерь услышитъ и говоритъ: «une note à Hélène, qui parle»... Когда samedi приходитъ, всѣ матери собираются вмѣстѣ и говорятъ про насъ, какъ мы вели себя. Hélène a perdu une note à l'ordre, une note à l'obeissance, deux notes au silence, une note à la politesse... Одинъ разъ, понимаете, я получила десять notes au silence за то, что все время играла въ osselets. Вы не видѣли моихъ osselets?

Леночка соскочила со стула, побѣжала къ себѣ въ комнату и вернулась съ костяшками и мячемъ, которые лежали у нея на столѣ въ моментъ прихода Никанора Андреевича.

— Вотъ, смотрите, — покровительственно начала объяснять она. — Сначала съ этими штуками нужно дѣлать dosse, потомъ fosse, потомъ mêler. Я, вотъ, кидаю вверхъ мячикъ, и, пока онъ летитъ на столъ, дѣлаю всѣ dosses.

Потомъ всѣ fosses. И можно играть четыре игры: одной рукой, другой, всѣми двумя и бомъ-бомъ. Хотите выучить?

— У насъ въ гимназіи вродѣ этого тоже игра была, — улыбнулся Корягинъ, разсѣянно слушавшій Леночку и обдумывавшій программу завтрашняго дня. — Мы такимъ образомъ въ камни играли.

— А въ это не хотите?

— Нѣтъ... Не стоитъ.

— Попробуйте! Немножко. Я сниму стаканы и скатерть. Хорошо? Вы увидите, очень замѣчательно!

Уже было около одиннадцати часовъ вечера. Въ отелѣ наступила полная тишина. Въ корридорахъ погашенъ свѣтъ, почти во всѣхъ номерахъ темно. И только изъ комнаты №36 на лѣстницу несется шумъ, слышны громкія восклицанія, взрывы дѣтскаго смѣха.

— Неправильно! Неправильно! — хлопая въ ладоши и подпрыгивая возлѣ стола, восклицаетъ Леночка.

— Какъ такъ неправильно? — гудитъ возмущенный басъ Корягина.

— А такъ! Бумъ-бумъ. Два раза нельзя!

— А какъ же иначе?

— Боже, какой вы глупый! Дѣлайте сначала, я вамъ говорю. Dosses!

— Ну, dosses.

— Теперь fosses.

— Вотъ тебѣ fosses.

— Два раза опять!

— Нѣтъ, одинъ.

— Нѣтъ — два!

— А я тебѣ говорю — одинъ!

Только энергичный стукъ въ стѣну изъ сосѣдняго номера прекратилъ игру. Корягинъ сконфуженно посмотрѣлъ на часы, всталъ, шепотомъ началъ сговариваться съ Леночкой относительно завтрашняго утра.

— Ну, спокойной ночи, милая, — дружески проговорилъ онъ, погладивъ ее по головѣ.— Иди, ложись. Утромъ разбужу тебя къ чаю.

— Спокойной ночи, Никаноръ Андреевичъ. — Она протянула руку.

И затѣмъ, вдругъ, ухватилась за плечи, подскочила, поцѣловала въ щеку.

— Вы такой добрый... Вы меня не бросите, правда?

— Разумѣется. Будь спокойна. Ты хорошая дѣвочка.

Послѣ ея ухода онъ долго сидѣлъ у открытаго окна, обдумывая свое положеніе. Внизу, — яркое освѣщеніе, но троттуары пусты. Изрѣдка промелькнетъ фигура прохожаго, пронесется такси. Далеко гдѣ-то, на пересѣченіи улицъ, видны разноцвѣтные огни рекламъ. Яркая синяя лента ползетъ отъ одного конца дома къ другому, гаснетъ, возвращается назадъ. Вблизи, надъ часовымъ магазиномъ, загорается и исчезаетъ безсмысленный глазъ. А за крышами, по ту сторону улицы, высоко врѣзавшись въ небо играетъ каскадами огня Эйфелева башня. Бѣгутъ расплавленныя струи одна за другой, вспыхиваютъ золотыя, лохматыя звѣзды.

— Парижанинъ! — грустно пробормоталъ Никаноръ Андреевичъ, вставая со стула. — Ну, ладно. Посмотримъ.

X.

Подходя къ церкви, они уже издали увидѣли огромную толпу, запрудившую улицу. Длинный рядъ пустыхъ такси вытянулся вдоль троттуара. За оградой, внутри, не хватало для пришедшихъ мѣста. Стояли вездѣ — и у рѣшетки, и на мостовой, и на другой сторонѣ, у угла поперечной улицы.

А въ глубинѣ двора, среди стѣнъ чужихъ домовъ, равнодушно опустившихъ рѣсницы своихъ жалюзи, окруженный вѣнцомъ акацій и кленовъ, — высокій храмъ. Старая позолота колокольни и купола напоминаетъ о быломъ блескѣ. Надъ входомъ, въ яркомъ нимбѣ, съ неустанно-благословляющей десницей — Спаситель.

При видѣ соотечественниковъ, собравшихся здѣсь, Корягинъ вспомнилъ Бѣлградъ, гдѣ по воскресеньямъ у скромной русской церковки можно видѣть такое же скопленіе народа, и почувствовалъ, какъ возвращается къ нему обычная его жизнерадостность. Все показалось ему трогательнымъ: и ларьки съ дорогими русскому сердцу снимками, и открытки, цвѣтными птицами усѣявшія рѣшетку ограды, и русскія буквы заголовковъ газетъ и журналовъ.

— Ты куда? — испуганно спросилъ онъ Леночку, которая уже вошла въ ворота и начала самостоятельно протискиваться внутрь. — Смотри, не потеряйся!

— Я буду искать маму.

— Хорошо... А гдѣ же мы встрѣтимся?

— Вотъ тутъ. Около grille.

Скользя и лавируя среди толпы, Леночка быстро исчезла. Никаноръ Андреевичъ вздохнулъ, не то облегченно, не то тревожно,и сталъ пробираться во дворъ,внимательно оглядываясь по сторонамъ, въ надеждѣ встрѣтить Скачкова.

Внѣшній видъ парижскихъ эмигрантовъ и удивилъ его и въ то же время успокоилъ. — Ишь, какъ одѣваются! Гораздо лучше, чѣмъ въ Сербіи. Очевидно, зарабатываютъ больше. У всѣхъ приличный видъ, свѣжіе костюмы. Дамы элегантны,отъ настоящихъ парижанокъ не отличишь. И ни на комъ нѣтъ обносковъ бывшаго бѣженскаго одѣянія, нѣтъ печальнаго защитнаго цвѣта,который такъ плохо защищаетъ въ мирное время.

Пройдя вдоль рѣшетки до второго выхода, Никаноръ Андреевичъ выбрался на троттуаръ, прошелъ по улицѣ, вернулся обратно къ воротамъ, постоялъ нѣкоторое время, слѣдя за всѣми входившими и выходившими. Но Скачкова не было. Одинъ только разъ показалось, будто вдали мелькнула знакомая бритая голова. Но, оказалось, не онъ.

— Неужели не пришелъ? — съ негодованіемъ подумалъ Корягинъ. — А сто франковъ? Вотъ каналья! Впрочемъ... Можетъ быть, внутри? Молится?

Онъ опять втиснулся въ толпу, началъ медленно продвигаться къ храму.

Тутъ, около лѣстницы, сплошная живая стѣна. Пройти невозможно. Впереди,— рослая фигура въ казачьей папахѣ. Ярко-красный башлыкъ съ золотыми тесьмами. Сбоку, съ одной стороны, дамы, оживленно бесѣдующія, съ другой — благообразная старушка въ кружевной наколкѣ. Опять дамы. Господинъ въ шофферскомъ пальто и фуражкѣ. И ни

одного знакомаго лица. Хотя немало бѣлградцевъ за послѣдніе годы перебралось въ Парижъ.

— Ну, и что же, дорогая? — услышалъ Никаноръ Андреевичъ возлѣ себя. — Устроился?

— Превосходно, по-моему. Второй годъ приказчикомъ въ Шарлоттенбургѣ. А, главное, за квартиру ни одной марки не платитъ. Хозяйкой, понимаете, оказалась нѣмка, жившая раньше въ Россіи, и Жоржъ за каждые три мѣсяца вмѣсто платы даритъ ей по сто десятинъ изъ своего смоленскаго имѣнія.

— По сто десятинъ? За три мѣсяца? Но, вѣдь, это ужасъ, дорогая моя! Это — грабежъ!

— Что подѣлаешь. Вѣдь, жить какъ-нибудь надо?

— Разумѣется надо. Но... Намъ, вотъ, съ Котикомъ деньги тоже очень нужны. Однако, если бы кто-нибудь запросилъ по сто десятинъ... Ни за что. Подумайте сами: пройдетъ десять лѣтъ, пятнадцать, а потомъ что? Разореніе? Ни кола, ни двора?

Никаноръ Андреевичъ отвернулся, началъ разглядывать стоявшую на лѣстницѣ публику. Впечатлѣніе — будто высится широкая пирамида изъ человѣческихъ плечъ и головъ. Женщины, мужчины, дѣти. И опять ни одного знакомаго. И Скачкова нѣтъ тоже.

— Неужели надулъ? —снова мелькнула горькая мысль. — Вотъ тебѣ и «Кикоро»!

А сбоку, уже съ другой стороны, бесѣда:

— Нянюшка, здравствуйте. Не узнаете?

Съ благообразной старушкой въ наколкѣ весело здоровается франтовато одѣтый господинъ.

— Чего же не узнать, батюшка, узнала. Какъ живете?

— Спасибо. Comme-ci, comme-ça. А вы тутъ съ Татьяной Андреевной? Или съ дѣтьми?

— Нѣтъ, одна, батюшка. Татьяна Андреевна нынче въ гостяхъ, на дачѣ. И дѣти тоже.

— Вотъ что... И вы, значитъ, сами путешествуете? Неужели разбираетесь въ улицахъ?

— А какъ же. Отчего не разбираться. Разбираюсь. Сперва на автобусѣ ижицѣ ѣхала, послѣ въ метрѣ. А затѣмъ до угла, пѣшкомъ.

Наверху, на лѣстницѣ, между тѣмъ, началось замѣтное движеніе. Узкимъ потокомъ стали пробиваться сквозь преграду человѣческихъ тѣлъ выходившіе изъ храма молящіеся. Постепенно потокъ росъ, захватывалъ все больше и больше народу. На ступенькахъ кое-гдѣ образовались просвѣты. Обѣдня, очевидно, окончилась.

— Никаноръ Андреевичъ, вы?

Корягинъ удивленно повернулъ голову. Передъ нимъ стоялъ капитанъ Орловскій, хорошо знакомый по совмѣстной службѣ въ Ростовѣ.

— Алексѣй Петровичъ! Неужели?

Узнать Орловскаго было нетрудно. Тѣ же близорукіе щурящіеся глаза, обычная добрая усмѣшка, худенькая сутуловатая фигура. Но какъ постарѣлъ все-таки! Уже сѣдина на вискахъ, не мало морщинъ.

— Вотъ встрѣча! — пожимая руку, радостно восклицалъ Корягинъ, чувствуя, что теперь онъ уже не одинокъ въ Парижѣ. — Съ какихъ поръ здѣсь? Давно?

— Съ двадцать третьяго. Послѣ Галлиполи. А вы?

— Вчера пріѣхалъ. Изъ Сербіи. Ну, Алексѣй Петровичъ, очевидно, самъ Богъ васъ послалъ. Только не безпокойтесь, пожалуйста; деньги у меня есть, документы въ порядкѣ. Вы сейчасъ заняты?

— Да... Я не одинъ... — нерѣшительно произнесъ Орловскій, легкимъ движеніемъ головы указывая на стояв-

шихъ вблизи двухъ дамъ. — Если хотите, запишите адресъ. Заходите какъ-нибудь.

— А сегодня нельзя?

— Сегодня?

Орловскій задумался.

— Хорошо... Только пораньше, часовъ въ пять, шесть. Съ восьми меня не будетъ дома.

— Отлично. Приду въ пять. Не задержу, будьте спокойны.

— Простите, мсье, — неожиданно вмѣшалась въ разговоръ одна изъ спутницъ Орловскаго, пожилая дама съ энергичнымъ мужественнымъ лицомъ, украшеннымъ на подбородкѣ крупной волосатой бородавкой.— Вы, кажется, только что изъ Сербіи?

— Да, сударыня.

Никаноръ Андреевичъ съ почтительнымъ вниманіемъ наклонилъ голову.

—Я давно мечтаю перебраться въ Далмацію. Надоѣлъ мнѣ Парижъ, ужасъ. Ну, а въ Югославіи какъ? Дорого жить?

— Сравнительно съ Франціей, пожалуй, дороже.

— Въ самомъ дѣлѣ? А въ Дубровникѣ? Почемъ кило хлѣба?

— Кило? Думаю, что въ Дубровникѣ такъ же, какъ въ Бѣлградѣ. Пять динаръ. Это значитъ — два франка съ лишнимъ.

— Въ такомъ случаѣ, почему же дороже? Здѣсь кило — два франка двадцать. А мясо?

— Мясо? Сію минуту... Пятнадцать... Шестнадцать... Около семи франковъ, приблизительно. Смотря, впрочемъ, по сорту.

— И это тоже, какъ здѣсь. Ничуть не дороже. А мнѣ

сербы субсидію будутъ платить? Мой мужъ, можно сказать, изъ-за сербовъ на германскомъ фронтѣ погибъ. Не будь этой Сербіи, не было бы войны, не было бы и революціи. А сахаръ въ Дубровникѣ почемъ?

— Людмила Николаевна, намъ пора, — тихо проговорила вторая дама, молоденькая блондинка съ ярко накрашенными губами. — Сейчасъ панихида начнется.

— Панихида? А, да. Ну, хорошо, въ слѣдующій разъ. Вы, мсье, зайдите ко мнѣ на-дняхъ. Обязательно. Алексѣй Петровичъ знаетъ, гдѣ я живу. Идемъ, Вѣрочка.

Орловскій передалъ свою визитную карточку съ адресомъ и двинулся вслѣдъ за дамами. Только когда тѣ подошли къ лѣстницѣ, Корягинъ обратилъ вниманіе на молоденькую спутницу Алексѣя Петровича. Ей лѣтъ около тридцати, очень хорошенькая, глаза голубые, большіе, совсѣмъ какъ у Леночки.

— И Вѣрочкой звать! — вспомнилъ онъ. — А, вдругъ, Вѣра Сергѣевна?

Онъ порывисто сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, догналъ Орловскаго.

— Алексѣй Петровичъ!

— Ну?

Тотъ обернулся. Дамы начали подниматься однѣ.

— Простите, что задерживаю. Но... Скажите: фамилія этой молодой дамы не Павлова?

— Нѣтъ. А что?

— Въ такомъ случаѣ, ничего. Значитъ спуталъ. Идите, идите!

Церковный дворъ постепенно началъ пустѣть. За воротами толпа растекалась въ обѣ стороны улицы. Автомобили, къ которымъ вернулись побывавшіе на богослуженіи шоффе-

ры, съ гудѣніемъ отъѣзжали отъ церкви. Продавцы укладывали въ ящики прикрѣпленныя къ оградѣ открытки.

Потерявъ надежду найти Скачкова, Никаноръ Андреевичъ рѣшилъ отыскать Леночку и вмѣстѣ съ нею зайти въ церковь помолиться хотя бы теперь, послѣ обѣдни. Подойдя къ воротамъ, онъ осмотрѣлся, вышелъ на троттуаръ, въ нерѣшительности постоялъ нѣсколько минутъ, вернулся во дворъ, обошелъ храмъ со всѣхъ сторонъ, разглядывая по дорогѣ отдѣльныя группы бѣженцевъ, но Леночки не встрѣтилъ нигдѣ.

— Неужели нашла? — радостно подумалъ онъ. Но сейчасъ же охватило обидное чувство. — Какъ же такъ? Уйти вмѣстѣ съ матерью и не попрощаться? Кромѣ того: что дѣлать съ ея вещами?

Опять направившись къ воротамъ и опять постоявъ здѣсь, онъ спросилъ газетчика, не замѣтилъ ли тотъ дѣвочки, ждавшей у рѣшетки кого-нибудь, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, въ недоумѣніи пожалъ плечами, оглянулся на лѣстницу храма, по которой изрѣдка поднимались и спускались одинокія фигуры.

— Можетъ быть, внутри? А если нѣтъ и тамъ, то значитъ нашла.

Въ церкви молящихся было мало. Шла одна изъ панихидъ, которыя обычно совершаются здѣсь послѣ литургіи. Съ благоговѣйнымъ любопытствомъ оглядѣвъ внутренность храма, Никаноръ Андреевичъ перекрестился нѣсколько разъ, осторожно ступая, прошелъ впередъ.

Небольшая группа стояла возлѣ праваго притвора, гдѣ священникъ молился объ упокоеніи души раба Божьяго Владимира. Было нѣсколько мужчинъ, дамъ. Двѣ старушки въ траурныхъ платьяхъ. Орловскій съ его спутницами. Но Леночки не было.

Панихида уже подходила къ концу. Священникъ, служившій безъ дьякона, провозгласилъ вѣчную память. Всѣ присутствовавшіе опустились на колѣна. Уходить было неловко, Корягинъ опустился тоже.

— Вѣчная память... — тихо началъ хоръ. — Вѣчная память... — поплыло подъ сводами пѣнье-рыданье, вплетаясь въ лепестки дрожащихъ огней, окружившихъ паникадила горящимъ соцвѣтіемъ.

Никаноръ Андреевичъ стоялъ на колѣняхъ, опустивъ голову. Кто этотъ Владиміръ? Гдѣ умеръ? Быть можетъ, окончилъ существованіе тамъ, среди ужасовъ нелѣпой совѣтской жизни. Или погребенъ здѣсь, на какомъ-нибудь католическомъ кладбищѣ, затерянный среди чужихъ могилъ, точно такъ же, какъ былъ затерянъ среди чужихъ, еще живыхъ. Уходятъ и уходятъ, одинъ за другимъ, русскіе люди, праведники и грѣшники старой Россіи. Рѣдѣютъ ряды. Стирается память о прошломъ, какъ позолота на куполѣ. Кто останется? Доживутъ ли до возвращенія? И доживетъ ли онъ самъ, Никаноръ Андреевичъ?

Погасли послѣдніе звуки. Мелькнулъ бѣлый платокъ у чьихъ-то глазъ. Зашептали сдержанные голоса.

Корягинъ вышелъ на лѣстницу первымъ. Яркій дневной свѣтъ ударилъ въ лицо, заставилъ зажмуриться. Кое-гдѣ внутри двора еще стояли бѣженцы, громко бесѣдуя. По улицѣ, за рѣшеткой, проносились автомобили, сновали пѣшеходы. Жизнь шла своимъ чередомъ, равнодушно, неуклонно. Святая рука надъ входомъ въ храмъ неустанно продолжала благословлять.

— Скажите, а почемъ въ Дубровникѣ овощи? — послышался сбоку, возлѣ самаго уха, знакомый голосъ. — Картофель, напримѣръ?

XI.

Визитъ къ Орловскому оказался удачнымъ. Алексѣй Петровичъ отнесся къ старому сослуживцу въ высшей степени сердечно, подробно разсказалъ все, что зналъ объ условіяхъ подысканія заработка въ Парижѣ, и, въ концѣ концовъ, посовѣтовалъ хотя-бы временно поступить на заводъ Рено, на которомъ самъ работаетъ въ качествѣ manœuvre spécialisé. Разумѣется, и на заводъ попасть не такъ легко, въ особенности иностранцу. Но у Орловскаго есть знакомый русскій генералъ, съ рекомендаціей котораго шефъ персонала очень считается. Получивъ отъ генерала письмо и выполнивъ нѣкоторыя формальности съ документами, можно разсчитывать на благопріятные результаты. Тѣмъ болѣе, что сейчасъ на заводѣ начался усиленный спросъ на рабочія руки.

Ободренный указаніями Алексѣя Петровича, Корягинъ повеселѣлъ и съ радостнымъ видомъ сталъ вносить въ записную книжку нужные адреса, нѣкоторые незнакомые термины и кое-какія полезныя свѣдѣнія общаго характера. Его особенно трогало вниманіе Орловскаго, такъ какъ настоящей дружбы между ними, все-таки, никогда не было. Работали они вмѣстѣ въ одномъ и томъ же учрежденіи въ Ростовѣ всего около двухъ мѣсяцевъ, когда послѣ раненія на

фронтѣ Алексѣй Петровичъ временно, до полнаго выздоровленія, былъ прикомандированъ къ Управленію Снабженія вооруженныхъ силъ юга Россіи по интендантской части. Помимо встрѣчъ на службѣ Корягинъ любилъ заходить къ Орловскому въ свободные вечерніе часы на домъ, причемъ бесѣды ихъ за чаемъ чаще всего касались отвлеченныхъ вопросовъ. Орловскій незадолго до войны окончилъ университетъ, былъ оставленъ по кафедрѣ философіи, но магистерскаго экзамена не держалъ, добровольно уйдя на фронтъ. Однако, увлеченіе философіей, въ особенности теоріей познанія, не заглохло въ немъ даже въ годы гражданской войны. Не имѣя возможности найти для этихъ бесѣдъ настоящаго спеціалиста, Орловскій поневолѣ удовлетворялся Корягинымъ, который какъ никакъ, окончилъ юридическій факультетъ, хотя, по собственному признанію, учился плохо, экзамены сдавалъ кое-какъ и послѣ окончанія быстро забылъ все, что не имѣло прямого отношенія къ практической жизни.

— Ну, а какъ ваша система этого самаго... скептицизма? — дружески-почтительно спросилъ Никаноръ Андреевичъ, когда дѣловая часть бесѣды окончилась. — Помните, въ Ростовѣ наши вечера?

— Разумѣется, — грустно усмѣхнулся Орловскій. — Къ сожалѣнію, такъ и не удалось мнѣ съ тѣхъ поръ засѣсть за эту работу. Сначала Галлиполи, потомъ заводъ. Возвращаешься домой усталымъ, разбитымъ, силъ не хватаетъ за что-нибудь взяться. Но зато для моей теоріи заводъ оказался очень полезнымъ. Я многое понялъ, будучи нѣсколько лѣтъ прикованнымъ къ машинѣ. Какъ-нибудь въ свободное время поговоримъ. А кстати: вы уже нашли комнату?

— Нѣтъ, не искалъ. А что?

— Если хотите, у моихъ хозяевъ, Полтавцевыхъ, сдает-

ся. Небольшая, правда, зато дешево — за 175 франковъ.

— Да что вы? И можно сейчасъ посмотрѣть?

— Вѣроятно. Старики очень милые, хотя немного чудаковатые. Погодите, я посмотрю, дома-ли.

Пока Орловскій ходилъ къ хозяйкѣ справляться, Никаноръ Андреевичъ подсчиталъ, сколько придется уплатить за гостиницу, и вспомнилъ про леночкинъ чемоданъ и куклу. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣвочка нашла мать. Но вещи ея, все-таки, лучше взять съ собой, а въ отелѣ оставить письмо съ указаніемъ адреса. Смѣшно только являться сюда съ куклой. Придется объяснять хозяйкѣ, въ чемъ дѣло.

— Никаноръ Андреевичъ, подите сюда, — раздался въ дверяхъ голосъ Орловскаго. — Ольга Федоровна, позвольте вамъ представить...

Это была строгаго вида высокая сѣдая дама, лицо которой выражало излишне подчеркнутое чувство собственнаго достоинства. Молча протянувъ Корягину руку, Полтавцева величественной походкой двинулась въ конецъ корридора, открыла дверь въ крайнюю комнату и сухо произнесла:

— Вотъ.

— Благодарю васъ, — конфузливо пробормоталъ Корягинъ, просовывая голову внутрь и мелькомъ оглядывая крошечную комнатку съ убогой обстановкой. — Значитъ, эта самая?

— А какая вы думали? У меня одна.

— Ну, да... Алексѣй Петровичъ говорилъ. Значитъ, кровать. Столъ. Умывальникъ...

— Отчего же не войдете? Конечно, комната отвратительная. Но какая есть, такая есть. Я не квартирная хозяйка, хвалить не умѣю.

— Нѣтъ, отчего же отвратительная, — нерѣшительно

возразилъ Корягинъ, входя и осторожно осматриваясь по сторонамъ. — Въ общемъ, мило. Уютно.

— Дѣйствительно, уютно! — поморщилась Полтавцева. — Одни обои чего стоятъ. И затѣмъ шкапа нѣтъ, коммода. А напротивъ чужія окна. Солнца никогда не бываетъ.

— Ну, это не бѣда. Я надѣюсь, когда начну служить, солнце не понадобится. Днемъ навѣрно буду бывать только по праздникамъ. А сегодня можно переѣхать?

— Когда хотите. Только, все-таки, подумайте. Я не люблю, когда квартиранты впослѣдствіи предъявляютъ претензіи. Не я строила домъ, не я за него отвѣчаю.

— Разумѣется... Ну, что же, я беру. Разрѣшите дать задатокъ?

Онъ неловкимъ движеніемъ руки вытащилъ бумажникъ, вынулъ сто франковъ.

— Расписку нужно?

— Какъ угодно.

— Какъ угодно? Значитъ, не довѣряете?

Она презрительно прищурилась.

— Что вы! — испугался онъ. — Ради Бога! Я самъ не люблю этихъ формальностей.

— Нѣтъ, ужъ извините. Если какъ угодно, я принесу.

Вечеромъ, часамъ къ восьми, Корягинъ уже явился со всѣмъ своимъ багажемъ. Загромоздивъ комнату вещами, онъ началъ устраиваться, вертясь на свободномъ клочкѣ пола и осторожно перепрыгивая черезъ корзины и чемоданы. Не въ примѣръ прочимъ холостякамъ, Никаноръ Андреевичъ любилъ уютъ и порядокъ, а потому задача — найти всѣмъ вещамъ подходящее мѣсто въ этомъ помѣщеніи оказалась нелегкой. Привезъ онъ съ собой во Францію все, что скопилось за годы бѣженства, вплоть до небольшого топорика для раскалыванія дровъ, и потому прошло не менѣе часа, пока

первое распредѣленіе предметовъ было закончено. Корзины стояли въ углу, прикрытыя старымъ одѣяломъ; на вѣшалкѣ, завернутые въ чистую простыню, висѣли парадный пиджачный костюмъ и зимнее пальто; на стѣнѣ, надъ столомъ, распластался прикрѣпленный кнопками планъ Парижа; надъ кроватью — порыжѣвшая карта Европейской Россіи; вокругъ карты многочисленныя открытки съ балканскими видами и нѣсколько праздничныхъ поздравленій: желтые пасхальные цыплята, новогодніе младенцы съ вѣтвями мира въ рукахъ. А на обоихъ столахъ, пока еще въ безпорядкѣ, громоздилась разная мелочь: чашки, стаканы, фаянсовый слоникъ, игрушечный медвѣдь, подковы, спиртовка, нѣсколько книгъ и сверху кукла Леночки.

— Пожалуйста! — любезно крикнулъ онъ, услышавъ стукъ въ дверь.

Въ комнату вошелъ маленькій сѣденькій старичекъ, мужъ хозяйки. Лицо его было привѣтливо, глаза добрые, ласковые. Весь онъ былъ какой-то чистенькій, аккуратный; голова стрижена ежикомъ; небольшая, строго симметричная бородка рѣзко заканчивалась наверху у розовыхъ щекъ.

— Очень радъ познакомиться...—Старичекъ протянулъ руку. — Устраиваетесь? Богъ въ помощь. Я вамъ не помѣшаю своимъ присутствіемъ?

— Что вы! Очень радъ. Можетъ быть, присядете?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я на минутку. Жена проситъ васъ зайти къ намъ, чаю выпить. Да тѣсновато, я вижу, много вещей. Ну, да ничего. Какъ-нибудь распредѣлите.

Полтавцевъ обвелъ любопытнымъ взглядомъ комнату, нерѣшительно подошелъ къ столу.

— Porte-bonheur? — любовно спросилъ онъ, прикасаясь

къ медвѣжьей ногѣ и одобрительно взглядывая на квартиранта. — Это хорошо. А кукла? Тоже на счастье?

— Нѣтъ, — усмѣхнулся Никаноръ Андреевичъ. — Это не моя. Съ нею цѣлая исторія. А вотъ подковы, тѣ, дѣйствительно, для улучшенія судьбы.

— Въ самомъ дѣлѣ! — радостно удивился Полтавцевъ, склоняясь надъ столомъ и осторожно поднимая одну изъ подковъ, точно боясь разбить. — Гдѣ нашли? Въ Сербіи?

— Нѣтъ, въ Новороссійскѣ.

— Въ Новороссійскѣ?

Лицо старика просіяло. Онъ благоговѣйно оглядѣлъ подкову со всѣхъ сторонъ, вздохнулъ.

— Нужно беречь! — твердо произнесъ онъ. — Хотя нѣкоторые и не вѣрятъ, но я придаю этому большое значеніе. По-моему, знаете, въ мірѣ есть много такого — таинственнаго и непонятнаго, чего нельзя отрицать.

— Я тоже такъ думаю. Для меня, вотъ, понедѣльникъ несчастный день. А тринадцатое число, представьте, хорошее. Можетъ быть, все-таки, присядете?

— Благодарю, намъ нужно идти. А что касается понедѣльника или тринадцатаго, то мы объ этомъ съ вами еще поговоримъ. Я самъ раньше не вѣрилъ во все это, но какъ вы объясните, напримѣръ, такой случай? Нужно вамъ сказать, что дѣдъ мой, Андрей Андреевичъ Полтавцевъ, былъ камергеромъ въ первые годы царствованія Николая Павловича. Мать его, — значитъ моя прабабушка, — принадлежала къ роду князей Остроленскихъ и въ рязанской губерніи имѣла помѣстье въ шесть тысячъ десятинъ, изъ коихъ 500 строевого лѣса.

— Недурно...

Корягинъ осторожно началъ мыть въ тазу руки, стараясь плескомъ воды не мѣшать Полтавцеву.

— Усадьба, конечно, была тоже отличная. Тридцать пять комнатъ и залъ въ два свѣта для баловъ. Отъ прабабушки имѣнье перешло къ дѣду моему, Андрею Андреевичу, такъ какъ другихъ сыновей по этой линіи не было. Такъ вотъ, выйдя въ отставку, дѣдъ переѣхалъ въ имѣніе и занялся приведеніемъ хозяйства въ порядокъ. О земствѣ тогда, понятно, не было еще ни слуху, ни духу, и дѣдъ самъ построилъ нѣсколько школъ, больницу для крестьянъ, отличную церковь. Первая ткацкая фабрика въ Россіи была создана тоже у него. 300 дѣвокъ работало, изъ полотна съ этой фабрики сама Императрица дюжину рубашекъ себѣ заказала, въ документахъ моего отца письмо ея на имя дѣда сохранилось.

— Скажите! — почтительно удивился Корягинъ. — Собственноручное?

— Подпись, разумѣется. Ну, и вотъ, когда обосновался Андрей Андреевичъ въ имѣніи, привелъ все въ порядокъ, наладилъ хозяйство, какъ-то разъ въ понедѣльникъ 13-го іюля пріѣхалъ къ нему погостить сосѣдъ по имѣнію Юрій Дмитріевичъ Ртищевъ. Помѣщики эти, Ртищевы, были захудалые, всего 600 десятинъ, безъ лѣса, двѣсти десятинъ песка и овраговъ. По происхожденію-то Ртищевы не хуже Полтавцевыхъ, дѣдъ Юрія Дмитріевича при Екатеринѣ Великой принималъ участіе въ составленіи «Учрежденія для управленія губерніей». Благодаря ему...

— Константинъ! — послышался за дверью голосъ Ольги Федоровны. — Чай стынетъ!

— Сейчасъ, Оленька. Такъ вотъ, — осторожно продолжалъ Полтавцевъ, понизивъ голосъ, — пріѣхалъ Юрій Дмитріевичъ въ понедѣльникъ, 13-го іюля, думая погостить нѣкоторое время, такъ какъ съ Андреемъ Андреевичемъ они съ дѣтства были друзьями, и, кромѣ того, пажескій корпусъ

вмѣстѣ окончили. А въ имѣніи дѣда, надо сказать, былъ огромный искусственный прудъ. Съ сѣвернаго берега окруженъ лиственнымъ лѣсомъ, а на востокѣ, у высокаго берега, березовая рощица. И, вотъ, въ Маріинское, вдругъ, пріѣзжаетъ къ бабушкѣ Софьѣ Степановнѣ графиня Андрусова съ дочерью. Графы Андрусовы, нужно сказать, сдѣлались графами только при императорѣ Александрѣ Первомъ. Были раньше хотя и дворянами, но совершенно обѣднѣвшими. Одна вѣтвь еще имѣла немного земли въ орловской губерніи, но за-то другая...

— Константинъ! — Со стороны корридора раздался энергичный стукъ въ дверь. — Идете?

— Да, да... Простите, какъ васъ по имени-отчеству?

— Никаноръ Андреевичъ.

— А меня — Константинъ Александровичъ. Пожалуйте, Никаноръ Андреевичъ. Идемъ, Оля!

XII.

За чаемъ у Полтавцевыхъ Корягинъ сначала чувствовалъ нѣкоторое смущеніе. Съ самимъ Константиномъ Александровичемъ сойтись было, конечно, легко. Держался тотъ просто, располагалъ къ себѣ словоохотливостью. Но за-то Ольга Федоровна подавляла строгимъ видомъ и испытующими взглядами,въ которыхъ ясно чувствовалось желаніе разгадать,что представляетъсобою новый квартирантъ. Исторія съ тринадцатымъ числомъ и съ графиней Андрусовой такъ и осталась тайной: Константинъ Александровичъ или боялся при женѣ продолжать свой разсказъ, или просто забылъ. Вмѣсто этого началъ подробно разспрашивать Корягина о службѣ въ Россіи, объ эвакуаціи, о пребываніи въ Сербіи.А Ольга Федоровна молча разливала чай и только изрѣдка вставляла вопросы:

— Значитъ, вы никогда не служили у большевиковъ?

— А съ сербской службы ушли добровольно, или васъ уволили?

Однако, когда Никаноръ Андреевичъ въ безхитростныхъ словахъ разсказалъ о своихъ мытарствахъ въ балканскихъ странахъ и попутно,не безъ юмора, обрисовалъ своеобразіе болгарскаго и сербскаго быта, Полтавцева, какъ будто, смягчилась. Нѣсколько разъ улыбнулась, наградила

разсказчика снисходительно-дружелюбными взглядами. А когда онъ передалъ исторію съ Леночкой и разсказалъ, сколько возни пришлось испытать, пока та нашла, наконецъ, мать,— окончательно уже растрогалась. Придвинула тарелку съ печеньемъ и укоризненно проговорила:

— Что же вы не берете? Неужели я каждый разъ должна предлагать?

Выслушавъ повѣствованія новаго квартиранта, Полтавцевъ, наконецъ, заговорилъ самъ. Пространно сообщилъ о разнообразіи профессій, которыми приходится заниматься русскимъ эмигрантамъ въ Парижѣ, одобрилъ желаніе Никанора Андреевича устроиться на заводъ, пока не подвернется что-либо лучшее, предложилъ со своей стороны узнать, нѣтъ ли какой-либо вакансіи въ предпріятіи, въ которомъ онъ самъ служитъ. И постепенно разговоръ перешелъ на общія темы.

— А вы читали сегодня въ газетѣ перепечатку изъ совѣтской «Правды»? — уже переставъ бояться напускной строгости хозяйки, весело спросилъ Никаноръ Андреевичъ. — Какой-то враль пишетъ, будто бѣженцы въ Парижѣ кромѣ ресторанныхъ кутежей ничѣмъ больше не занимаются.

— Ну, что жъ, — презрительно отвѣтила Ольга Федоровна, перетирая чашки. — На здоровье, пусть пишетъ. По-моему, это просто зависть лакея къ господамъ. У насъ, вотъ, и денегъ нѣтъ, и паспортовъ настоящихъ нѣтъ, и заступничества никакого, — а живемъ, слава Богу, наравнѣ съ французами, людьми себя чувствуемъ. А у нихъ— и деньги, и гражданство, и консульство, и посольство, а руки никто не подаетъ.

— Шофферы наши не разъ имъ скандалы устраивали, — одобрительно глядя на жену, добавилъ Полтавцевъ. — Есть у насъ, напримѣръ, одинъ знакомый шофферъ, Евге-

ній Николаевичъ Торшинъ. Товарищъ прокурора окружнаго суда, очень милый человѣкъ, его отца я зналъ еще по Одессѣ. Семья у отца была большая, девять человѣкъ, семеро сынобей и двѣ дочери, всѣ получили высшее образованіе. Старшая дочь Анастасія, напримѣръ...

— Причемъ Анастасія, Константинъ? Помолчи, пожалуйста. Ну, а большевикамъ, разумѣется, досадно, что въ Парижѣ всѣ культурныя русскія учрежденія въ нашихъ рукахъ. Своя опера, гимназіи, церкви, газеты, библіотеки. Небось, этого самаго совѣтскаго корреспондента ни въ одно учрежденіе и ни въ одну приличную русскую семью не пустили. Вотъ и описываетъ только ту дрянь, которую видѣлъ въ кабакахъ на Монмартрѣ... Константинъ, звонятъ!

— Да, въ самомъ дѣлѣ. Навѣрно, Орловскій вернулся.

— Нѣтъ, у него свой ключъ. Пойди, отопри.

Въ ожиданіи возвращенія мужа, Полтавцева заговорила объ Орловскомъ, похвалила его за воспитанность, деликатность, сообщила, что онъ собирается въ ближайшемъ будущемъ жениться, и обернулась къ дверямъ.

— Кто пришелъ, Константинъ?

— Это къ вамъ, Никаноръ Андреевичъ. Дѣвочка какая-то.

— Дѣвочка? Не можетъ быть!

Леночка покорно ждала на лѣстницѣ, пока Никаноръ Андреевичъ не вышелъ. Видъ у нея былъ странный. Глаза блестѣли, на щекахъ румянецъ, будто отъ только что испытаннаго сильнаго волненія.

— Вотъ и я! — радостно воскликнула она.

Затѣмъ приблизилась, схватила за рукавъ пиджака, но, не встрѣтивъ отвѣтной радости, отступила.

— Вы меня больше не хотите?

— Погоди... Вѣдь, я думалъ... Я думалъ... Ты какъ? Съ мамой пришла?

— Нѣтъ, одна.

— Гдѣ же ты была?

— Я не нашла васъ.

— Да, но до сихъ поръ?

Она отодвинулась еще дальше, опустила глаза.

— Я увидѣла эту самую... Марью Гавриловну... Я была въ гостяхъ... А потомъ взяла такси... Только въ отелѣ сказали, что тамъ есть письмо. Я опять взяла такси... Вы не безпокойтесь, я заплатила.

Корягинъ выслушалъ объясненія Леночки и почувствовалъ по тону, что она что-то скрываетъ.

— Странно, очень странно. Ты меня бросила, ушла съ какой-то Марьей Гавриловной, не предупредивъ. Я подумалъ, что ты нашла маму, и переѣхалъ. А теперь...

— Значитъ, вы уже не можете?

Голосъ ея дрогнулъ.

— Я не говорю, что не могу. Но умныя дѣвочки такъ не поступаютъ. Если онѣ хотятъ, чтобы къ нимъ хорошо относились, онѣ должны... Впрочемъ, не въ этомъ теперь дѣло. Нужно что-нибудь придумать.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего не надо. До свиданья.

Леночка порывисто повернулась, начала быстро спускаться по ступенькамъ.

— Постой! Куда ты?

Онъ кинулся за нею, схватилъ за плечо.

— Никуда ты не уйдешь. Подожди.

— Нѣтъ, уйду. На улицу.

— Брось глупости! Я не люблю капризовъ.

— А я не хочу! Пусть меня раздавитъ такси!

— Идемъ!

Онъ поднялъ ее въ воздухъ, втащилъ въ переднюю, захлопнулъ дверь.

— Ай! — завопила она, стараясь вырваться и проскочить къ дверямъ. — Пустите!

— Молчи, я тебѣ говорю!

— Ай, мамочка! Я умру! Мамочка! Я не хочу!

Вышедшіе въ переднюю Полтавцевы съ изумленіемъ слѣдили за этой сценой, не рѣшаясь вмѣшаться. Но, вотъ, Леночка, наконецъ, сдалась. Прекративъ выкрики, отвернулась къ стѣнѣ, уткнулась лицомъ въ висѣвшее на вѣшалкѣ пальто Константина Александровича и тихо зарыдала, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Что случилось, Никаноръ Андреевичъ?

Полтавцева подошла ближе.

— Ради Бога, простите, Ольга Федоровна... Мнѣ такъ совѣстно. Но я, честное слово, не причемъ.

— Не въ этомъ дѣло. Отчего она плачетъ, я спрашиваю?

— Да, вотъ. Оказывается... Не нашла матери. Опять одна.

Онъ растерянно посмотрѣлъ на Полтавцеву и съ радостью замѣтилъ, что лицо ея преобразилось. Суровость исчезла, глаза стали ласковыми.

— О чемъ же тутъ говорить? — пробормотала она, подходя къ дѣвочкѣ, и кладя ей руку на голову. — Конечно, ты будешь жить у насъ, пока мама не отыщется. Послушай, милая!

Та не отвѣчала.

— Довольно, дѣтка. Поплакала и будетъ. Идемъ, я тебя напою чаемъ и уложу спать.

— Я иду уходить, — послышалось изъ глубины пальто.

— Никуда ты не уйдешь, а останешься здѣсь. Вытри глазки, вотъ платокъ. А маму найдемъ, будь покойна.

Въ столовой Леночка постепенно успокоилась. Полтавцева заставила ее съѣсть оставшуюся отъ обѣда котлету, достала варенья, обѣщала завтра же отправиться въ полицію,которая безусловно отыщетъ Вѣру Сергѣевну. Константинъ Александровичъ, со своей стороны, предложилъ сдать въ русскую газету объявленіе о розыскѣ. А Никаноръ Андреевичъ, чувствуя себя виновнымъ въ излишней строгости во время объясненія на лѣстницѣ, особенно старался проявить участіе. Осторожно спросилъ, не помнитъ ли Леночка адреса злополучной Марьи Гавриловны, и узнавъ, что адресъ неизвѣстенъ, началъ успокаивать, ободрять и шутливо сообщилъ, что Фифи сегодня немного скучала, но, въ общемъ, чувствуетъ себя превосходно.

Дѣвочка грустно улыбалась, смущенно благодарила хозяйку за предлагаемую ѣду, долго передъ этимъ отказываясь, и осторожнымъ внимательнымъ взглядомъ окидывала обоихъ стариковъ, когда тѣ переставали обращать на нее вниманіе.

— Ну, пора спать, — вставъ изъ-за стола, рѣшительно заявила Ольга Федоровна. — Я тебя, милая, уложу здѣсь, на этомъ диванчикѣ. Тебѣ удобно будетъ?

— Очень удобно. Можетъ быть, хотите, я вымою чашку?

— Какую чашку? Ахъ, твою? Нѣтъ, спасибо, дѣтка. Ты, я вижу, славная дѣвочка. Умница. Никаноръ Андреевичъ, принесите сюда ея куклу и чемоданъ. Константинъ, достань изъ сундука одѣяло.

Корягинъ отправился къ себѣ, вернулся съ леночкиными вещами и многозначительнымъ тономъ попросилъ Полтавцеву выйти въ корридоръ для какихъ-то конфиденціальныхъ переговоровъ.

— Хорошо. Погодите только, принесу подушку.

Въ ожиданіи Ольги Федоровны, Никаноръ Андреевичъ остановился въ передней возлѣ Константина Александровича, который возился у большого тяжелаго сундука, отыскивая въ немъ запасное одѣяло.

— Очень милый ребенокъ, — закрывъ сундукъ, тихо проговорилъ Полтавцевъ. — Вѣжливая, скромная. Во время войны, знаете, въ лазаретѣ полка, которымъ командовалъ мой кузенъ, тоже вродѣ этого случай произошелъ. Въ тѣ мѣсяцы, когда наши войска отступали изъ Польши, какъ извѣстно, многіе поляки спѣшно бѣжали въ Россію. И, вотъ, завѣдующая лазаретомъ княгиня Туранская, урожденная баронесса Вальдгофъ, находитъ на шоссе среди группы бѣженцевъ больного мальчика, совершенно ободраннаго, грязнаго, покрытаго коростой. Какъ онъ попалъ въ эту партію бѣженцевъ, никто не зналъ. Туранская, мужъ которой въ самомъ началѣ войны былъ убитъ, приняла горячее участіе въ ребенкѣ, выходила его, одѣла... Оказался чудесный мальчишка. Но кто родители добиться не удалось. Лѣтъ пять ему, кажется, было. И, вотъ, представьте, когда мальчикъ поправился и въ первый разъ послѣ болѣзни былъ посаженъ за столъ во время обѣда, онъ огляделся и сталъ просить, чтобы дали салфетку. Туранская сразу же по этому признаку догадалась, что ребенокъ изъ хорошей семьи...

— Константинъ, что же не несешь? — раздался въ дверяхъ недовольный голосъ. — Опять заговорился? Поди, положи на кровать. А что вы хотѣли сказать, Никаноръ Андреевичъ?

— Я по поводу Леночки, Ольга Федоровна, — осторожно прикрывъ за Полтавцевымъ дверь въ столовую, смущенно отвѣтилъ Корягинъ. — Вы, конечно, по добротѣ характера, очень трогательно отнеслись къ дѣвочкѣ. Но дѣло въ томъ, что виноватъ въ ея появленіи въ вашемъ домѣ, ко-

нечно, я. Не будь меня, вамъ не пришлось бы стѣснять себя, кормить ее...

— Къ чему все это, я не понимаю?

— Я говорю, видите ли... Что всѣ расходы, которые вамъ придется нести... То-есть все, что будетъ стоить ея содержаніе, я принимаю на себя. Поэтому, можетъ быть...

— Вотъ что? — гордо выпрямившись, негодующе произнесла Полтавцева. — Вы, значитъ, опять принимаете меня за квартирную хозяйку? Хорошо. Въ такомъ случаѣ, завтра же вы оставите мою квартиру. Поняли?

— Ольга Федоровна...

— Никакихъ разговоровъ! Дѣвочка будетъ у меня въ гостяхъ, а вы переѣдете. Завтра же!

— Ольга Федоровна. Ради Бога. Можетъ быть, я не такъ выразился...

— Именно не такъ. До-свиданья.

— Простите, въ такомъ случаѣ! Дайте ручку!

— Нѣтъ.

— Ну, честное слово... Я же не хотѣлъ. Вы видите, съ какимъ уваженіемъ я къ вамъ отношусь...

Онъ поймалъ руку, поднесъ къ губамъ, и, замѣтивъ на лицѣ проблескъ улыбки, облегченно вздохнулъ.

— Въ чемъ дѣло, Оленька? — спросилъ, подходя къ женѣ, Константинъ Александровичъ. — Что-нибудь случилось?

— Ничего.

Она рѣзко повернулась, ушла.

— Пожалуйста, не обращайте вниманія, — осторожно зашепталъ Полтавцевъ, глядя вслѣдъ женѣ. — Это, вѣдь, не со зла. Просто — характеръ. Значитъ, на чемъ я остановился? Да, салфетка. Итакъ, прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и княгиня путемъ публикацій въ газетахъ, наконецъ, узнаетъ, чей у нея ребенокъ. Оказывается — сынъ графа Кшинскаго,

вдовца, очень богатаго человѣка, имѣющаго огромное помѣстье въ ломжинской губерніи.

— Константинъ!

— Сію минуту. Пріѣхалъ этотъ Кшинскій въ городъ, гдѣ стоялъ лазаретъ, опозналъ своего сына, ну, и попутно влюбился въ княгиню и сдѣлалъ предложеніе. Конечно, съ одной стороны, благодарность къ ней огромную чувствовалъ, но, кромѣ того, она, вѣдь, была удивительной красавицей. Въ ихъ роду вообще всѣ замѣчательной внѣшности были. Братъ ея, князь Василій Николаевичъ, напримѣръ...

— Константинъ!

— Иду... Всему Петербургу извѣстенъ былъ, какъ покоритель дамскихъ сердецъ. Затѣмъ тетка ея, Евдокія Ильинична...

— Ты идешь, наконецъ?

— Да, да. Спокойной ночи, Никаноръ Андреевичъ.

— Спокойной ночи.

Корягинъ вошелъ къ себѣ, постоялъ въ задумчивости передъ столомъ, съ котораго предстояло убрать лишнія вещи, передвинулъ съ мѣста подкову, переставилъ стеклянную вазочку ближе къ серединѣ, чтобы случайно не упала на полъ, и прикоснулся пальцами къ шелковой дамской сумочкѣ, которую выигралъ на бѣженской лоттереѣ.

Въ передней послышались шаги, заскрипѣла крышка сундука. Схвативъ сумочку, Никаноръ Андреевичъ съ радостнымъ видомъ подошелъ къ двери, выглянулъ.

— Ольга Федоровна, вы? Разрѣшите по маленькому дѣлу...

— Опять? — раздался у сундука угрожающій отвѣтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Не безпокойтесь. Пустяки. Посмотрите, что я выигралъ передъ отъѣздомъ изъ Бѣлграда. Прекрасная вещица. Работа дѣвицъ Харьковскаго Института. Позвольте поднести на память... Пожалуйста! Отъ чистаго сердца!

XIII.

Понедѣльникъ весь ушелъ на мелкія хлопоты, на хожденіе въ комиссаріатъ и на полученіе рекомендательнаго письма отъ генерала. Но вторникъ было рѣшено посвятить уже всецѣло заводу. Вставъ рано, Никаноръ Андреевичъ тщательно побрился, надѣлъ чистое бѣлье, парадный пиджачный костюмъ и около семи часовъ вышелъ изъ дому вмѣстѣ съ Орловскимъ.

— Вотъ здѣсь, гдѣ запасный путь поворачиваетъ всторону,нужно сходить,— соскочивъ съ трамвая и направляясь въ одну изъ боковыхъ улицъ Біянкура, началъ торопливо объяснять Алексѣй Петровичъ. — Тутъ, на площади, находится русскій ресторанъ. Къ двѣнадцати часамъ приходите сюда, разскажите о результатахъ. А теперь идите до набережной и поверните направо. Видите, таблицу? Она показываетъ, куда идти: direction du Bureau d'embauche. Ну, мнѣ направо, въ ворота. Желаю успѣха.

Орловскій исчезъ, смѣшавшись съ толпою рабочихъ, торопившихся къ своимъ ателье. Внимательно оглядѣвшись по сторонамъ, Никаноръ Андреевичъ подошелъ къ дверямъ ресторана, разсѣянно прочелъ вывѣску пріютившейся рядомъ русской парикмахерской, вздохнулъ, вспомнилъ, что слѣдуетъ прійти въ бюро пораньше, и неувѣренно зашагалъ по улицѣ.

Въ боковые переулки, ведущіе къ различнымъ воротамъ, бѣгомъ направлялись запоздавшіе рабочіе. Гдѣ-то протяжно завылъ гудокъ, раздалось громыханіе запирающихся воротъ. Улица сразу опустѣла. Изрѣдка только проносились мимо велосипедисты, встрѣчались громоздкіе каміоны. Зданія тянулись унылыя, съ однообразными сѣро-красными стѣнами, кончавшимися наверху остроконечными стеклянными крышами. Въ широкія окна, по тюремному задѣланныя рѣшетками, видны были черезъ разбитыя стекла загрязненные просвѣты крышъ. Вертѣлись внутри на длинныхъ валахъ колеса; шурша и хлопая, мерцали ремни, опутавшіе воздухъ сѣтью жуткихъ ліанъ. Однотонный гулъ, вырывавшійся изъ мастерскихъ, смѣнялся, вдругъ, визгливо-рѣжущими звуками; иногда гдѣ-то разражалось громомъ желѣзо, ухали падающія полосы стали.

Выйдя на набережную и повернувъ направо, Корягинъ увидѣлъ двухэтажное красное зданіе, возлѣ котораго стояла толпа народа. Нѣсколько ларьковъ со сладостями и прохладительными напитками расположилось около входа въ бюро. Пестрыя телѣжки съ мороженымъ уперлись колесами въ троттуаръ. По ту сторону улицы, у самаго берега, на остаткахъ полуразрушенной пристани сидѣло нѣсколько молчаливыхъ фигуръ. А за рѣкой, отражаясь въ водѣ, тянулся оголенный островъ съ гигантскимъ незаконченнымъ строеніемъ, а тамъ, дальше, зеленые склоны холмовъ, теряющіеся въ садахъ отели и виллы.

Ворота рядомъ съ бюро наглухо заперты. Открыта только узкая дверь, возлѣ которой стоитъ служащій, громко выкликающій фамиліи и пропускающій внутрь по одиночкѣ кого-либо изъ толпы ожидающихъ. Не зная, какъ приступить къ дѣлу, Никаноръ Андреевичъ медленно прошелся по улицѣ, прочелъ надъ дверью надпись «inscription des

manœuvres», оглядѣлъ ларьки, какъ будто заинтересовавшись пирожными, направился затѣмъ къ берегу, разсѣяннымъ взглядомъ окинулъ островъ, посмотрѣлъ направо, гдѣ въ туманной дымкѣ виднѣлся севрскій мостъ, поглядѣлъ налѣво, гдѣ надъ рѣкой, вытянувъ гигантскую шею, высился подъемный кранъ, и нерѣшительно повернулся лицомъ къ бюро.

— Дрянь дѣло, — нахмурившись подумалъ онъ, доставая изъ кармана самоучитель. — И такъ некого спросить, все конкурренты, а тутъ еще безъ языка.

Онъ недружелюбно оглядѣлъ толпу, всѣ эти грубыя кэпки, потрепанные пиджаки, грязно-сѣрыя и желтыя рубахи безъ воротничковъ, и осторожно перевелъ взглядъ на свой костюмъ.

— Сообразилъ, нечего сказать! Чистый воротничекъ нацѣпилъ. Въ новый костюмъ вырядился. Болванъ!

Никаноръ Андреевичъ мрачно сѣлъ на груду досокъ, поднялъ руку къ шеѣ, какъ бы желая почесать подбородокъ, и смялъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ воротничекъ. Затѣмъ, выждавъ нѣкоторое время, опустилъ руку къ землѣ, сгребъ немного песку и задумчиво играя имъ, будто случайно, обсыпалъ фалды пиджака и колѣни.

— Quel genre de travail désirez-vous? — раскрывъ самоучитель, зашепталъ онъ. — Je voudrais travailler à une savonnerie. Представьте свѣдѣнія о себѣ. Présentez des renseignements sur vous...

Заводъ, между тѣмъ, работалъ полнымъ ходомъ. Недалеко за крышей бюро гигантская труба, изъѣденная дождями и вѣтромъ, бросала въ небо черныя тучи. Надъ группой другихъ трубъ, короткихъ, желѣзныхъ, странно расширявшихся кверху, клубилось въ небѣ золотистое облако. По набережной вѣтеръ несъ пыль, катилъ бумажные свертки,

обрывки газетъ, хлопалъ холстомъ надъ телѣжками мороженщиковъ. И высокіе тополя, уходившіе вдоль берега далеко къ мосту, мѣрно покачивались,трепеща листьями, будто отбиваясь отъ набѣгавшаго дыма.

— Ну, нечего ждать,—рѣшительно поднявшись съ досокъ пробормоталъ Корягинъ. —Если такъ сидѣть,никогда не устроишься.

Обойдя толпу вдоль троттуара, онъ началъ протискиваться къ двери. Уже вся группа счастливчиковъ, принятыхъ наканунѣ, была вызвана внутрь. Оставались только явившіеся въ первый разъ. Дѣлая видъ, что разсѣянно смотритъ по сторонамъ, Никаноръ Андреевичъ сталъ пробираться въ случайныя пустоты между рабочими, незамѣтно вдвигалъ въ гущу тѣлъ то лѣвое плечо, то правое, пока, наконецъ, какой-то свирѣпый сосѣдъ въ сѣрой кэпкѣ, обернувшись, не сказалъ что-то рѣзко и грубо.

— Monsieur! Voilà lettre récommandée! — добравшись, наконецъ, до двери и размахивая письмомъ передъ носомъ служащаго, воскликнулъ Никаноръ Андреевичъ. — Je voudrais travailler!

Въ большой, наполненной народомъ пріемной, возлѣ перилъ, отгораживавшихъ мѣста служащихъ отъ публики, стояли вызванные раньше рабочіе. Ихъ снова опрашивали, что-то записывали и отсылали въ слѣдующую комнату. Тѣ же, съ которыми вошелъ Корягинъ, толпились возлѣ поставленныхъ поперекъ комнаты скамеекъ.Здѣсь какой-то господинъ просматривалъ документы вошедшихъ и одникъ отправлялъ обратно на улицу, а другихъ пропускалъ въ сосѣднее помѣщеніе.

— Voilà, monsieur... Une lettre... Je voudrais...

Господинъ взглянулъ на конвертъ, повертѣлъ въ рукѣ, внимательно посмотрѣлъ на просителя.

— Passez!

Въ сосѣднемъ помѣщенiи за длинной стойкой сидѣло нѣсколько барышенъ. Та, къ которой попалъ Корягинъ, была очень любезна. Нѣсколько разъ терпѣливо переспрашивала, служилъ ли онъ когда-нибудь на заводѣ, какова его спецiальность, какiе можетъ представить документы. Кратко отвѣчая «oui» или «non»,иногда вставляя почему-то «comme ça», Никаноръ Андреевичъ весь красный,съ капельками пота на лбу, отошелъ, наконецъ, всторону и съ удовлетворенiемъ замѣтилъ, что его документы какой-то юноша понесъ въ сосѣднюю комнату, очевидно,въ кабинетъ шефа.

— Подумаешь, святилище какое... — презрительно усмѣхнулся онъ, глядя на дверь кабинета. — Сколько лѣтъ работалъ вездѣ, нигдѣ не стѣснялся. А тутъ,какъ мальчишка. Тоже невидаль — заводъ...

— Koriaguine! — раздался возгласъ возлѣ дверей.

— C'est moi!

Почтительно поклонившись сидѣвшему за столомъ шефу, оказавшемуся тѣмъ самымъ господиномъ, который взялъ письмо,Никаноръ Андреевичъ покорно сталъ ждать.

— Koriaguine?

— Oui, monsieur.

— Vous êtes russe, n'est-ce pas?

— Oui, monsieur.

— Un officier, je crois?

— Réfugié...

Шефъ загадочно улыбнулся, сочувственно началъ что-то объяснять.

— Avez-vous compris? — спросилъ въ заключенiе онъ.

— Non, monsieur.

— Alors...

Шефъ вздохнулъ, вырвалъ изъ блокъ-нота листокъ бумаги, что-то написалъ, протянулъ.

— Merci, — смущенно взявъ бумажку, пробормоталъ Никаноръ Андреевичъ. — Et je serai... travailler?

— Venez demain.

— Demain? Bien. Grand merci, monsieur.

— Li-Tchoun-Tchine! — поднимая къ глазамъ списокъ, устало обратился шефъ къ стоявшему у дверей юношѣ.

— Li-Tchoun-Tchine! — выходя въ прiемную, громко выкрикнулъ тотъ.

XIV.

Бережно спрятавъ въ карманъ бумажку, въ которой изъ-за неразборчивости почерка удалось прочесть только слова «avis favorable» и названіе Avenue Rapp, Корягинъ рѣшилъ до встрѣчи съ Орловскимъ не ломать головы надъ разгадкой текста и, пробродивъ до полудня по Біянкуру, направился къ русскому ресторану.

Уже прозвучалъ гудокъ. Прилегающія къ площади улицы заполнились народомъ, изъ воротъ продолжали выходить толпы рабочихъ. Среди всей этой массы французовъ, итальянцевъ и скуластыхъ китайцевъ иногда — усталые глаза на блѣдномъ бритомъ лицѣ. И русскія слова:

— У насъ, слава Богу, вся цѣпочка отлично работала.

— Да, должно быть, хорошо закроемъ кензэнъ.

Недалеко отъ площади — самая оживленная изъ заводскихъ улицъ, rue de St. Cloud. По обѣимъ сторонамъ стоятъ ряды телѣжекъ съ дешевыми галантерейными, мануфактурными и косметическими товарами, идетъ бойкая торговля всякой мелочью. Вотъ экспансивный продавецъ деревянныхъ коробокъ ораторствуетъ передъ публикой, окружившей его плотной стѣной, поднимаетъ коробки высоко въ воздухъ, раскрываетъ, показываетъ дно, захлопываетъ, попутно объясняетъ заманчивыя перспективы для тѣхъ, кто станетъ

обладателемъ подобнаго цѣннаго въ хозяйствѣ предмета, и патетически начинаетъ распространяться о томъ, что при нынѣшней дороговизнѣ его цѣны являются удивительнымъ исключеніемъ, свѣтлой точкой на общемъ безрадостномъ фонѣ.

Тутъ же, на противоположномъ углу, другой торговецъ, одѣвшійся клоуномъ, стоитъ на табуретѣ, яростно кричитъ что-то, кидая въ гущу толпы цвѣтные коврики. Снующій среди слушателей помощникъ продавца бросается вслѣдъ за летящими коврами, выхватываетъ ихъ изъ-подъ ногъ, снимаетъ съ головъ и плечъ хохочущей публики и тычетъ въ руки сосѣдямъ, чтобы тѣ могли убѣдиться въ ничтожности цѣны сравнительно съ качесівомъ.

Среди ряда навѣсовъ и телѣжекъ не мало и русскихъ продавцевъ, которыхъ легко отличить отъ другихъ. Спокойно, съ достоинствомъ, стоитъ полная курносая дама возлѣ переносныхъ вѣшалокъ съ рабочими куртками и брюками; дѣловито-сосредоточенно глядитъ на толпу интеллигентнаго вида господинъ съ замѣтной военной выправкой, продающій ножи, замки и другія желѣзныя издѣлія; въ промежуткѣ между ними бородатый русскій еврей, выставивъ прилавокъ съ дешевыми костюмами, зорко всматривается въ толпу прохожихъ, громко восклицаетъ по-русски:

— Господа офицеры! Будьте добры! Американскіе костюмы спеціально для русскихъ! Всего 75 франковъ! У большевиковъ стоятъ не меньше двухъ тысячъ!

А возлѣ еврея, у телѣжки съ халвой, рахатъ-локумомъ и русскими сладкими пирожками, — скромная хорошенькая блондинка, тоже, безъ сомнѣнія, русская. Проходя мимо, Корягинъ обратилъ на нее вниманіе. Съ застѣнчивымъ видомъ стояла она возлѣ своего товара, неувѣренно отвѣчала покупателямъ, сконфуженно улыбалась, когда съ вѣсовъ падалъ

кусокъ халвы. И Никанору Андреевичу показалось знакомымъ лицо. Въ особенности глаза. Гдѣ онъ ее видѣлъ? Когда?

Ресторанъ, въ которомъ обѣдалъ Орловскій,— унылый, невзрачный, съ каменнымъ поломъ, со столами покрытыми, вмѣсто скатертей, листами бѣлой бумаги. Уже почти всѣ мѣста были заняты. Усталые посѣтители въ потертыхъ пиджакахъ, въ цвѣтныхъ рубахахъ, безъ воротничковъ, сидѣли,склонивъ угрюмыя лица къ тарелкамъ,сосредоточенно ѣли, звякая ложками, изрѣдка обмѣниваясь короткими фразами.

— Вы уже здѣсь?

Корягинъ подошелъ къ одному изъ столовъ, радостно поздоровался. Орловскій ѣлъ бигки, косымъ взглядомъ читая лежавшее рядомъ съ приборомъ письмо.

— Ну, какъ? Приняли?

— Да, вотъ, посмотрите. Не могу разобрать.

Никаноръ Андреевичъ передалъ листокъ, сѣлъ, заказалъ борщъ. А Алексѣй Петровичъ отложилъ всторону письмо, прочелъ записку и началъ объяснять, въ чемъ дѣло. Со стороны администраціи завода, какъ оказывается, препятствій къ принятію на работу нѣтъ. Нужно только получить разрѣшеніе отъ министерства труда. Для этого необходимо сегодня же отправиться послѣ обѣда на avenue Rapp и съ разрѣшеніемъ явиться завтра утромъ къ шефу въ бюро, гдѣ дадутъ номеръ,снимутъ фотографію и въ одномъ изъ ателье поставятъ къ машинѣ.

— Къ машинѣ? Сразу?

— Да. Здѣсь значится, что вы приняты не какъ простой manœuvre, а какъ manœuvre-spécialisé.

Никаноръ Андреевичъ тревожно разсмѣялся, съ одной стороны удовлетворенный успѣхомъ, но съ другой стороны испугавшись отвѣтственности. Однако, оглядѣвшись по

сторонамъ и увидѣвъ вокругъ себя соотечественниковъ, благополучно, очевидно, работающихъ на машинахъ, успокоился.

— Вѣра Николаевна, — деликатно проговорилъ Орловскій, обращаясь къ барышнѣ, принесшей Корягину борщъ. — Будьте добры, дайте вина.

— Стаканъ?

— Да.

Кельнерша, оказавшаяся одной изъ двухъ дамъ, съ которыми Орловскій былъ въ церкви, дружески кивнула головой, отошла. Алексѣй Петровичъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, задумался.

— Вы простите, пожалуйста, — устало обратился онъ къ Корягину. — Мнѣ нужно дочитать письмо. Интересное предложеніе изъ провинціи...

— Ради Бога.

Никаноръ Андреевичъ занялся борщомъ, время отъ времени поглядывая по сторонамъ и съ любопытствомъ присматриваясь къ окружающей публикѣ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ грузный пожилой бѣженецъ, бѣдно одѣтый, съ огрубѣвшими руками, отъ которыхъ плохо была отмыта машинная грязь. Напротивъ, по другую сторону узкаго стола, какой-то франтоватый молодой человѣкъ, очевидно не изъ рабочихъ, въ чемъ-то настойчиво убѣждалъ своего сосѣда, хмураго господина съ бритымъ красивымъ лицомъ.

— Такъ, такъ...—пренебрежительно отвѣчалъ сосѣдъ, медленно разрѣзая жаркое. — Ну, и что отсюда слѣдуетъ?

— А то слѣдуетъ, полковникъ, что всѣ вы, работающіе на заводѣ, ни въ коемъ случаѣ не можете быть реакціонерами. Во-первыхъ, умъ каждаго изъ васъ обработанъ опытомъ двухъ революцій. А, во-вторыхъ, фабрично-заводская атмосфера поневолѣ должна производить въ интеллигент

ныхъ рабочихъ особый сдвигъ, такъ сказать, переоцѣнку цѣнностей.

— Не знаю, какъ у кого, но у меня никакихъ сдвиговъ не имѣется.

— Вы такъ думаете? А контрометры? Развѣ кто-нибудь изъ васъ относится благожелательно къ контрометрамъ?

— Отчего же? Бываетъ. Позвольте только спросить: къ чему весь этотъ разговоръ?

— Погодите минутку... Я кончу... Вы понимаете сами, полковникъ, что пока взаимоотношенія между трудомъ и капиталомъ являются только теоріей, дѣло одно. Но теперь, когда сама жизнь поставила васъ передъ тѣми уродливостями капиталистическаго строя и когда...

— Вы, батенька, бросьте вашу пропаганду, пока живы-здоровы, — угрожающе произнесъ, вдругъ, пожилой бѣженецъ, сидѣвшій рядомъ съ Корягинымъ. — Вчера обрабатывали меня, сегодня его. Не безпокойтесь, не попадемъ въ ваши соціалистическія ручки. Аттанде-съ!

— Я думаю, генералъ, что мое положеніе, какъ журналиста... — покраснѣвъ, началъ молодой человѣкъ.

— Бросьте, говорю. Довольно. Намъ не требуется ни вашихъ заботъ о нашемъ трудѣ, ни вашихъ взглядовъ на чужой капиталъ. Владимиръ Павловичъ, — обратился къ полковнику генералъ. — Какъ съ машиной? Вернули на прежнюю?

— Да, ваше превосходительство.

— Прекрасно. А что касается меня, то, слава Богу, можетъ быть, на-дняхъ на положеніе китайцевъ ста[illegible], какъ будто, идетъ навстрѣчу. А то судите сами: изъ шести дней только три дня работы. Много ли нагонишь по пяти двадцать?

Вдали раздался гудокъ. Въ столовой стало шумнѣе.

Всѣ торопливо вставали, расплачивались, группами направлялись къ дверямъ. Орловскій спряталъ письмо, что-то тихо сказалъ на прощанье кельнершѣ, которая ласково-преданно посмотрѣла въ глаза, и вмѣстѣ съ Корягинымъ вышелъ изъ ресторана.

— Да, кстати, — проговорилъ, онъ, остановившись у поворота къ своимъ воротамъ. — Сегодня случайно узналъ, что одна изъ русскихъ продавщицъ на rue de St. Cloud носитъ фамилію Павловой. Можетъ быть, мать вашей дѣвочки?

— Въ самомъ дѣлѣ? А какая изъ себя? Худенькая? Блондинка?

— Да... Сладости продаетъ.

— Удивительно! — изумленно пробормоталъ Корягинъ. — Я, вѣдь,самъ замѣтилъ ее. Вотъ почему лицо показалось знакомымъ!

Орловскій попрощался,быстро направился къ воротамъ. А Никаноръ Андреевичъ торопливо двинулся на rue de St. Cloud, прошелъ по одной сторонѣ, по другой, заглянулъ въ поперечную улицу, вернулся назадъ.

Блондинки съ телѣжкой уже не было.

XV.

Объявленіе о розыскѣ Полтавцевъ, согласно обѣщанію, сдалъ въ понедѣльникъ. Что же касается заявленія въ префектуру, подать которое взялась Ольга Федоровна, то въ первый день сдѣлать этого не удалось. Провозившись съ уборкой квартиры и съ приготовленіемъ обѣда, Полтавцева выбралась съ Леночкой изъ дому слишкомъ поздно, задержалась, кромѣ того, въ одномъ изъ универсальныхъ магазиновъ и рѣшила отложить визитъ въ префектуру на вторникъ.

Чтобы не опоздать и на этотъ разъ, Леночка съ утра энергично взялась помогать Ольгѣ Федоровнѣ. Подмела переднюю, вытерла пыль, вымыла чайную посуду. Вполнѣ освоившись съ новой обстановкой, она уже перестала стѣсняться. Покончивъ съ уборкой, усѣлась на стулъ въ кухнѣ и, начавъ чистить картофель, охотно отвѣчала на разспросы о матери, о тетѣ Людѣ, о пансіонѣ.

— Очень интересно, очень, — выслушавъ разсказъ о пансіонскихъ подругахъ и продолжая хозяйничать, благожелательно проговорила Полтавцева. — Ну, а между прочимъ: тебя тамъ не пробовали обратить въ католичество?

— Ого, пусть попробуютъ! — гордо разсмѣялась Леночка, кидая очищенную картофелину въ кастрюлю. — Я имъ

такъ покажу, что своихъ не узнаютъ. Нѣкоторыя дѣвочки, знаете, сначала надо мной смѣялись. Паршивая Catherine говорила , что у насъ, православныхъ, не настоящая вѣра, а эта самая idolatrie. Но когда я сказала, что если она такъ будетъ продолжать, то я ее вздую, она перестала. А матери никогда ничего не говорили такого. Я всегда и крещусь по своему и свои молитвы читаю. Одна только mère Stanislas иногда придирается,но mère Stanislas никто не любитъ: она, знаете, такая... пикантная. Любитъ говорить непріятное.

— Это хорошо, что ты отстаиваешь православную вѣру, — одобрительно замѣтила Полтавцева. — Одно плохо, что по-русски говоришь не всегда правильно. Съ тобой кто-нибудь занимается русскимъ языкомъ?

— Мама занимается. На Пасху.

— Это жаль, что только на Пасху. Разъ ты русская, ты обязана какъ слѣдуетъ говорить по-русски. Русскія дѣвочки вообще никогда не должны забывать о Россіи.

— Я и не забываю. Вотъ Женька, которая теперь сдѣлалась католичкой, та не хочетъ даже по-русски говорить. А я нѣтъ. Когда у меня dictée или письменные уроки, я всегда пишу въ journal de classe или «Pour la patrie» или «Pour la Russie». И если я написала сверху «Pour la Russie» то я очень стараюсь,чтобы чисто было и безъ ошибокъ. Pour la Russie я много и сакрифисовъ дѣлаю. Хочется дать gifle какой-нибудь дѣвченкѣ, а я не даю — action de charité дѣлаю для Россіи.

Время до полудня въ этой бесѣдѣ прошло незамѣтно. Накормивъ пріѣхавшаго со службы Константина Александровича, Полтавцева убрала со стола, вымыла посуду и вышла съ Леночкой изъ дому.

— Ну, вотъ, сядемъ въ метро и поѣдемъ прямо въ пре-

фектуру, — покровительственно сказала она, стоя на троттуарѣ возлѣ подъѣзда. — А ты что? Опять боишься чего-то?

— Я? Нѣтъ. Я никогда не боюсь.

— А вчера? Почему ты все время оглядывалась?

— Вчера тоже не боялась. Просто такъ.

Леночка, только что со страхомъ озиравшаяся въ обѣ стороны, смущенно опустила глаза.

— Не безпокойся, милая, такси на троттуары не вскакиваютъ, — ободряюще произнесла Ольга Федоровна. — А сейчасъ, вотъ, когда начнемъ переходить улицу, будь, дѣйствительно, осторожна. Давай лучше руку.

Поѣздка въ префектуру заняла не мало времени. Шефъ отдѣла оказался очень любезнымъ, обѣщалъ принять немедленно всѣ мѣры къ отысканiю Павловой и категорически заявилъ, что если она находится въ Парижѣ, то на слѣдующiй же день будетъ извѣщена обо всемъ.

Леночка вышла изъ префектуры сiяющей. Ольга Федоровна тоже была вполнѣ удовлетворена результатами. Уступая просьбамъ дѣвочки, она согласилась прогуляться съ нею по Cité, вышла на набережную, повернула на площадь Notre Dame. И обѣ долго бродили тамъ, любуясь видомъ собора.

Въ вечернiе часы, когда большинство учрежденiй прекращаетъ работу, станцiи метро напоминаютъ потревоженные муравейники. Торопливымъ потокомъ спускаются по лѣстницамъ мидинетки, чиновники, служащiе магазиновъ, конторъ. Въ вестибюляхъ, у кассъ, длинныя очереди. Перроны сплошь заполнены пассажирами. Въ вагонахъ давка.

— Какой ужасъ... — страдальчески прошептала Ольга Федоровна, спустившись внизъ и съ отвращенiемъ вбирая въ себя локти и плечи, чтобы кто-нибудь изъ сосѣдей не прикоснулся. — Попали какъ разъ въ такое время!

Пропустивъ два поѣзда и видя, что толпа не рѣдѣетъ, она, однако, рѣшилась войти въ вагонъ. Леночка ловко проскользнула, пробравшись внутрь, къ противоположной дверцѣ. Полтавцева остановилась у самаго входа, стиснутая со всѣхъ сторонъ. Пріятное настроеніе, вызванное прогулкой, сразу исчезло. Лицо стало надменнымъ, глаза устало прикрылись вѣками, у губъ застыли складки высокомѣрнаго страданія. Это было для нея самымъ большимъ мученіемъ: ощущать возлѣ себя чужіе локти, спины, ноги, чувствовать чужое дыханіе.

Между тѣмъ, прислонившись къ внутренней стеклянной двери, Леночка внимательно разсматривала окружающую публику. Остановила взглядъ сначала на толстомъ господинѣ, который, несмотря на тѣсноту, держалъ передъ носомъ газету и читалъ, щекоча концомъ листа затылокъ стоявшей впереди низенькой дамы. Затѣмъ заинтересовалась расположившейся вблизи парочкой: молодой человѣкъ обнялъ барышню за талію, прижался и, склонивъ голову, нѣжно шепталъ что-то, время отъ времени цѣлуя въ щеку.

Прошло уже нѣсколько остановокъ. Окончивъ свои наблюденія, Леночка отвернулась къ окну, начала смотрѣть на быстро скользившія однообразныя сѣрыя стѣны, на которыхъ изрѣдка мелькали электрическія лампочки. Воображенію ея рисовались радостныя картины встрѣчи съ матерью и совмѣстной жизни на новой квартирѣ. Гдѣ этотъ appartement? На какомъ этажѣ? Должно быть, маленькая pièce, но уютная. Мама сидитъ, дѣлаетъ broderie. Сбоку Фифи. Можетъ быть, у хозяйки есть кошка, тогда и кошка рядомъ. На стулѣ. А Леночка разсказываетъ. Про то, какъ тетя Люда возила ее кататься далеко за городъ, какъ водила въ синема. Интересныя такія картины, въ особенности одна, гдѣ человѣкъ гонитъ черезъ городъ огромное troupeau коровъ. Смѣш-

но. И затѣмъ, про Жужу. Они такъ подружились съ Жужу. Жужу очень умный, хотя и boiteux. Ему ногу переѣхалъ автомобиль...

Она очнулась. На станціи съ ея стороны остановился ярко освѣщенный встрѣчный поѣздъ. Сосѣдній вагонъ стоялъ совсѣмъ близко, рядомъ. Раздѣляли только два ряда стеколъ. Народу немного, гораздо меньше, чѣмъ здѣсь. Почти всѣ пассажиры сидятъ,только нѣсколько человѣкъ находятся въ проходѣ, небольшая группа расположилась у дверей. Господинъ въ соломенной шляпѣ, монахиня въ широкомъ, туго накрахмаленномъ чепцѣ, напоминающемъ огромную бѣлую птицу,и затѣмъ еще одна женская фигура...

— Мама! — пронзительно вскрикнула Леночка.

Толстый господинъ вздрогнулъ, выронилъ газету на голову сосѣдки. Молодая пара разжалась. Барышня пугливо обернулась, молодой человѣкъ выпрямился, нахмуривъ брови. Со всѣхъ сторонъ направились удивленные взгляды, кое-кто на отдаленныхъ скамьяхъ привсталъ, чтобы узнать, что случилось.

— Ольга Федоровна! Мамочка!

Вагонъ дрогнулъ стеклами, двинулся. Полтавцева, не разобравшая сначала, кто кричитъ, недовольно подняла вѣки. Но затѣмъ, услышавъ крикъ во второй разъ и увидѣвъ, что Леночка бросилась въ ея сторону, стараясь протиснуться къ выходной двери,испуганно схватила дѣвочку за руку.

— Что съ тобой? Гдѣ мама?

— Тамъ! Пустите! Я прыгну!

— Ты съ ума сошла!

Леночка метнулась обратно въ сторону исчезавшаго позади встрѣчнаго поѣзда, умоляюще оглядѣла окружающихъ пассажировъ и громко заплакала. Скандализованная

Ольга Федоровна растерялась. Надменно-презрительный видъ исчезъ.

— Не надо плакать... Погоди... Мы сейчасъ догонимъ, — безсвязно зашептала она.

— Мама... уѣхала...

— Ничего, ничего. Мы придумаемъ что-нибудь.

— Дѣвочка навѣрно не въ тотъ поѣздъ сѣла, мадамъ? — сочувственно спросила по-французски Полтавцеву добродушная пожилая сосѣдка.

— Да, мадамъ. Мать уѣхала въ другую сторону.

— Въ такомъ случаѣ, вы можете доѣхать до ближайшей пересадки на gare Montparnasse и отправиться немедленно назадъ.

— Зачѣмъ же до gare Montparnasse? — вмѣшался въ бесѣду молодой человѣкъ въ фетровой шляпѣ. — Чтобы было скорѣе, можно сойти сейчасъ же, обратиться къ контролеру и перейти на ту сторону.

Услышавъ совѣты окружающихъ и почувствовавъ, что есть еще надежда что-нибудь предпринять, Леночка внезапно перестала плакать, закивала головой молодому человѣку въ отвѣтъ на его слова и при первой же остановкѣ, впившись пальцами въ руку Полтавцевой, насильно вытащила ее изъ вагона.

— Идемте скорѣе...

— Куда же идти, дѣточка?

— На ту сторону... Онъ же сказалъ?

— Ну, хорошо. А гдѣ мы слѣземъ? Мама тебя замѣтила?

— Не знаю... Все равно. Мы найдемъ... Вездѣ будемъ вылѣзать. Смотрѣть. Идемте, Ольга Федоровна! Миленькая!

Онѣ вернулись домой, опоздавъ къ ужину. Встрѣтить Вѣру Сергѣевну не удалось.

XVI.

Получивъ разрѣшеніе министерства труда, Корягинъ рано утромъ на слѣдующій день снова отправился на заводъ. Въ бюро все сошло гладко. На грудь нацѣпили таблицу съ номеромъ 81150 А, посадили рядомъ съ нѣсколькими другими вновь принятыми рабочими и сняли фотографію, а затѣмъ какой-то мальчуганъ повелъ всю группу въ ателье, начальнически распоряжаясь по дорогѣ и величественно-кратко цѣдя что-то сквозь зубы въ отвѣтъ на разспросы.

Ателье было огромное, мрачное, съ длинными тѣсными рядами машинъ. Подъ острой полупрозрачной крышей въ однотонномъ узорѣ переплелись валы,ремни,шкивы.Прильнувшія къ машинамъ фигуры въ грязно-синихъ блузахъ какъ-то странно, будто автоматически, двигались. На время застывали на мѣстѣ, склонялись затѣмъ влѣво, берясь руками за рычаги трансмиссіи, переводили ремни на холостой ходъ, освобождали отъ зажимовъ патрона отработанную вещь, вставляли новую и, включивъ передачу, опять застывали на время.

Корягина принялъ шефъ экипа, маленькій французъ съ суровымъ лицомъ. Молча подведя новичка къ машинѣ, которая въ данное время не работала, онъ небрежно началъ объяснять ея механизмъ, нажималъ на какія-то от-

дѣльныя части слѣва и справа, тыкалъ пальцами вверхъ, на ремни, многозначительно повышалъ голосъ, произнося что-то угрожающимъ тономъ. Но когда по растерянному лицу слушателя увидѣлъ,что тотъ ровно ничего не понимаетъ, съ досадой обернулся и крикнулъ:

— Alors, Tourmine! Viens ici!

Русскій рабочій, вызванный шефомъ на подмогу, оказался тѣмъ самымъ полковникомъ, съ которымъ Никаноръ Андреевичъ за однимъ столомъ обѣдалъ наканунѣ въ ресторанѣ. Не протягивая вымазанной масломъ руки, Турминъ дружелюбно поздоровался съ новымъ сослуживцемъ, спросилъ,знакомъ ли тотъ съ устройствомъ хотя бы простого токарнаго станка, и,узнавъ, что нѣтъ,началъ подробно объяснять предназначеніе различныхъ частей машины. Показалъ, какъ вставлять въ патронъ передней бабки обтачиваемую «пьесу», какъ прилаживать другой конецъ къ центру, познакомилъ съ трансмиссіей, объяснилъ роль суппорта и, въ заключеніе, сдѣлалъ нѣсколько предостереженій относительно ключа. Ключъ нужно обязательно вынимать изъ патрона, что иногда новички забываютъ. Недавно былъ случай: у одного русскаго оставленный внутри ключъ во время работы выскочилъ и, прожужжавъ возлѣ уха, врѣзался въ стѣну. Если бы на нѣсколько градусовъ всторону, — разсѣянный рабочій былъ бы убитъ.

— Очень вамъ благодаренъ, полковникъ, — выслушавъ объясненія, смущенно сказалъ Корягинъ. — Теперь съ помощью Божьей попробую самъ.

Турминъ ушелъ.

Никаноръ Андреевичъ остался одинъ, испыталъ самостоятельно дѣйствіе рычага передачи, остановилъ машину, началъ снова разсматривать обѣ бабки, патронъ, центръ, суппортъ.

— Ну, allons, enfants! — вставивъ колѣнчатый валъ, пробормоталъ про себя онъ. — Въ добрый часъ! Еще новая спеціальность!

Зашумѣлъ въ воздухѣ ремень, завертѣлся ломанной формы металлическій стержень. Ключъ былъ предварительно вынутъ, зажимы провѣрены. Сдѣлано все, что совѣтовалъ Турминъ.

— Не боги горшки лѣпятъ... — съ гордостью подумалъ Корягинъ, останавливая машину и вкладывая новый валъ. — Сначала, конечно, трудновато, большое вниманіе требуется. Но это — дѣло привычки. Еще нѣсколько дней — и все пойдетъ, какъ по маслу.

Онъ закрутилъ ключъ, вынулъ, включилъ передачу.

— Что же... Если даже 30 франковъ въ день, то и это недурно. Въ мѣсяцѣ 26 рабочихъ дней, 26 на 30 будетъ... 26 на 3... 60 плюсъ 18—78. Итого — 780...

Въ машинѣ неожиданно что-то звякнуло, заскрежетало. Качнулся въ воздухѣ конецъ стержня... И обтачиваемый валъ, взметнувшись кверху, съ грохотомъ упалъ на полъ въ сосѣднемъ проходѣ.

— Ah, nigaud! — раздался негодующій крикъ.

— Sale russe!

— Ça y est!

Корягинъ молча стоялъ, растерянно глядя по сторонамъ, не понимая, что случилось. Внезапно появившійся шефъ экипа что-то угрожающе восклицалъ, размахивая руками. Сосѣди рабочіе обмѣнивались ироническими замѣчаніями, продолжая работать. А подошедшій Турминъ осмотрѣлъ бабки, покачалъ головой и укоризненно проговорилъ:

— Я же вамъ показалъ, какъ закрѣплять. Куда вы смотрѣли?

Дальнѣйшая работа до обѣденнаго перерыва прошла

уже благополучно. Стараясь не отвлекаться мыслями всторону, Никаноръ Андреевичъ тщательно прилаживалъ «пьесы», внимательно провѣряя патронъ, и, когда прозвучалъ гудокъ, съ удовлетвореннымъ чувствомъ остановилъ машину. Вымывъ руки и отбивъ «часы», онъ поспѣшно вышелъ изъ воротъ, направляясь на rue de St. Cloud, гдѣ до обѣда хотѣлъ купить рабочій костюмъ, такъ называемое «bleu». Кромѣ того, нужно было повстрѣчаться и съ продавщицей Павловой,о которой онъ пока ничего не говорилъ Леночкѣ, чтобы не разочаровывать дѣвочки въ случаѣ простого совпаденія фамилій.

На rue de St. Cloud народу сегодня было почему-то немного. Подойдя къ тому мѣсту, гдѣ русскій еврей торговалъ платьемъ, Никаноръ Андреевичъ опять не засталъ продавщицы. Не было ея нигдѣ и въ другихъ мѣстахъ вдоль обоихъ троттуаровъ. Быстро обойдя улицу, онъ вернулся къ еврею, началъ выбирать костюмъ.

— Сколько этотъ?

— Для земляка,со скидкой въ десять процентовъ,шестьдесятъ.

— Ну, что вы! Мнѣ говорили, что можно прекрасный достать за тридцать.

— За тридцать? А кто говорилъ?

— Мало ли кто. А этотъ? Съ полосками?

— Этотъ семьдесятъ пять. Настоящій нью-іоркскій, свѣжая партія. Нѣтъ, вы потрогайте съ руками, не бойтесь. Не желаете? Въ такомъ случаѣ, могу показать дешевле, не настаиваю. Только какой вамъ разсчетъ? Мнѣ продать дешевый товаръ еще есть смыслъ, но вамъ покупать — чистѣйшій убытокъ. Вотъ въ шестьдесятъ, пожалуйста. Сорокъ. Сорокъ пять.

Никаноръ Андреевичъ недовѣрчиво копался въ грудѣ

брюкъ, вынималъ ихъ, прикладывалъ къ себѣ и, видя, что нѣкоторые не доходятъ даже до колѣнъ,со вздохомъ откладывалъ всторону. Послѣ долгихъ поисковъ подходящій размѣръ былъ, однако, отысканъ. Тутъ же, на троттуарѣ, ободряемый евреемъ, Корягинъ, натянулъ панталоны поверхъ своихъ брюкъ, сбросилъ пиджакъ, примѣрилъ куртку и, поторговавшись, сталъ расплачиваться.

— Вы будете мнѣ въ высшей степени благодарны, мсье, — давая сдачу со ста франковъ, весело говорилъ продавецъ. — Сами увидите, не на одинъ кензенъ хватитъ и не на два, а на цѣлую вѣчность. Черезъ десять лѣтъ надѣнете, будете выглядѣть совсѣмъ какъ сегодня.

— Ну, надѣюсь, мы вернемся въ Россію раньше, чѣмъ черезъ десять лѣтъ, — беря подъ мышку свертокъ, разсмѣялся Никаноръ Андреевичъ.

— Вы думаете?

Еврей пытливо посмотрѣлъ на покупателя, покачалъ головой.

— Дай Богъ, дай Богъ, — задумчиво произнесъ онъ. — Я, правда, не знаю, можетъ быть, вы тоже юдофобъ, какъ другіе. Но, увѣряю васъ, пока тамъ сидятъ эти самые большевики, я туда ни съ ногой, ни съ рукой. Мнѣ, напримѣръ, сынъ пишетъ: «папаша, пріѣзжай, я сейчасъ комиссаръ, вродѣ какъ губернаторъ». Такъ я ему въ письмѣ отвѣчаю: «Самуилъ, можетъ быть, по-твоему, ты и комиссаръ, но, по-моему, ты просто дуракъ.Ты увидишь,чѣмъ для тебя вся твоя губернія кончится». А вы, мусье, недавно здѣсь?

— Да.

— Изъ Германіи пріѣхали?

— Нѣтъ, изъ Сербіи.

— Ну, а что? Какъ тамъ?

— Ничего, спасибо.

— За что благодарить, спрашивается. А я изъ Россіи уже четыре года.Погодите минутку!Мусье! Que voulez-vous? — съ отчаяннымъ акцентомъ воскликнулъ онъ, обращаясь къ одному изъ прохожихъ. — Les pantalons? Non? Ушелъ! Ну, и чертъ съ нимъ.Такъ я говорю: уже четыре года,и ни разу не жалѣлъ, что уѣхалъ. Разумѣется, въ свое время я тоже былъ до нѣкоторой степени республиканецъ. Кто изъ евреевъ не былъ? Думалъ, что ежели республика, то вообще можно и больше заработать, и лучше дѣтей воспитать, и чувствовать себя, ежели не какъ рыба въ водѣ,то, по крайней мѣрѣ, какъ республиканецъ въ республикѣ. А что вышло? Вы думаете, при большевикахъ честному человѣку можно что-нибудь заработать? Разскажите это Сталину! Мнѣ кажется, жилъ бы я сейчасъ не только при Его Величествѣ Николаѣ II, но даже при Императорѣ Николаѣ I, царствіе ему небесное, такъ бы считалъ, что выигралъ 200 тысячъ. Конечно, намъ иногда было тяжело, развѣ я спорю? Но ежели мы въ Россіи иногда не дышали черезъ ротъ,то мы могли все таки дышать хоть скрозь одну ноздрю. А теперь намъ заткнули ротъ, заткнули носъ и сказали: дышите, какъ республиканцы. Это дѣло! Черезъ что дышать, спрашивается? Скрозь ухо?

Продавецъ вздохнулъ, внимательно оглядѣлъ проходившую публику и продолжалъ:

— Ну, а потомъ я жилъ два года въ Варшавѣ. И тоже скажу: государство. Боже мой, Боже мой, отчего нѣтъ теперь въ Варшавѣ нашего полиціймейстера! Я бы сколько угодно заплатилъ, только чтобы ходить вслѣдъ за нимъ и смотрѣть, какъ онъ распоряжается. Конечно, у старой Россіи по отношенію къ намъ было немножко несправедливостей. Иногда даже бывали погромы. Никто этого не скрываетъ. Но все это бывало иногда! Было то 18 октября, то 21 мая,

то въ концѣ августа. А въ Польшѣ, вы посмотрите, здѣсь тебѣ погромъ и утромъ, здѣсь тебѣ погромъ и послѣ обѣда, здѣсь тебѣ погромъ и вечеромъ. И не то что разъ въ годъ, или послѣ конституціи, а каждый день! Это настоящій тихій погромъ, я васъ увѣряю. И даю вамъ слово: ежели бы меня кто-нибудь спросилъ: Розенцвайгъ, что ты самаго дорогого потерялъ въ Россіи? Я бы обязательно отвѣчалъ: самодержавіе.

Корягинъ съ благожелательной улыбкой слушалъ болтовню словоохотливаго продавца, хотя время шло, и до конца перерыва нужно было успѣть пообѣдать. Дождавшись момента, когда собесѣдникъ сдѣлалъ, наконецъ, передышку, онъ посмотрѣлъ на сосѣднее пустое мѣсто, гдѣ вчера стояла телѣжка со сладостями, и торопливо проговорилъ:

— Ну, мнѣ пора. Очень пріятно было познакомиться. Между прочимъ... Вы не можете сообщить: гдѣ та самая продавщица, которая вчера торговала рядомъ съ вами?

— Рядомъ со мной? Ахъ, эта? Мадамъ Павлова? Не знаю. Можетъ быть, больна, а можетъ быть, настроеніе такое. А что?

— Меня просили относительно нея навести справки. Вы не знаете, случайно, какъ ея имя-отчество? Не Вѣра Сергѣевна?

— Вѣра? Нѣтъ. Подождите... Вотъ! Мужъ, когда они бываютъ вдвоемъ, называетъ Марусей.

— Навѣрно Марусей?

— Я не думаю, чтобы мужъ ошибался. Впрочемъ, какая вамъ разница? Можетъ быть, что нужно, я могу передать.

— Нѣтъ, нѣтъ, спасибо. Это она, вѣдь? Худая, высокая, съ голубыми глазами?

— Худая — да. И глаза — голубые. Впрочемъ, когда глаза свѣтлые, знаете, очень много зависитъ отъ погоды: есть тучи или нѣтъ тучъ. Только, чтобы она была высокая, я бы не сказалъ. И кромѣ того, развѣ они могутъ торговать? Не торговля, а смѣхъ. Сегодня приходитъ, завтра не видно. То въ двѣнадцать, то въ часъ, то въ одиннадцать.

— Ну, спасибо. Значитъ, не та. Всего хорошаго.

Огорченный Корягинъ быстрыми шагами направился къ ресторану.

XVII.

Вечеромъ послѣ чая Никаноръ Андреевичъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ и писалъ письмо бѣлградскому сослуживцу, просившему по пріѣздѣ въ Парижъ немедленно сообщить, стоитъ ли ему ѣхать во Францію, и на что можно разсчитывать.

Въ квартирѣ Полтавцевыхъ было тихо. Орловскій, по обыкновенію, отсутствовалъ. Константинъ Александровичъ сидѣлъ въ спальнѣ, просматривая за письменнымъ столомъ какую-то рукопись. И только въ полуоткрытую дверь изъ передней доносились иногда веселые возгласы. Сидя въ столовой возлѣ занятой вязаньемъ Ольги Федоровны, Леночка съ увлеченіемъ разсказывала о томъ, какъ весело у нихъ въ пансіонѣ празднуютъ день Святого Николая.

— А самое интересное, знаете, когда приходитъ père fouetteur. Одна старшая ученица одѣвается такъ, какъ évêque: и платье такое, и на головѣ куронна. А вмѣстѣ съ нимъ осликъ настоящій, на которомъ висятъ всякіе подарки. Saint Nicolas приходитъ въ salle des fêtes, даетъ намъ всѣмъ bénédiction, а потомъ подарки, но только съ нимъ вмѣстѣ бываетъ и его слуга père fouetteur, у котораго въ рукахъ есть метла для непослушныхъ дѣвочекъ. И когда Saint Nicolas раздаетъ подарки, père fouetteur читаетъ про насъ,

что мы плохого сдѣлали за годъ, и, если плохая дѣвочка, подходитъ, поднимаетъ метлу и ударяетъ по ногамъ. Такъ смѣшно всѣмъ! А днемъ, когда мы сидимъ въ salle d'étude, раскрывается, вдругъ, дверь, и въ комнату кто-то кидаетъ яблоки, груши и всякіе фрукты. Это тоже Saint Nicolas незамѣтно бросаетъ. Мы всѣ вскакиваемъ, кидаемся по глисскому полу поднимать. И такъ весело: матерь уже не можетъ дѣлать notes. Это нашъ день, мы уже имѣемъ право и шумѣть и разговаривать...

Корягинъ не успѣлъ окончить письма, какъ около двери послышалось робкое покашливаніе, и раздался неувѣренный голосъ:

— Никаноръ Андреевичъ, вы спите?

— Нѣтъ, пожалуйста.

Полтавцевъ вошелъ въ комнату, держа въ рукѣ пачку мелко исписанной бумаги. На лицѣ его боролись два разнородныхъ чувства. Съ одной стороны, какъ будто, застѣнчивость, съ другой — радостное самоудовлетвореніе.

— Вотъ, смотрите, — съ любовной улыбкой произнесъ онъ, садясь на стулъ возлѣ окна. — Это тѣ самые мемуары, о которыхъ я вамъ вчера говорилъ. Алексѣй Петровичъ считаетъ, что едва ли ихъ можно гдѣ-нибудь напечатать, но мнѣ, все-таки, интересно ваше мнѣніе.

— Съ удовольствіемъ, Константинъ Александровичъ, — любезно отвѣтилъ Корягинъ, отодвигаясь отъ стола — Навѣрно, очень любопытно.

— Дѣло въ томъ, что почеркъ-то у меня неразборчивый, — перебирая листки, продолжалъ Полтавцевъ. — На машинкѣ перепечатать, сами понимаете, дорого, а въ рукописи есть всякія поправки и вставки. Можетъ быть, хотите, прочту?

— Разумѣется. Очень радъ.

— Но вы, какъ будто, что-то писали. Не помѣшаетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Ради Бога. Это не спѣшно. Только садитесь сюда, ближе къ свѣту. А я на кровать.

Изъ столовой продолжали доноситься восклицанія Леночки. Гдѣ-то внизу гнусаво заныль аппаратъ радіо. Расположившись у лампочки, старикъ аккуратно положилъ пачку бумаги на столъ и, снимая съ нея листокъ за листкомъ, началъ читать:

«Рожденіе и дѣтскіе годы.

У прадѣда моего со стороны отца — Андрея Львовича Полтавцева, былъ всего одинъ сынъ, тоже Андрей, и двѣ дочери — Евгенія и Вѣра. Евгенія Андреевна вышла замужъ за Николая Сергѣевича Хвостина, того самаго Хвостина, который былъ правителемъ канцеляріи у Забушина, а затѣмъ вышелъ въ отставку; Вѣра Андреевна вышла замужъ за Дмитрія Алексѣевича Смачкина, отъ котораго имѣла трехъ сыновей и пять дочерей: Владимира, Дмитрія, Александра, Анну, Людмилу, Вѣру, Надежду и Любовь...»

— Гмъ... Не мало, — послышалось съ кровати одобрительное замѣчаніе.

— Что? А, да. Не мало, дѣйствительно. «Что же касается сына Андрея Львовича — Андрея Андреевича, моего дѣда, то отъ брака его съ дочерью статскаго совѣтника Курмышева было три сына и одна дочь — Петръ, Владиміръ, Александръ и Наталья. Старшій сынъ Петръ умеръ молодымъ офицеромъ, 25 лѣтъ отъ роду, отъ воспаленія мозговой оболочки; второй сынъ, Владиміръ, былъ убитъ въ турецкую кампанію на кавказскомъ фронтѣ; а младшій, Александръ, сочетался законнымъ бракомъ со старшей дочерью генералъ-маіора Злакина, Вѣрой Никитичной, и имѣлъ отъ нея одну дочь Софію, двухъ старшихъ сыновей —

Андрея, Дмитрія, и, наконецъ, младшаго, Константина, пишущаго сіи строки, каковой родился въ качествѣ четвертаго ребенка 14-го мая 1865-го года въ три часа пополудни.

Какъ мнѣ удалось впослѣдствіи узнать, роды прошли легко и безболѣзненно, такъ какъ вѣсъ мой былъ ниже нормальнаго приблизительно на полтора фунта, а, кромѣ того, тѣлосложенія я былъ хилаго и очень узокъ въ плечахъ. При видѣ безпомощнаго комочка, который былъ осторожно положенъ въ люльку, никто не могъ заподозрѣть, что впослѣдствіи изъ такого крошечнаго существа получится дѣйствительный статскій совѣтникъ, кавалеръ орденовъ Станислава и Анны.

Такъ какъ родовое имѣніе прабабушки моей уже все было прожито, то жили мы тогда въ Ростовѣ на Дону, гдѣ мой отецъ, Александръ Андреевичъ, служилъ въ Государственномъ Контролѣ. На Казанской улицѣ родители снимали цѣлый домъ изъ двухъ этажей,верхняго и нижняго, и платили въ годъ 300 рублей, то -есть 25 рублей въ мѣсяцъ. Домъ былъ сначала темно-красный, кирпичнаго цвѣта, но вскорѣ его перекрасили, и до 1876 г. онъ былъ зеленый, послѣ чего я уже не знаю, какова его окраска, такъ какъ отецъ былъ переведенъ въ Одессу, и мы всѣ уѣхали.

Какъ сейчасъ помню эти прекрасные незабвенные годы беззаботнаго дѣтства. Гдѣ они? Обѣдали мы, обыкновенно, въ столовой, просторной и свѣтлой четыреугольной комнатѣ съ двумя окнами и тремя дверьми»...

— Погодите, Константинъ Александровичъ. Кажется, звонокъ?

— Да... Сейчасъ.«У стѣны стоялъ шкапъ съ посудой и съ выдвижной доской, на которой нянюшка Авдотья Ивановна обыкновенно рѣзала хлѣбъ. Посреди находился большой круглый столъ, за который садились передъ тѣмъ,

какъ ѣсть, и вставали, когда ѣсть кончали. Сидѣли обычно кругомъ, на стульяхъ, отецъ и мать располагались съ противоположныхъ сторонъ, а мы, дѣти, между ними. Ѣли всегда вкусно и сытно, причемъ блюда подавались въ строгомъ порядкѣ: первое, второе и, наконецъ, третье»...

— Одну минутку... Я пойду открою.

На площадкѣ у дверей стоялъ какой-то господинъ высокаго роста, съ красивымъ лицомъ, уже немолодой. Одѣтъ онъ былъ хорошо — элегантный сѣрый костюмъ, лайковыя перчатки, артистически изогнутая у краевъ свѣжая фетровая шляпа. Однако, излишняя самоувѣренность въ движеніяхъ, складки пренебреженія у губъ и, главное, снисходительно-дерзкое выраженіе глазъ — все это сразу не понравилось Корягину.

— Скажите, пожалуйста, — съ фальшивой безпечностью въ голосѣ произнесъ незнакомецъ. — Это у васъ, судя по объявленію, находится Леночка Павлова?

— Да, у насъ.

— Это моя дочь, — благосклонно улыбнулся господинъ. — Слава Богу, наконецъ-то нашлась. Вы позволите?

Онъ сдѣлалъ движеніе, давая понять, что хочетъ войти.

— Да, да... Конечно. Только я не знаю. Погодите...

Никаноръ Андреевичъ смутился. Какой отецъ? Вѣдь, она говорила, что отца нѣтъ. Можетъ быть, недоразумѣніе?

— Будьте добры, пройдите сюда, въ свободную комнату. Я сейчасъ передамъ хозяевамъ.

Въ корридорѣ мелькнула фигура Полтавцева и исчезла. Смѣхъ Леночки стихъ.

— Странная вещь! — входя въ столовую, растерянно обратился Никаноръ Андреевичъ къ Ольгѣ Федоровнѣ. — Пришелъ господинъ...

Онъ уставился удивленнымъ взглядомъ на Леночку,

которая сидѣла у стола и, неловко оперируя иглой, починяла разорвавшееся на Фифи платье.

— Леночка... Послушай...

— А?

Она обернулась. Беззаботное лицо внезапно стало серьезнымъ.

— Ты, вѣдь, мнѣ говорила, что у тебя папы нѣтъ? Вѣрно?

— Не... знаю.

— Какъ не знаешь? Отлично помню. А, между тѣмъ, пришелъ господинъ, который заявляетъ, что онъ твой отецъ.

Полтавцева, вязавшая светтеръ, прекратила работу, съ изумленіемъ взглянула на Корягина. Константинъ Александровичъ, перелистывавшій возлѣ стола свою рукопись, поднялъ голову.

— Отецъ? — пробормотала Полтавцева. — Откуда?

Леночка покраснѣла, уронила на колѣни куклу, заерзала, не зная, что дѣлать: встать или оставаться на мѣстѣ.

— Онъ тамъ? — прошептала, наконецъ, она, соскальзывая со стула. — Пришелъ?

— Да... А что съ тобой?

— Я не хочу. Не надо...

Она бросилась къ Полтавцевой, прижалась, испуганно глядя въ сторону передней.

— Въ чемъ дѣло, дѣтка?

— Онъ не пуститъ къ мамѣ... Я знаю... Ольга Федоровна! Миленькая!

Въ корридорѣ послышались шаги. У дверей показалась фигура въ сѣромъ костюмѣ.

— Разрѣшите войти? — раздался вкрадчивый голосъ.

— Позвольте... Сюда нельзя,— нахмурившись, громко

отвѣтила Полтавцева. — Какое нахальство! — добавила она про себя, вставая и направляясь къ дверямъ.

— Никаноръ Андреевичъ... Скажите ему... Я только къ мамѣ... Онъ не смѣетъ... Мама мнѣ говорила...

— Хорошо, милая, хорошо. Не бойся. Все будетъ, какъ нужно.

— Разрѣшите представиться: Павловъ, — любезно поклонившись, заговорилъ, между тѣмъ, гость. — Мнѣ очень неловко, что я васъ тревожу, сударыня, но, прочитавъ объявленіе, такъ обрадовался. А! Вотъ и она! Лена! Здравствуй!

Леночка молча отодвинулась отъ Корягина, постояла въ нерѣшительности и покорно направилась къ отцу.

— Вотъ видишь, я тебя и нашелъ, — дѣланно весело продолжалъ Павловъ, цѣлуя дочь въ лобъ. — Иди, собери свои вещи, поблагодари милыхъ хозяевъ за то, что пріютили тебя, и поѣдемъ. А вы позволите подождать у васъ минутку? — обратился онъ къ Полтавцевой, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ ея суроваго взгляда. — Повѣрьте, мнѣ такъ совѣстно утруждать... Кромѣ того, разрѣшите принести вамъ искреннюю благодарность за милое участіе. И за все вообще...

— Я никуда не пойду, — отвернувшись всторону и не глядя на отца, съ усиліемъ выговорила, вдругъ, Леночка. — Я хочу къ мамѣ.

— Ты и увидишь маму. Мама дома.

— Неправда. Ея нѣтъ.

— Это мнѣ нравится: неправда. Ну, покажи, гдѣ твои вещи. Или лучше просто поѣдемъ сейчасъ, чтобы никого не безпокоить. Я зайду завтра.

Онъ попытался взять дочь за руку, но та неожиданно отскочила, бросилась вглубь столовой.

— Ольга Федоровна! Не пускайте меня!

— Лена! — угрожающе возвысилъ голосъ Павловъ, входя въ столовую.— Это что за фокусы?

— Нѣтъ! — завопила она, отмахиваясь отъ руки отца. — Не пойду! Не хочу!

— Милостивый государь, — подойдя вплотную къ Павлову, съ мрачной рѣшимостью проговорилъ Корягинъ. — Я попрошу васъ не устраивать здѣсь скандала. Мнѣ поручили дѣвочку передать матери,и поэтому мы будемъ ждать, пока мать сама явится.

— Поручили? Вамъ?

Гость слегка отступилъ.

— Кто, это, поручилъ, позвольте спросить?

-- Тетка поручила, вотъ кто. А о васъ мнѣ ничего не было сказано. Ольга Федоровна, вы знаете, въ чемъ дѣло, —хмуро обратился Корягинъ къ Полтавцевой, которая, прикрывая собою Леночку, постепенно отодвигалась къ дверямъ спальни. — Скажите, пожалуйста, какъ я долженъ поступить въ данномъ случаѣ?

Давъ возможность дѣвочкѣ проскользнуть въ спальню, Полтавцева стала въ дверяхъ и, гордо выпрямившись, загородила руками входъ.

— Мсье! —холодно высокомѣрно произнесла она. — Имѣйте въ виду, что при такихъ обстоятельствахъ я ее вамъ все равно не отдамъ. Не надѣйтесь напрасно.

— Не отдадите? Оригинально... Отецъ явился за дочерью, а посторонніе люди становятся между ними. Мадамъ! Покорнѣйше прошу вывести ко мнѣ дочь!

-- Нѣтъ. Придите вмѣстѣ съ женой.

— А если жены сейчасъ нѣтъ въ Парижѣ? А если... Да, вообще,какое у васъ основаніе вмѣшиваться? Кто вамъ далъ право?

Корягинъ, отошедшій на время всторону, снова приблизился. Почувствовавъ въ словахъ гостя оскорбительный тонъ по отношенію къ хозяйкѣ, онъ рѣшилъ положить конецъ сценѣ.

— Послушайте... Вамъ все уже ясно сказали. Будьте добры теперь оставить эту квартиру. Немедленно!

— Ахъ, насиліе? Ну, что жъ. Въ такомъ случаѣ, придется обратиться въ полицію. Пожалуйста.Если не боитесь... Прекрасно. Значитъ, до пріятнаго свиданья.Черезъ полъчаса...

Павловъ презрительно усмѣхнулся и, рѣзко повернувшись, исчезъ въ передней. Ни слова не проронившій за все время Константинъ Александровичъ сокрушенно покачалъ головой, вышелъ вслѣдъ за нимъ и, выждавъ пока онъ началъ спускаться по лѣстницѣ, заперъ выходную дверь на ключъ.

— Милая, что жъ это такое? Это, дѣйствительно, твой папа? — съ нѣжнымъ участіемъ въ голосѣ начала разспрашивать Полтавцева Леночку, усадивъ ее возлѣ себя.

— Да...

— Но въ чемъ же дѣло, въ такомъ случаѣ? Онъ не живетъ вмѣстѣ съ вами?

— Мама не хочетъ его...

— А давно они разошлись?

Леночка не отвѣчала. Затѣмъ, не глядя ни на кого, глухо заговорила:

— Онъ хотѣлъ другую жену, и потому мама его прогнала. Уже два года. А потомъ былъ судъ... Судья сказалъ, что я должна жить у мамы...

— Ахъ, судъ былъ? Ну, въ такомъ случаѣ, въ полицію онъ не обратится. Безпокоиться нечего. Никаноръ Андреевичъ, вы слышите?

— Да, слышу. Конечно, съ его стороны простая угроза, больше ничего. Погоди, Лена... А тогда, въ церкви, помнишь? Это, очевидно, не Марья Гавриловна какая-то тебя увела, а онъ? Вѣрно?

Дѣвочка насупилась.

— Да... Онъ сказалъ, что мама у него... А мамы не было. Я подождала, пока онъ ушелъ вечеромъ... И убѣжала.

XVIII.

Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль Корягинъ вполнѣ освоился со своей новой профессіей. Старался являться утромъ и послѣ обѣденнаго перерыва къ первому гудку. Стоя у воротъ, гдѣ толпились рабочіе, читалъ газету,бесѣдовалъ кое съ кѣмъ изъ новыхъ знакомыхъ; послѣ гудка, когда раскрывались ворота,шелъ къ контрольнымъ часамъ,снималъ съ доски свою карточку, вставлялъ ее подъ часы,особымъ рычагомъ отбивалъ начало работы; а затѣмъ, переодѣвшись въ раздѣвальнѣ-вестіерѣ въ рабочій костюмъ, отправлялся къ машинѣ.

Въ ателье онъ успѣлъ познакомиться почти со всѣми рабочими своего «экипа». Установилъ добрыя отношенія съ шефомъ, съ реглеромъ, съ расцѣнщикомъ работъ — хронометреромъ, даже съ контрометромъ, котораго, какъ наблюдателя со стороны администраціи,рабочіе вообще не долюбливали.

Онъ уже зналъ, къ кому обращаться, когда происходили какія-нибудь недоразумѣнія съ машиной. Случалось, порвется ремень,или испортится рѣзецъ,нужно идти къ утилеру или мѣнять рѣзецъ въ магазинѣ. Всѣ эти случаи отнимали минутъ пятнадцать, иногда даже полъ-часа. Рабочіе, теряя время на ожиданіе, пока сошьютъ ремень

или выдадутъ рѣзецъ, нерѣдко скандалили. Но Корягинъ умудрялся безъ всякаго шума получать все необходимое раньше другихъ, никогда не входя въ препирательства. Помахивая надъ головой испорченнымъ предметомъ, умильно глядѣлъ въ глаза утилеру и жалобно восклицалъ:

— Monsieur! S'il vous plaît! Réparez!

И расцѣнку работъ, которая казалась сначала такой сложной и непонятонй, онъ теперь усвоилъ вполнѣ. Разсчетъ велся двойной, по картѣ «пандюляжа», гдѣ показывалось общее число отработанныхъ часовъ, и по розовымъ бонамъ, являвшимся какъ бы заказомъ на опредѣленное число предметовъ по нормированнымъ цѣнамъ. Въ этой комбинаціи нужно было соблюдать своего рода равновѣсіе, чтобы итогъ часовъ на бонахъ не превышалъ, но и не былъ бы меньше, числа часовъ пандюляжа. И, втянувшись въ работу, Никаноръ Андреевичъ уже нашелъ тотъ средній темпъ, при которомъ сохранялось это равновѣсіе и не разрывалась такъ называемая «цѣпочка» при переходѣ обрабатываемой вещи отъ одного рабочаго къ другому.

Покорно стоя у машины и производя привычныя движенія при обтачиваніи колѣнчатыхъ валовъ, Корягинъ могъ уже думать о чемъ угодно постороннемъ, вспоминать прошлое, мечтать о будущемъ. Къ вечеру, правда, онъ уставалъ сильно. Въ тѣлѣ чувствовалась разслабленность, ноги ныли отъ долгаго стоянія. Но все бы ничего, если бы разрѣшали курить и если бы не приходилось самому чистить машину.

Впрочемъ, было еще обстоятельство, дѣйствовавшее угнетающе: это сосѣдъ по машинѣ справа, коммунистъ Пейо. Лицо въ прыщахъ и угряхъ, глаза мутные, никогда не смотрѣвшіе прямо. Во всемъ внѣшнемъ видѣ, въ подчеркнуто апашской одеждѣ, въ развалистой походкѣ, было что-то

отталкивающее. Уже не разъ обращался Пейо къ новичку съ рѣзкими замѣчаніями. Однажды Никаноръ Андреевичъ разобралъ даже слово «wrangeliste», сказанное съ презрительной усмѣшкой. Но, дѣлая видъ, что ничего не понимаетъ, онъ въ отвѣтъ только неопредѣленно пожималъ плечами и дѣланно-спокойно отвѣчалъ:

— Ne comprends pas.

Работая рядомъ съ Пейо и часто размышляя объ этомъ озлобленномъ рабочемъ, Корягинъ замѣтилъ, что теперь у него ко всѣмъ подобнымъ господамъ, помимо отвращенія, стало создаваться еще какое-то новое чувство, котораго раньше не было: нѣчто похожее на жалость. Проводя время среди машинъ, которыя вмѣстѣ съ прикрѣпленными къ нимъ людьми напоминали жуткихъ чудовищъ, онъ нерѣдко думалъ о томъ, что, быть можетъ, именно въ этихъ слѣпыхъ желѣзныхъ тваряхъ, ужасныхъ въ своей безчувственной методичности, въ неизмѣнной смѣнѣ однихъ и тѣхъ же движеній, въ какой-то безысходности, неумолимости — причина мрачной коммунистической психологіи, ея тупость, упорство, отсутствіе человѣчности.

Вертѣлись колеса, шуршали ремни, шелестѣли падавшія изъ-подъ рѣзца стружки. А Корягинъ двигался изъ стороны въ сторону, хватаясь за рычагъ передачи, поворачивая ключъ, смотрѣлъ на вращающійся валъ и со страхомъ отгонялъ приходившую въ голову мысль:

— А что если всю жизнь такъ?

Дома, между тѣмъ, жизнь шла однообразно, размѣренно. Каждый день былъ похожъ на предыдущій. По вечерамъ Никаноръ Андреевичъ пилъ чай у Полтавцевыхъ, являясь со своимъ сахаромъ, хлѣбомъ и масломъ. Орловскаго удавалось видѣть только въ ресторанѣ во время обѣ-

деннаго перерыва. Константинъ Александровичъ пытался однажды прочесть вслухъ свои мемуары въ столовой за чаемъ, но Ольга Федоровна категорически воспротивилась, заявивъ, что изложенiе историческихъ подробностей дѣйствуетъ ей на нервы. Что же касается Леночки, то дѣло ея не подвинулось впередъ, несмотря на публикацiи и вторичную поѣздку въ префектуру. О Вѣрѣ Сергѣевнѣ не было никакихъ извѣстiй, и Полтавцевой, въ концѣ концовъ, пришлось написать письмо въ Цюрихъ, однако по неполному адресу, такъ какъ дѣвочка знала улицу, на которой жила тетка, но не помнила номера дома.

Сама Леночка , хотя изрѣдка и плакала, тщетно ожидая появленiя матери, но въ общемъ чувствовала себя у Полтавцевыхъ прекрасно. Заставляла по вечерамъ когонибудь изъ взрослыхъ играть въ osselets, съ интересомъ слушала разсказы Константина Александровича, нашедшаго въ ней рѣдкую по неутомимости слушательницу. И сознавая, насколько обязана она этимъ чужимъ людямъ, выручившимъ ее изъ бѣды, охотно помогала въ хозяйствѣ, мыла посуду, сама стирала свое бѣлье. И только за покупками не рѣшалась выходить одна на улицу.

— А, вдругъ, онъ ждетъ?

XIX.

Наступила вторая суббота. Такъ какъ въ этотъ день работали только до полудня, то настроеніе у Никанора Андреевича было лучше обыкновеннаго. Можно заняться своими дѣлами, написать письма, съѣздить къ Скачкову за деньгами, которыхъ до сихъ поръ такъ и не удалось получить. А вечеромъ пойти съ Леночкой въ кинематографъ.

Оставалось до перерыва немного: около часа. Корягинъ окончилъ обтачивать очередной валъ, небрежно сбросилъ его на полъ, принялся за новую «пьесу». У сосѣдней машины, какъ всегда, работалъ Пейо.

Сегодня коммунистъ былъ особенно не въ духѣ. Стоя у машины, ворчалъ, бранился, произносилъ негодующія тирады, направленныя неизвѣстно по чьему адресу. Плохое настроеніе его, какъ оказалось впослѣдствіи, было вызвано неудачей съ предполагавшейся забастовкой, которая сорвалась благодаря равнодушію большинства рабочихъ.

Вставивъ «пьесу» между патрономъ и центромъ, Корягинъ взялся было за ключъ, какъ, вдругъ, увидѣлъ рядомъ съ собой злобную физіономію сосѣда, что-то кричавшаго и показывавшаго рукой на только что сброшенный валъ, упавшій нѣсколько ближе къ его машинѣ, чѣмъ обычно.

— Prendre? — догадался, наконецъ, Корягинъ, взгля-

дывая на полъ. — Bien. Je prenais. Ты только не ругайся, дуракъ, — хмуро добавилъ онъ по-русски, придвигая валъ ближе къ себѣ. — Раскудахтался, идіотъ.

Слово «идіотъ» привело Пейо въ ярость. Никаноръ Андреевичъ сообразилъ, что сдѣлалъ ошибку, не подобравъ соотвѣтственнаго русскаго слова. Но дѣлать было нечего. Взявшись за рычагъ передачи, онъ пустилъ въ ходъ машину, и, слѣдя за рѣзцомъ, терпѣливо выслушивалъ восклицанія сосѣда.

— Payot, calmes-toi! — строго проговорилъ проходившій мимо контрометръ.

— Tais-toi, Jacques! — раздался укоризненный голосъ съ задней машины.

Коммунистъ, однако, не унимался. Среди потока негодующихъ словъ, не трудно было разобрать tzariste, wrangeliste, contre-révolution. Брань была, очевидно, направлена по адресу всѣхъ русскихъ рабочихъ и ихъ политическихъ взглядовъ. Хмурясь все больше и больше и проговоривъ нѣсколько разъ «assez», Никаноръ Андреевичъ, наконецъ, не выдержалъ. Внезапно остановилъ машину, повернулся и рѣзко произнесъ:

— Oui! Je suis contre-révolutionnaire. Voila! Wrangeliste былъ и буду. А ты болванъ! Sale communiste!

— Sale communiste? — Пейо весь задергался. — Sale communiste? Eh bien, regarde! Votre Wrangel — pfoui! Онъ плюнулъ на полъ. — Vos généraux — pfoui! — Онъ снова плюнулъ. — Votre tzar — pfoui!

— Царь? — побагровѣвъ, прорычалъ Корягинъ. — Царь пфуй? Вотъ какъ? А-а...

Онъ глухо захрипѣлъ, точно застоналъ, нагнулся къ полу, схватилъ колѣнчатый валъ и, высоко поднявъ его въ воздухъ, заревѣлъ на все ателье:

— Tête разможжу! Allez отсюда! Мерзавецъ!

Вокругъ, среди равномѣрнаго гула машинъ, послышались испуганные возгласы. Подбѣжалъ шефъ экипа. Подошелъ контрометръ. Появился и Турминъ.

— Оставьте... Что съ вами? Не связывайтесь.

А Пейо, съежившись, весь собравшись въ комочекъ, забормоталъ что-то, осторожно пятясь къ выходу, и исчезъ, юркнувъ за стѣну.

— Je puis travailler ou non? — опустивъ валъ, холодно спросилъ Никаноръ Андреевичъ контрометра, давая понять, что онъ можетъ сейчасъ же все бросить и уйти.

— Travaillez! — равнодушно отвѣчалъ тотъ.

— Travaillez! — начальническимъ тономъ повторилъ шефъ.

— Bien! Je travaille.

Величественнымъ движеніемъ руки машина была пущена въ ходъ.

Придя въ ресторанъ послѣ окончанія работы, Корягинъ направился къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно сидѣлъ Орловскій,но неожиданно былъ остановленъ по пути Турминымъ.

— Можетъ быть, пообѣдаемъ вмѣстѣ? — дружелюбно предложилъ тотъ.

До сихъ поръ внѣ ателье Турминъ не проявлялъ къ своему сослуживцу особеннаго интереса. Держался онъ вообще всторонѣ отъ всѣхъ, находясь въ близкомъ общеніи только съ двумя-тремя лицами, изъ которыхъ Никаноръ Андреевичъ случайно знакомъ былъ съ однимъ — лейтенантомъ Павленковымъ. Поэтому внезапное любезное приглашеніе и удивило и въ то же время не могло не польстить.

— Съ удовольствіемъ, полковникъ.

Никаноръ Андреевичъ поздоровался съ сидѣвшимъ за столомъ Павленковымъ, заказалъ себѣ обѣдъ и заговорилъ объ инцидентѣ съ Пейо. Теперь, когда все прошло, ему было не особенно пріятно вспоминать эту сцену: размахиваніе валомъ, крики на все ателье. Разумѣется, слѣдовало отнестись съ презрѣніемъ, какъ всегда. Но, что дѣлать, когда терпѣніе лопнуло? Нервы, очевидно, расшатались за послѣднее время.

— А какъ вы думаете, уходить мнѣ съ завода или не уходить? — закончивъ свои объясненія, смущенно спросилъ Никаноръ Андреевичъ. — Можетъ быть, дойдетъ до высшаго начальства, уволятъ. Лучше ужъ самому заявить.

— Относительно этого не безпокойтесь, — выслушавъ собесѣдника, успокоительно отвѣтилъ Турминъ. — Скандалы вообще у насъ не рѣдкость, а этого Жака начальство само терпѣть не можетъ, какъ агитатора.

Обѣдая на торопясь, такъ какъ работы сегодня больше не было, всѣ постепенно разговорились. Полковникъ, какъ оказывается, служилъ раньше въ Бельгійскомъ Конго, гдѣ работалъ на брильянтовыхъ пріискахъ около двухъ лѣтъ. Здѣсь, на заводѣ, онъ думаетъ пробыть еще около мѣсяца, а затѣмъ собирается въ Германію. Никаноръ Андреевичъ, въ свою очередь, разсказалъ о себѣ, объ Екатеринодарѣ, о Ростовѣ, о жизни на Балканахъ.

— Ну, а сколько же лѣтъ еще это продолжится, какъ по-вашему? — съ любопытствомъ спросилъ, наконецъ, онъ.

— Что именно?

— А наше пребываніе здѣсь.

Турминъ пожалъ плечами.

— Если будемъ сидѣть сложа руки и заниматься собственнымъ благополучіемъ, можетъ быть, до самой смерти.

— Да, можетъ быть. Очень можетъ быть. Для Россіи

мы всѣ вообще дѣлаемъ очень мало. Вотъ, я читалъ, знаете, на-дняхъ въ газетѣ письмо съ родины. Обвиняютъ насъ, что ничего не предпринимаемъ. На партіи раздѣлились, грыземся. Никакого единенія.

— Ну, нѣкоторыя наши раздѣленія не такъ страшны, — улыбнулся Турминъ. — Если бы пришлось не разговаривать, а дѣйствовать, объединеніе само собой явилось бы. Но, по-моему, бѣда въ другомъ. Бѣда въ начавшемся общемъ равнодушіи къ судьбѣ Россіи. Хотя эмиграція своимъ существованіемъ за-границей и указываетъ на продолженіе пассивной борьбы, однако, пассивной борьбой все равно не добьешься сверженія большевиковъ. Если тамъ, въ Россіи, почтенные Иваны Ивановичи будутъ думать, что большевиковъ свергнемъ мы, а наши Иваны Ивановичи будутъ разсчитывать, что свергнутъ тѣ, — коммунизмъ и триста лѣтъ продержится. Какъ татарское иго.

— Только иго почище татарскаго, — хмуро вставилъ Павленковъ.

— Да, возможно, что это надолго, — вздохнулъ Корягинъ. — Хотя, по моему, наша вина здѣсь, все-таки, не такъ велика, какъ сидящихъ тамъ. Мы, какъ никакъ, въ добровольческій періодъ свое дѣло дѣлали, когда была возможность. А они? Вотъ, въ письмѣ говорится, будто оставшіеся въ Россіи начинаютъ относиться къ эмиграціи съ презрѣніемъ. А на какомъ основаніи? Если они презираютъ политическихъ ловкачей, увернувшихся отъ бѣлой борьбы и разыгрывающихъ теперь среди бѣженцевъ демократическую бѣлую кость, то обвинителямъ, разумѣется, нечего копья ломать: такіе господа пользуются у насъ не большей симпатіей, чѣмъ у оставшихся въ совѣтской Россіи. Эти господа и не эсесерцы, и не эмигранты, а такъ что-то такое... Туристы революціи, я бы сказалъ. Но если авторы письма пори-

цаютъ и осуждаютъ вообще всю эмиграцію, то тутъ разговоръ съ ними долженъ быть другой. Кто бы осуждалъ, но во всякомъ случаѣ не тѣ, которые столько лѣтъ покорно несутъ на себѣ тавро красной звѣзды. Мы, вотъ, бросили все, совершали походы, дрались, получали раненія, — и что же? Теперь хуже тѣхъ, кому жаль было оставить свои трюмо и драпировки на окнахъ?

— Можно спорить еще о томъ,кто заслуживаетъ большаго уваженія, — горячо продолжалъ Корягинъ съ удовлетвореніемъ замѣчая, что Турминъ и Павленковъ слушаютъ его съ интересомъ, — участники ли добровольческаго движенія, — нынѣшніе бѣженцы, или повстанцы и активные борцы противъ совѣтской власти, находящіеся на родинѣ. Но если взять средняго эмигранта здѣсь и средняго обыкновеннаго эсесерца тамъ, то большой вопросъ, кому позволительнѣе укорять ч осуждать. Жалокъ ли тотъ интеллигентъ, который мостить улицу чужого города, не желая подчиниться разбойничьей власти на родинѣ, или тотъ, который отъ имени интеллигенціи поздравляетъ хамовъ съ годовщиной совѣтской власти? Офицеръ-бѣженецъ за-границей иногда чиститъ помойныя ямы, чтобы сохранить отъ голодной смерти себя и свою семью. Но, по моему, зловоніе вокругъ этой работы, — ароматъ въ сравненіи съ парадомъ, на которомъ русскій кадровый офицеръ отдаетъ честь бандитамъ.

НиканоръАндреевичъ окончилъисамъудивился: откуда такое краснорѣчіе? Обыкновенно ему было неловко говорить красиво и складно. На всѣхъ ораторовъ онъ всегда смотрѣлъ подозрительно, считая, что искреннее чувство не можетъ изливаться въ длинныхъ, правильно построенныхъ фразахъ. И, вдругъ, самъ... Стало ясно почему: послѣ стычки въ ателье хотѣлось показать, что онъ не такъ ужъ примитивенъ, чтобы пользоваться одними физическими аргументами.

Турминъ внимательно смотрѣлъ на собесѣдника, иногда въ знакъ сочувствія молча наклонялъ голову. И когда тотъ окончилъ, медленно заговорилъ:

— То, что вы сказали, могло быть правильнымъ, по-моему, нѣсколько лѣтъ назадъ, когда всѣ еще вѣрили въ близкую развязку. Но теперь, когда прошло уже болѣе десяти лѣтъ, и когда молодой здоровый эмигрантъ до сихъ поръ чиститъ чужія помойныя ямы, я не думаю, чтобы занятіе это говорило о достиженіяхъ высшаго патріотизма. Къ сожалѣнію, мы не видимъ въ нашей средѣ достаточной иниціативы для проявленія личнаго героизма. Я не говорю, что какія-либо выступленія должны имѣть мѣсто здѣсь, за-границей. Это и вредно и глупо. Но есть другіе пути. Неужели кто-нибудь еще можетъ вѣрить въ помощь Европы? Это наша интеллигенція была такова, что, не имѣя своихъ несчастій, плакала обыкновенно за другихъ. Племя Гереро изъ-за нѣмцевъ страдаетъ, и мы страдаемъ. Негры въ Америкѣ обижаются на некорректное обращеніе, — и мы обижаемся. Вся Россія была раньше похожа на даму-патронессу, которой дома нечего дѣлать. Нехороша, конечно, безчувственность, но чувствительность такое драгоцѣнное качество, что лучше его приберечь для своихъ. Европа, которая живетъ именно по этому методу, конечно, не подумаетъ когда-нибудь помочь намъ. Да и кому помогать, спрашивается? Ста милліонамъ здоровенныхъ мужиковъ? Что же это — безпризорный ребенокъ, позвольте спросить? Старуха изъ богадѣльни? Нѣтъ, довольно ужъ надеждъ на чужое сочувствіе. Самимъ нужно дѣлать все, своими руками. Не тыча другъ на друга, кому начинать. Должны рисковать и тѣ, которые тамъ, должны жертвовать собой и тѣ, которые здѣсь. А то не постыдно ли? Сколько читаешь сообщеній въ газетахъ: застрѣлился такой-то. Покончилъ съ жизнью

такой-то. И никто изъ нихъ не подумалъ, что эта какъ будто никому ненужная жизнь могла бы сдѣлаться величайшей цѣнностью въ дѣлѣ освобожденія Россіи!

Турминъ внезапно оборвалъ рѣчь. Павленковъ многозначительно кашлянулъ. Къ столу подошелъ тотъ самый назойливый господинъ, который, подъ видомъ сотрудника одной изъ эмигрантскихъ газетъ, тщетно старался создать среди мѣстныхъ русскихъ рабочихъ группу соціалъ-демократовъ меньшевиковъ.

XX.

Написавъ письма, выпивъ чаю вмѣстѣ съ Полтавцевыми и выслушавъ по поводу какого-то похороннаго объявленія въ газетѣ длинную генеалогическую справку Константина Александровича о родѣ князей Турскихъ, Никаноръ Андреевичъ отправился съ Леночкой въ кинематографъ.

Чувствуя себя подъ надежной охраной, дѣвочка была оживлена и весела. Сидя въ театрѣ, въ ожиданіи пока потушатъ свѣтъ, разсказывала, какія за всю свою жизнь видѣла картины въ синема; перешла, затѣмъ, на воспоминанія о томъ, какъ у нихъ въ пансіонѣ ставили интереснѣйшую пьесу, называвшуюся «Le coeur».

— Ну, а каково все-таки содержаніе? — разсѣянно спрашивалъ Никаноръ Андреевичъ, прикидывая въ умѣ, сколько онъ можетъ заработать въ слѣдующемъ «кензенѣ».

— Содержаніе? А что такое содержаніе?

— Да вотъ... О чемъ говорится въ пьесѣ.

— О чемъ говорится? Очень интересно говорится. Видите, Сюзаннъ была принцесса, она очень любила Христа, и платье у нея было голубое съ золотымъ боръ, а туфли серебряныя и большой серебряный браслетъ... Я же была рабыня. Ее красили, а меня не красили, потому что я простая крестьянка. И когда ее ранили, я подбѣжала, потому что

очень любила, а они сдѣлали rapport на ту, которая ударила. Ее отдали подъ слѣдство, а та еще жила, она еще не была прикончена, и передъ смертью встала и сказала нѣсколько словъ, очень красиво. Jésus, Jésus, Jésus... Сюзаннъ такъ хорошо представляла, что даже матери плакали. А потомъ пустили занавѣску.

— А мужчины у васъ играли? Или только ученицы?

— Нѣтъ, мужчиновъ не было. У насъ мужчиновъ не дѣлаютъ.

— Такъ, такъ. Прекрасно, -- разсмѣялся Корягинъ, оглядывая постепенно наполнявшійся залъ. — Очевидно, вы обѣ артистками будете, и ты и эта самая Сюзанна. А ты хочешь быть артисткой, когда выростешь?

— Нѣтъ, не хочу. Я, когда выросту,буду матерью въ пансьонѣ. Только, конечно, въ Россіи. Или кокоткой буду. Я еще хорошо не думала.

— Какъ? — испуганно переспросилъ онъ, думая, что ослышался.

— Кокоткой.

— Въ самомъ дѣлѣ? А ты понимаешь, что значитъ кокотка?

— Конечно, понимаю.

— То-есть какъ понимаешь?

— Просто понимаю. У меня будетъ хорошій appartement, своя femme de chambre, cuisinière. Ничего не буду дѣлать, только въ театры ходить и кататься.

— А работать?

— Мама говорила съ Марьей Гавриловной, что у кокотокъ всегда деньги есть. Имъ не нужно работать. У насъ въ нижнемъ этажѣ жила такая кокотка,мадемуазель Фрикэ, одѣвалась такъ шикарно и такая веселая, симпатичная.

А что? Нехорошо? — удивленно посмотрѣла она на нахмурившагося собесѣдника. — Вы сердитесь?

— Я не сержусь, но ты глупости говоришь. Такія женщины, которыя ничего не дѣлаютъ, а шикарно живутъ, дрянь. Поняла?

— Можетъ быть. Ну, тогда буду матерью. Какъ mère Stanislas. Мнѣ все равно.

Заигралъ оркестръ, свѣтъ потушили. На экранѣ началась салонная драма. Затѣмъ промелькнула хроника событій: показывали президента на торжествѣ, иностранную депутацію подъ Тріумфальной Аркой у могилы неизвѣстнаго солдата. Наконецъ, пошла веселая американская комедія съ участіемъ знаменитаго комика.

Корягинъ не любилъ кинематографа и изъ всѣхъ видовъ этого искусства благосклонно относился только къ картинамъ видовымъ и научнымъ. Покорно глядя на экранъ, онъ началъ думать о заводѣ, о Пейо, о сегодняшней бесѣдѣ съ Турминымъ, съ которымъ слѣдовало бы поближе сойтись. Въ залѣ стоялъ смѣхъ, раздавались радостные дѣтскіе выкрики. Леночка отъ души хохотала, ерзала въ креслѣ, подпрыгивала.

— Никаноръ Андреевичъ, смотрите, какъ онъ его бьетъ!

— Что жъ такого? Ну, и дуракъ, если бьетъ.

Они вышли изъ театра. Дѣвочка тараторила, вспоминая трюки комика и сравнивая картину съ той,которую видѣла недавно въ Цюрихѣ. Спутникъ ея равнодушно шелъ рядомъ, разсѣянно отвѣчая на болтовню неяснымъ мычаніемъ.

Ему опять пришла въ голову бесѣда съ Турминымъ. Почему тотъ говорилъ такъ рѣзко и увѣренно? Можетъ быть, принадлежитъ къ конспиративной организаціи? Или просто теорія? Мечта о герояхъ?

Было около половины двѣнадцатаго. Бульваръ сверкалъ огнями, яркими цвѣтными пятнами разбросались свѣтящіяся вывѣски. На троттуарахъ — оживленіе, возлѣ кафе за столиками многочисленныя фигуры мужчинъ и женщинъ. Но въ боковыхъ улицахъ тихо, спокойно. Рѣдко встрѣчаются прохожіе.

— Прямо и направо, — разсѣянно произнесъ онъ.

— А развѣ не туда?

— Нѣтъ.

Они свернули, миновали рядъ домовъ. Нужно было снова переходить на другую сторону, и Леночка побѣжала впередъ. Никаноръ Андреевичъ посмотрѣлъ на табличку съ названіемъ улицы, досталъ изъ кармана компасъ, и, глядя на него, сошелъ съ троттуара.

— Погоди, не бѣги! Зачѣмъ туда?

— А куда?

Онъ въ нерѣшительности остановился и услышалъ, вдругъ, возлѣ себя зловѣщее шуршаніе шинъ. Раздался рѣзкій гудокъ. Что-то сверкнуло у самаго лица, тяжело ударило въ бедро. И, безпомощно вытянувъ руки, Корягинъ рухнулъ на мостовую, подталкиваемый крыломъ автомобиля, скользя колѣнями и локтями по асфальту.

— Ай! Что съ вами? — послышался пронзительный дѣтскій крикъ.

Было очень больно, но еще болѣе — досадно. Никаноръ Андреевичъ со стономъ приподнялся, сѣлъ на мостовую и, растерянно оглядываясь по сторонамъ, началъ ощупывать ушибленную ногу.

Возлѣ него стоялъ шикарно одѣтый молодой человѣкъ и о чемъ-то быстро говорилъ жалобнымъ тономъ. Сзади слѣпо смотрѣли яркіе фонари автомобиля. Тутъ же, вбли-

ви, суетилась Леночка, тщетно стараясь поднять своего спутника за рукавъ.

— Негодяй... Не смотритъ... — злобно прошепталъ въ отвѣтъ на тираду молодого человѣка Корягинъ, съ усиліемъ вставая и стараясь не опираться на раненую ногу. — Можетъ быть, даже кость сломалъ...

Вокругъ уже собралось нѣсколько неизвѣстно откуда появившихся свидѣтелей. Рабочій въ кепкѣ размахивалъ кулакомъ у носа молодого человѣка,оказавшагося собственникомъ автомобиля; почтенный высокій старикъ сочувственно говорилъ что-то, оглядывая костюмъ потерпѣвшаго; спутница старика, молоденькая дама, охала, поднявъ съ мостовой огромный лоскутъ матеріи,содранный съ брюкъ.

— Никаноръ Андреевичъ!— торопливо заговорила Леночка. —Возьмите у нихъ карточки.Они хотятъ быть темуэнами. Для судьи!

— Темуэнами... Я имъ покажу темуэновъ... Ноги ломать. Comment? Merci, monsieur... —печально бормоталъ онъ, принимая изъ протянутыхъ рукъ визитныя карточки. — Чего они хотятъ? Какой судъ?

Но Леночка не слушала, вступивъ въ оживленную бесѣду сначала со старикомъ, затѣмъ съ владѣльцемъ автомобиля. Видя, что иностранецъ плохо знаетъ языкъ, всѣ начали вести переговоры съ нею.

— Онъ проситъ не звать ажана, а самъ заплатитъ, — обернувшись, опять сказала Леночка. — Хотите?

— Заплатитъ? — Корягинъ со страхомъ разглядывалъ разодранный рукавъ и переднюю часть брюкъ, подъ которыми виднѣлось испачканное просочившейся кровью бѣлье. — Скажи, пусть убирается къ черту, пока я не разозлился.

— Нѣтъ, подождите... — Она недовольно дернула за

рукавъ. — Вы глупый. Вы можете получить деньги. Онъ говоритъ, что повезетъ сначала въ pharmacie, потомъ домой и дома дастъ пять тысячъ франковъ, если не будете жаловаться.

— Пять тысячъ? Такъ и дастъ... Жди...

Едва волоча ноги, онъ съ трудомъ добрался до автомобиля и сѣлъ внутрь, печально произнося merci по адресу прохожихъ, которые помогали садиться. Вслѣдъ за нимъ вскочила Леночка, затѣмъ вошелъ и самъ владѣлецъ. Провожаемый внимательными взглядами публики, автомобиль быстро помчался. Молодой человѣкъ что-то печально говорилъ своей маленькой сосѣдкѣ; та снисходительно слушала, иногда кивала въ отвѣтъ головой. А Никаноръ Андреевичъ сидѣлъ сзади нихъ и, вытянувъ ногу, чтобы не тревожить раненаго мѣста, время отъ времени тяжело вздыхалъ.

— И чего онъ все время плачется, балда? Будто не я раненъ, а онъ.

— Онъ говоритъ, что для него будетъ непріятность, если papa узнаетъ объ accident, — начала объяснять Леночка. — Онъ на-дняхъ много денегъ истратилъ, когда игралъ картами, и говоритъ, что онъ очень несчастный.

— Хорошій несчастный... Играетъ въ карты и давитъ людей.

— Онъ говоритъ, что та женщина, которую онъ любитъ, ушла отъ него. Онъ теперь въ жизни не имѣетъ ничего интереснаго и ищетъ другую amie, чтобы ее любить, какъ прежнюю. Его жалко, правда?

— Очень жалко. А пять тысячъ дастъ? Или болталъ только?

— Онъ обѣщалъ. Сказалъ честное слово.

Молодой человѣкъ остановилъ автомобиль возлѣ дежурной аптеки и, послѣ совѣщанія съ фармацевтомъ и дли-

тельныхъ разговоровъ по телефону, поѣхалъ къ врачу, согласившемуся за соотвѣтственный высокій гонораръ принять паціента въ столь поздній часъ. Докторъ осмотрѣлъ пострадавшаго, впрыснулъ огромную дозу противостолбнячной сыворотки, забинтовалъ ногу и, записавъ адресъ, обѣщалъ заѣхать на слѣдующій день.

Поминутно смотрѣвшій на часы и приходившій все въ большее и большее уныніе отъ потери драгоцѣннаго ночного времени молодой человѣкъ быстро домчалъ своихъ спутниковъ до дому. На прощаніе Корягинъ хмуро протянулъ ему руку, медленно передвигаясь, направился къ подъѣзду. Леночка же задержалась возлѣ автомобиля.

— Ну, какъ? — стоя у дверей и держась за выступъ стѣны, презрительно спросилъ Никаноръ Андреевичъ. — Ничего не заплатитъ?

— Нѣтъ, заплатитъ. Вы только отдайте карточки темуэновъ. Гдѣ вы ихъ спрятали?

Съ трудомъ роясь въ карманѣ ушибленной рукой, онъ досталъ визитныя карточки.

— Вотъ.

— Нѣтъ, это двѣ. Мсье говоритъ, три было. Найдите скорѣй!

Автомобиль радостно загудѣлъ, сорвался съ мѣста. Никаноръ Андреевичъ съ трудомъ стоялъ, ожидая возвращенія дѣвочки. А та съ торжествующимъ видомъ подошла, наконецъ, и протянула пачку бумажекъ.

— Онъ сказалъ, что вы имѣете здѣсь пять тысячъ. Берите!

XXI.

Пересиливая боль, онъ медленно началъ подниматься на четвертый этажъ. Леночка покорно шла рядомъ, трогательно стараясь какъ-нибудь помочь, цѣпляясь за руку и этимъ только увеличивая трудность подъема.

Полтавцевы уже ложились спать. Взявъ слово съ дѣвочки, что до утра она ничего не разскажетъ старикамъ, чтобы ихъ не тревожить, Никаноръ Андреевичъ открылъ дверь, тихо пробрался въ свою комнату, съ трудомъ сталъ раздѣваться.

На локтѣ правой руки была огромная ссадина, обѣ ладони исцарапаны асфальтомъ. Но самое главное поврежденіе на лѣвой ногѣ. Громадный кровоподтекъ у бедра, на колѣнѣ содрана кожа.

— Стоило тащиться изъ Сербіи, чтобы задавили въ Парижѣ, — сѣвъ на кровать, горько подумалъ онъ. — Даже насмѣшка какая-то: на автомобильномъ заводѣ работать и подъ автомобиль попасть. Слава Богу, прохожіе поддержали. Молодцы французы. А интересно: дѣйствительно ли пять тысячъ?

Осторожно передвинувшись къ краю кровати, Никаноръ Андреевичъ протянулъ руку къ пиджаку и вытащилъ бумажникъ. На лѣстницѣ пересчитать стѣснялся: не хотѣлось показаться жаднымъ.

— На сто франковъ меньше... — съ презрительной усмѣшкой пробормоталъ онъ, выложивъ на столъ бумажки, изъ которыхъ четыре было тысячныхъ, а остальныя по сотнѣ. — Вотъ, оказывается, какія тысячныя: огромныя, блѣдныя. Недурно видѣть это число: 1000. На сербскія деньги — 2250 динаръ. Шикарно. Если на леченіе пойдетъ франковъ пятьсотъ, да на покупку костюма четыреста, то четыре тысячи чистыхъ останется. На заводѣ нужно около четырёхъ мѣсяцевъ работать, чтобы получить такую сумму.

Онъ бережно вложилъ деньги обратно въ бумажникъ, кряхтя отъ боли легъ, потушилъ свѣтъ.

— Четыре тысячи... Около девяти тысячъ динаръ... — продолжалъ размышлять онъ, глядя на вырисовывавшійся въ темнотѣ четыреугольникъ окна. — Пожалуй, можно предпріятіе какое-нибудь начать. Въ Біянкурѣ, напримѣръ, не мало ресторановъ. Очевидно, доходно. Или лавку открыть. Скромную. Лавки, навѣрно, недурно работаютъ. Черный хлѣбъ продавать, хрѣнъ, укропъ. А потомъ и жениться. До сихъ поръ ни разу такихъ денегъ въ рукахъ не было. 1000. Еще 1000... Еще... И физіономіи какія-то нарисованы. Одна, кажется, въ шлемѣ. Жанна д'Аркъ?

Въ колѣнѣ подъ бинтомъ, вдругъ, задергало. Протянувъ руку къ ногѣ, онъ осторожно погладилъ больное мѣсто, повернулся на бокъ и снова задумался.

— Да, жениться хорошо было бы. Старость не далеко. Заболѣешь, есть кому позаботиться, присмотрѣть. Лежишь, чувствуешь, что не одинъ въ мірѣ, радостно на душѣ. Можетъ быть, на матери Леночки? Пріятно и дочку имѣть такую. Сразу одиннадцать лѣтъ, ни пеленокъ, ни крика. Судя по дочери, мать тоже хорошенькая. Блондинка. Вродѣ біянкурской. Вотъ, только, экипироваться необходимо прежде всего. Костюмъ новый. Синій... Или черный... Бо-

тинки. Бѣлье. Шляпу. За 45 франковъ хорошая, фетровая. А мать, навѣрно, понравится. Лишь бы только все благополучно прошло. Лицо, какъ будто, слегка горитъ. Жаръ? Или отъ волненія? Можно и въ Южную Америку поѣхать. Говорятъ, при небольшомъ капиталѣ... Недурно... Мильрейсы... Санъ Пауло... Фазенды...

Никаноръ Андреевичъ уснулъ. И приснился ему жуткій сонъ. Въ Россіи, до революціи, единственными кошмарами были у него экзаменаціонные сны, почти всегда одинаковые. Обычно видѣлъ онъ себя въ актовомъ залѣ гимназіи. У стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, весь синклитъ: одинъ преподаватель исторіи, другой преподаватель исторіи, учитель русскаго языка, инспекторъ, директоръ, попечитель учебнаго округа.

— Корягинъ, какой билетъ?

— Капетинги, — упавшимъ голосомъ отвѣчалъ онъ. Затѣмъ взглядывалъ на себя, замѣчалъ, что на немъ, кромѣ ночной рубашки, ничего нѣтъ, и въ ужасѣ продолжалъ:

— Пипинъ Короткій... Генрихъ Птицеловъ... Филиппъ Красивый...

И все погибало. Преподаватели, увидѣвъ голыя ноги, возмущенно вставали съ мѣстъ, инспекторъ наливался кровью, директоръ блѣднѣлъ, какъ полотно.

— На второй годъ! — кричалъ историкъ.

— Единица!

— Вонъ изъ гимназіи!

Послѣ революціи гимназическіе сны оставили въ покоѣ Никанора Андреевича. Онъ ни разу не отвѣчалъ уже ни по исторіи, ни по математикѣ. Но въ послѣдніе годы, во время эмиграціи, нѣсколько разъ приходилось видѣть уже нѣчто другое, болѣе страшное. Попадалъ онъ какимъ-то образомъ въ Россію, не имѣя никакихъ документовъ. Съ

ужасомъ думалъ, какую глупость сдѣлалъ, почему уѣхалъ изъ-за границы. И, просыпаясь, блаженно улыбался и радовался, что все это во снѣ, что кругомъ чужая страна, чужіе люди.

Сейчасъ приснилось тоже это, но сложнѣе обычнаго. Сначала было, какъ будто, хорошо. Уже все кончилось. Всѣ ѣхали въ Россію. Ѣхалъ и онъ. Гдѣ-то сѣли на пароходъ, много народу, знакомые. И Полтавцева, и Орловскій съ невѣстой, и Анна Владимировна изъ Бѣлграда съ собачкой, и Поталовъ, и Щебетовъ-Коровскій...

Кругомъ весело, шумно. Какая-то бухта. Одесса? Поталовъ сошелъ на берегъ, кругомъ русскіе флаги. Поталовъ машетъ руками, кричитъ:

— Да здравствуетъ свобода!

— Опять свобода? — отвѣчаетъ кто-то. — Бей его!

И, вдругъ, петербургская квартира. Та самая. Столовая. Лампа со стекляшками. Буфетный шкапъ съ зеркаломъ. Но почему и Полтавцевы здѣсь? Ольга Федоровна входитъ, будто въ свою комнату, начинаетъ спорить съ евреемъ, который продаетъ въ Біянкурѣ брюки.

— Мой столъ! — грозно восклицаетъ она. — И диванъ мой! И кресло!

— Мое кресло! — кричитъ еврей.

Корягинъ спускается по лѣстницѣ. Выходитъ. И странно... Идетъ по улицѣ. Невскій Проспектъ. Аничковъ дворецъ. И почему-то солдаты въ шлемахъ. Красныя звѣзды. Опять? Ошибка?

— Извозчикъ! Скорѣе!

Экипажъ мчится. Струится съ неба мягкій свѣтъ. Бѣлая ночь. Уже исчезли набережная, троицкій мостъ съ поясомъ фонарей. Острова! Аллеи. Коверъ травъ. Въ стеклянныхъ прудахъ, обвитыхъ деревьями, розовые огни горизон-

та. Разгорается сѣверъ, скоро солнце. Но отчего извозчикъ обернулся? Смотритъ, смѣется. Оскалилъ зубы.

— Въ Чеку?

Корягинъ соскакиваетъ, бѣжитъ. Ноги набухли. Боль въ колѣнѣ. И снова на улицѣ. Опять Невскій. Опять день. Вокругъ родная рѣчь, русскія лица. И все-таки жутко. Бѣжать! Бѣжать далеко, за предѣлы и русской рѣчи и русскихъ лицъ. А кто это? Идетъ... Навстрѣчу. Братъ Сергѣй? Сережа? Куда свернуть?

Сергѣй останавливается. Замѣтилъ! На лицѣ — удивленіе. Загадочная улыбка.

— Никаноръ?

— Нѣтъ, нѣтъ...

Сергѣй щурится, на лицѣ складки предательства.

— Идемъ ко мнѣ. Жена рада будетъ.

— Я занятъ.

— Боишься?

Онъ смѣется. Какой смѣхъ! Предастъ! Хочется броситься въ сторону, забѣжать въ магазинъ, смѣшаться съ толпой...

А онъ беретъ подъ руку, идетъ рядомъ, сжимаетъ локоть. До боли. И Никаноръ Андреевичъ чувствуетъ: все кончено. Зачѣмъ вернулся? Какъ это случилось? Тамъ, за-границей, живутъ они, счастливцы эмигранты. На заводахъ работаютъ. Шофферами... А онъ? Кто заставлялъ? Кто соблазнилъ?

— Пусти...

— Идемъ.

— Пусти... Прошу тебя...

— Пустить брата? Нѣтъ. Ну что? Нравится дома? Хорошо? А ты думалъ, все кончилось? Сейчасъ увидишь. Вотъ на углу милиціонеръ. Позвать? Позову и скажу: возьми его, у нѣтъ него документа. Контръ-революціонеръ. Шпіонъ. Испугался? Не вырывайся, пошутилъ. Отчего дер-

гаешь руку? Отъ брата бѣжишь? Отъ родного? Милиціонеръ! Пейо! Держи! Бей колѣнчатымъ валомъ! Въ бедро! По ногамъ!

Корягинъ застоналъ, открылъ глаза... И облегченно вздохнулъ.

На стѣнахъ обои съ голубыми цвѣточками. Въ углу умывальникъ. Надъ кроватью карта Парижа. Комната въ квартирѣ Полтавцевыхъ!

— Никаноръ Андреевичъ... — слышится въ щелку двери шепотъ Леночки. — Вы еще спите?

XXII.

Дѣвочка, какъ оказалось, сдержала слово. Хотя Ольга Федоровна еще не спала, и хотя разсказать объ исторіи съ автомобилемъ страшно хотѣлось, однако, нужно было показать себя взрослой барышней, которой можно довѣрять серьезныя тайны. И Полтавцевы только утромъ узнали обо всемъ происшедшемъ.

Пожуривъ обоихъ заговорщиковъ за молчаніе и въ то же время въ глубинѣ души растрогавшись подобной деликатностью, Ольга Федоровна категорически запретила Никанору Андреевичу вставать съ кровати, пока не придетъ докторъ. Сама навела порядокъ въ комнатѣ, накрыла возлѣ кровати столикъ, принесла утренній кофе.

Нога продолжала сильно болѣть. Подъ бинтомъ у колѣна, какъ будто, увеличилась опухоль. Однако, Никаноръ Андреевичъ старался бодриться. Шутливо описалъ Полтавцевымъ подробности «аксидана», изобразилъ растерянность владѣльца автомобиля, смѣшной видъ своего костюма. И затѣмъ попросилъ Константина Александровича достать изъ бумажника полученныя на леченіе деньги.

— Хочешь посмотрѣть, Оленька? — съ любопытствомъ перебирая пачку, спросилъ Полтавцевъ.

— Спрячь, пожалуйста.

— Но, вѣдь, это тысячные!

— Все равно. Я думаю, Никаноръ Андреевичъ, что молодой человѣкъ, все-таки, обманулъ васъ. Сколько по суду заплатили Ковалерскому, Константинъ?

— Ковалерскому? Сорокъ тысячъ. Только Ковалерскій болѣе удачно попалъ: кромѣ ноги плечо было повреждено. Хотя, конечно, вы бы тоже могли потребовать больше, Никаноръ Андреевичъ. Тысячъ десять, пятнадцать.

— Мнѣ они говорили, что нужно десять, — смущенно замѣтила стоявшая у кровати Леночка. — Но Никаноръ Андреевичъ самъ виноватъ, что всталъ съ улицы. Одинъ мсьё по секрету попросилъ меня на ухо: «скажите ему, чтобы онъ не поднималъ самъ себя, а то много не получитъ». Ну, а Никаноръ Андреевичъ поднялъ.

— Да, съ Ковалерскимъ исторія любопытная вышла, — нерѣшительно взглянувъ на жену, снова заговорилъ Константинъ Александровичъ. — Человѣкъ не такъ давно буквально бѣдствовалъ, голодалъ, а теперь собственный мезонъ де кутюръ открылъ. Кліентура огромная, автомобиль собирается покупать. Пріѣхала семья сюда, отлично помню, безъ гроша. И народу-то сколько! Онъ самъ, жена его — Ксенія Григорьевна, мать — Людмила Николаевна, дѣти — Петя, Володя, Лизочка. И нянюшка — Пелагея Степановна. Изъ какой семьи Ксенія Григорьевна, точно не могу сказать. Какъ-будто — Порѣцкая. А то — Засѣцкая...

— Константинъ, не уклоняйся!

— Я не уклоняюсь. Ну, а матушка Антона Валерьяновича — Людмила Николаевна — та изъ очень хорошаго рода Калугиныхъ. Отецъ ея, Николай Алексѣевичъ, былъ прокуроромъ Московской судебной палаты. Старшая дочь, сестра Людмилы, Любовь Николаевна...

— Константинъ! Ты не видишь: человѣкъ боленъ?

Давъ Леночкѣ кое-какія инструкціи по хозяйству, Полтавцева уѣхала съ мужемъ въ церковь. Корягинъ немного поговорилъ съ дѣвочкой, отправилъ ее выполнять порученія хозяйки и самъ рѣшилъ заняться чтеніемъ газеты.

Однако, остаться одному не удалось. Въ дверь постучался Орловскій.

— Ольга Федоровна разсказала мнѣ, что случилось, — участливо заговорилъ Алексѣй Петровичъ, поздоровавшись и сѣвъ возлѣ кровати. — Можетъ быть, я могу чѣмъ-нибудь помочь?

— Нѣтъ, спасибо. Пока все въ порядкѣ.

Передавъ Орловскому подробности происшедшаго, Корягинъ началъ въ свою очередь разспрашивать, что нужно предпринять, чтобы не уволили съ завода. Объяснивъ, что въ случаѣ болѣзни рабочіе обычно отправляютъ шефу свидѣтельство врача съ сопроводительнымъ письмомъ, Алексѣй Петровичъ улыбнулся и добавилъ:

— Ну, а я, знаете, черезъ двѣ недѣли уѣзжаю. Въ провинцію.

— Въ самомъ дѣлѣ? Совсѣмъ?

— Да, совсѣмъ. Довольно съ меня завода. Теперь я дѣлаюсь сельскимъ хозяиномъ и, надѣюсь, никогда больше не вернусь къ машинамъ.

— Очень жаль, очень, — съ грустью проговорилъ Никаноръ Андреевичъ, осторожно поворачиваясь на кровати. — Вы что же: ферму арендовали? Или батракомъ?

— Мы сообща беремъ большое имѣніе въ департаментѣ Варъ. Отецъ Вѣры Николаевны, его другъ — полковникъ, я и еще одна семья. Виноградникъ есть, оливковая плантація, куроводство, цвѣтоводство.

— Счастливчикъ! Послѣ завода это, дѣйствительно, удовольствіе. А Вѣра Николаевна, конечно, тоже ѣдетъ?

Онъ смутился, почувствовавъ, что слишкомъ подчеркнулъ слово «конечно».

— Да, разумѣется, — спокойно отвѣтилъ Орловскій. — Вчера вечеромъ Вѣра Николаевна уѣхала въ Ниццу къ роднымъ, а черезъ двѣ недѣли поѣду и я. Мы въ Ниццѣ перевѣнчаемся, а затѣмъ сейчасъ же на ферму. Терять времени нельзя,имѣніе запущено, все необходимо привести въ порядокъ. Не знаю даже, управимся ли въ первый годъ своими собственными силами.

— Вотъ, если рабочіе понадобятся, имѣйте меня въ виду, — шутливо предложилъ Никаноръ Андреевичъ. — Надѣюсь, нога все-таки поправится. А можетъ быть, и я что-нибудь внесу, если товарищество пожелаетъ.

Онъ съ усиліемъ передвинулъ больную ногу на новое мѣсто и, печально усмѣхнувшись, добавилъ:

— Видите. Пять тысячъ получилъ и воображаю, что Крезъ.

— А что же? — Орловскій сочувственно взглянулъ на него. — Если вамъ, дѣйствительно, нравится работа на землѣ, мы можемъ сговориться.

— Я-то землю люблю. Кромѣ того, вы сами знаете, какая здѣсь карьера. Парижъ, можетъ быть, хорошъ для денежныхъ людей, но для нашего брата... А если я внесу, напримѣръ, тысячи двѣ? Это мало?

— Двѣ тысячи? Какъ вамъ сказать... Могу запросить. Только соотвѣтственно съ суммой, конечно,и прибыль меньше получится.

Алексѣй Петровичъ подробно разсказалъ объ условіяхъ, на которыхъ организуется товарищество, заговорилъ о цѣнахъ, высчиталъ приблизительную сумму дохода, ко-

торую можно выручить съ имѣнія, если его правильно эксплоатировать. А собесѣдникъ лежалъ, слушалъ и соображалъ: стоитъ ли, все-таки, зарываться въ провинцію и уѣзжать изъ Парижа? Во-первыхъ, теперь есть возможность не спѣша подыскать работу. А во-вторыхъ... а, вдругъ, мать Леночки, дѣйст··тельно, симпатична?

Замѣтивъ, что Никаноръ Андреевичъ уже не возобновляетъ разговора о своемъ паѣ, Орловскій деликатно перешелъ на другія темы. Заговорилъ о томъ, что хочетъ найти для Полтавцевыхъ новаго спокойнаго жильца, чтобы не разстраивать бюджета стариковъ, и затѣмъ вспомнилъ про вчерашній инцидентъ съ коммунистомъ Пейо.

— Уже изъ-за одного этого типа мнѣ не хотѣлось бы возвращаться на заводъ, — со вздохомъ сказалъ Корягинъ. — Сама по себѣ работа, хотя и нудна, но все-таки терпима. Однако, когда такое сосѣдство каждый день...

— Если бы вы поработали на заводѣ столько времени, сколько я, — задумчиво проговорилъ Алексѣй Петровичъ, — вы бы еще не то испытали. Почувствовали бы, какую безнадежность вырабатываетъ въ человѣкѣ непрерывное сосѣдство съ машиной. Вотъ, вы думаете, навѣрно, что я розовыми красками рисую жизнь на фермѣ. А между тѣмъ я именно ничѣмъ не обольщаю себя. Просто не могу больше оставаться на заводѣ. Невмоготу.

— То, о чемъ говорите вы, я уже, пожалуй, почувствовалъ, — нерѣшительно подтвердилъ Никаноръ Андреевичъ. — Мнѣ, напримѣръ, понятно теперь, откуда у коммунистовъ ихъ тупость и озлобленіе. Съ молодости стоять у машины и не видѣть ничего другого... Дѣйствительно, можно превратиться въ какую-то разновидность звѣря.

Орловскій въ отвѣтъ многозначительно улыбнулся, задумался.

— Если вамъ интересно говорить на эту тему, — послѣ нѣкотораго молчанія произнесъ онъ,— то я бы могъ сказать многое. Помните наши бесѣды въ Ростовѣ? Такъ, вотъ, теперь мои прежніе взгляды не только нашли подтвержденіе, но стали просто частнымъ случаемъ общаго пониманія исторіи. Впрочемъ, объ этомъ когда-нибудь въ другой разъ. Вамъ сейчасъ не до философіи, я полагаю.

— Отчего же? — запротестовалъ Корягинъ. — Не думайте, что я совсѣмъ раскисъ. Наоборотъ, въ бесѣдѣ мнѣ легче переносить лежаніе въ постели.

Алексѣй Петровичъ внимательнымъ взглядомъ окинулъ больного, какъ бы стараясь удостовѣриться, дѣйствительно ли тотъ въ состояніи слушать, и заговорилъ:

— Видите ли... Основной выводъ, къ которому я пришелъ въ послѣднее время, сводится къ тому, что вся наша цивилизація, выросшая на культѣ машины, въ видѣ всевозможныхъ орудій производства, измѣрительныхъ приборовъ и научныхъ инструментовъ, въ корнѣ своемъ ложна. Вѣдь, машина, какъ извѣстно, гордость нашей цивилизаціи, такъ сказать, ея любимая старшая дочь. Европеецъ все можетъ уступить въ спорѣ съ противникомъ цивилизаціи — и искусство, и литературу, и философію, но машину — никогда. Она главный его аргументъ въ спорѣ. Пусть относительно свѣта, исходящаго отъ Рафаэля или Пушкина, могутъ быть два мнѣнія; но что городская электрическая станція, дѣйствительно, отпускаетъ свѣтъ абонентамъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Возьмите заводы и фабрики: это сейчасъ — наиболѣе значительныя строенія на земномъ шарѣ. Фабрика замѣнила своей величиной дворцы и храмы. Въ жертву ей приносятся милліоны людей, найденныхъ среди неудачниковъ человѣчества, отставшихъ, съ одной сторо-

ны, отъ родной земли, но съ другой — не сумѣвшихъ въ городахъ найти для себя ничего болѣе талантливаго.

Орловскій взглянулъ на Корягина, и убѣдившись, что тотъ внимательно слушаетъ, продолжалъ:

— Ну, и что же мы видимъ въ результатѣ? Машина оказалась не другомъ человѣка, а его врагомъ. Она очутилась въ рукахъ того, кого сама заковала въ свои цѣпи, кто безсознательно ее ненавидитъ. Видимая гармонія и дружба держались лишь до тѣхъ поръ, пока внѣшнія искусственныя условія не были преодолѣны. Сначала казалось, что политическій гнетъ, отсутствіе здоровыхъ условій существованія, необезпеченность — что только это питаетъ недовольство. Но, вотъ, на Востокѣ поднялось пролетарское солнце. Пришло освобожденіе. И что же получилось на примѣрѣ совѣтскихъ героевъ труда? Машина заброшена. Рабочій классъ, почувствовавъ себя господиномъ, никогда не захочетъ идти добровольно назадъ въ рабство. Оказалось, что главнымъ врагомъ рабочаго класса былъ вовсе не царь, не капиталистъ, не фабрикантъ, а сама закрѣпощающая техническая культура. Вы сами на заводѣ работали, видѣли... Вѣдь, развѣ это не ужасъ — зрѣлище изнуренныхъ озлобленныхъ людей, пригвожденныхъ къ станкамъ не цѣпями, а гораздо безчеловѣчнѣе — своимъ собственнымъ напряженнымъ вниманіемъ? Порвавъ связь съ солнцемъ, съ небомъ, находясь среди вѣчнаго грохота, лязга, у огня раскаленныхъ печей, люди потеряли свою божественную цѣнность, сдѣлались мозгомъ машины, вдохнули въ нее душу, потерявъ вмѣстѣ съ этимъ свою. Все вытравляетъ машина у того, кто пригвожденъ къ ней долгіе годы: кровь, мозгъ, чувство Бога, любовь, красоту. Все вытравляется, выматывается, остается только одно: аппетитъ.

Онъ прервалъ рѣчь. Въ комнату вошла Леночка, спро-

сила, не нужно ли Никанору Андреевичу что-нибудь купить въ магазинѣ.

— Спасибо... А ты не боишься одна?

— Нѣтъ. Я быстро.

— Въ такомъ случаѣ... Возьми изъ бумажника сто франковъ и принеси фруктъ какихъ-нибудь. Конфетъ. По своему вкусу. Да, можетъ быть, все это правильно, — обратился Корягинъ къ Орловскому. — Дѣйствительно, возможно, что нынѣшній коммунизмъ по внутренней психологіи своей просто-напросто скрытый бунтъ противъ машины. Но вы, вѣдь,сказали что-то о научныхъ приборахъ,объ аппаратахъ... Этого я не понимаю.

— А вы не устали слушать?

— Нѣтъ, нѣтъ. Пожалуйста.

— Такъ, вотъ, если безъ предубѣжденія, открыто и честно съ точки зрѣнія нормальнаго человѣка отнестись ко всему тому, что насъ окружаетъ, то заколдованный кругъ почувствуется повсюду, во всей нашей технической, вѣрнѣе сказать, математизированной культурѣ. Посмотрите на современнаго человѣка: что онъ собой представляетъ? Мышцы замѣнены искусственными рычагами. Вмѣсто ногъ — колеса автомобилей, экспрессовъ. Глазъ одѣтъ въ стекло телескопа, ухо — въ микрофонъ, память замѣняютъ книги. Эге! — усмѣхнулся Орловскій, видя, что собесѣдникъ осторожно прикрылъ ротъ рукой. — Вы, я вижу, зѣваете?

— Честное слово, нѣтъ.

— Видѣлъ, дорогой мой. Дѣйствительно, нашелъ, кому говорить: попавшему подъ автомобиль.

— Вотъ потому, можетъ быть, и слѣдуетъ,что я самъ, такъ сказать,пострадавшій отъ техники... Значитъ, что такое, по вашему, техническій прогрессъ?

— По моему, не что иное, какъ самообманъ. Какъ вы

знаете, насъ учили всегда, что техника — благодѣтельница культуры, безкорыстная благотворительница. Это она оградила человѣка отъ враговъ изъ окружающей живой природы. Дала независимость отъ случайностей слѣпыхъ стихій. Облегчила трудъ, ускорила сношенія съ себѣ подобными, создала досугъ для проявленій высшихъ цѣнностей души. Отовсюду слышишь утвержденія, будто техническій прогрессъ создаетъ комфортъ, удобства, радости жизни. А между тѣмъ, если вдуматься,какой получается выигрышъ? Взять хотя бы это утвержденіе, будто техника освобождаетъ рабочихъ отъ тяжелаго физическаго труда. То, что нужно было раньше поднимать руками, поднимаютъ краны. То, что нужно было раньше дѣлать лопатой, продѣлываетъ экскаваторъ.

А я, вотъ, видѣлъ работу экскаватора. Импонируетъ онъ, конечно, своей пастью, замѣняющей сотни лопатъ. Кажется, будто многіе рабочіе спасены. А, между тѣмъ, подсчитайте, сколько людей было занято, чтобы этотъ экскаваторъ создать? Гдѣ то другіе люди добывали для него руду. Кто-то очищалъ, плавилъ, составлялъ части. Погружалъ въ поѣздъ. Лишней работой обременилъ онъ чернорабочихъ, мастеровъ, грузчиковъ, стрѣлочниковъ, машинистовъ. Вереница, превращенныхъ въ машину людей,невидимо тянется за нимъ. Или возьмите пылесосъ. Какъ будто, завоеваніе. А, между тѣмъ, сколько людей, благодаря работѣ надъ нимъ, глотало копоть, металлическую пыль и пачкало руки? Вы можете возразить, разумѣется, что выигрышъ всетаки есть, что экскаваторъ или пылесосъ нужно сдѣлать одинъ разъ, а пользоваться имъ можно безконечно. Но почему, въ такомъ случаѣ, число рабочихъ въ мірѣ растетъ? Вѣдь, если бы тяжесть порабощенія машиной приближалась къ концу, мы видѣли бы, что количество пролетаріата умень-

шается. А на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Наоборотъ. Ускоряющійся темпъ жизни увеличиваетъ спросъ на рабовъ. Способы сообщенія усовершенствованы. Передвигаются люди съ быстротой, о которой раньше мечтать нельзя было. А времени, между тѣмъ, не хватаетъ. Люди торопятся все больше и больше. Точно такъ же можно опровергнуть и ходячее мнѣніе о комфортѣ и безопасности. Создавая однимъ комфортъ, машина портитъ здоровье другихъ. А развѣ это не наивно думать, что въ нынѣшнихъ столицахъ безопаснѣе жить, чѣмъ въ первобытной хижинѣ? Возьмите статистику раненыхъ и убитыхъ дикими звѣрьми индусовъ и статистику автомобильныхъ жертвъ Новаго и Стараго Свѣта. Есть выигрышъ? Даже въ джунгляхъ дикарь не такъ часто настораживается и трепещетъ за жизнь, какъ парижанинъ, переходя улицы.

— Да что и говорить, — пробормоталъ Никаноръ Андреевичъ, потирая подъ одѣяломъ колѣно.—Я для вашей теоріи какъ разъ прекрасный примѣръ. Только,все-таки. какой изъ всего этого выходъ? Толстовство, что-ли?

Орловскій недовольно поморщился.

— Для меня это сравненіе было бы самымъ ужаснымъ, — обидчиво отвѣтилъ онъ. — Въ томъ-то и дѣло, что я въ своихъ взглядахъ не останавливаюсь на полъ-дорогѣ, а иду до конца. Толстой возставалъ противъ техники, но признавалъ ее въ видѣ плуга или садовыхъ ножницъ. У него не было руководящаго принципа,который далъ бы возможность обосновать отрицаніе на солидномъ фундаментѣ. Получалось признаніе того же, что признаетъ современная культура, только сортомъ похуже.Какъ и вообще все его опрощеніе: то же самое, что въ городѣ, но гораздо неряшливѣе.

— А...-у васъ? У васъ... есть?

— А о своемъ исходномъ пунктѣ я сейчасъ вамъ и разскажу. Погодите... Вы, кажется, спите?

— Я? Нѣтъ...

Корягинъ испуганно открылъ глаза.

— Заговорилъ несчастнаго! Ну, спите, голубчикъ, спите. Потомъ какъ-нибудь доскажу.

Виновато улыбаясь, Алексѣй Петровичъ тихо вышелъ, осторожно прикрылъ за собою дверь.

XXIII.

Никаноръ Андреевичъ спалъ долго, часа три. И,опять— прилипчивый и отвратительный сонъ. Опять — въ Россіи.

Ходитъ онъ гдѣ-то по мастерской совѣтскаго завода. Визжатъ сверла. Мелькаютъ ремни. Съ рѣзкимъ звономъ падаютъ на полъ отточенныя у концовъ оси. И, вдругъ, навстрѣчу Орловскій.

— Смотрите... — шепчетъ тотъ, злобно показывая на машины. — Сейчасъ начнется...

Онъ вглядывается и видитъ: дѣйствительно, протягивается изъ машины желѣзная рука. Тянется къ стоящему рядомъ рабочему. Хватаетъ.

— Мама! — дѣтскимъ голосомъ кричитъ рабочій. И исчезаетъ въ машинѣ. А отовсюду, вокругъ, новыя руки. Спускаются сверху, съ трансмиссіонныхъ валовъ, вытягиваются изъ угловъ, изъ-подъ суппортовъ. Вокругъ шумъ, топотъ ногъ. Вооруженные топорами люди отбиваются, вскакиваютъ на машины, лѣзутъ наверхъ по ремнямъ. Орловскій ходитъ, радостно потираетъ руки.

— Вотъ онъ! — стоя въ дверяхъ, тихо говоритъ кто-то. И Никаноръ Андреевичъ знаетъ, что арестъ неминуемъ. Надо бѣжать. Сбоку есть дверь. Можно проскользнуть. Почему, только, къ башмаку прицѣпился колѣнчатый валъ? Бьетъ по ногѣ, по бедру. Все равно. Бѣжать!

На время все исчезаетъ. Проваль. А затѣмъ — квартира. Сырая, темная. Въ комнатѣ пусто. Сидитъ за столомъ Полтавцевъ, любовно перелистываетъ рукопись.

— Я въ Россіи? — со страхомъ спрашиваетъ Никаноръ Андреевичъ. — Опять сдѣлалъ глупость, пріѣхалъ. Въ прошлый разъ было хорошо: только сонъ. Теперь же никакого сна. Дѣйствительность.

Въ дверяхъ неожиданно — Леночка. Стоитъ съ куклой въ рукѣ. На головѣ шляпка. И слышится ея осторожный шепотъ:

— Никаноръ Андреевичъ, вы спите?

А правда: можетъ быть, онъ спитъ?

— Константинъ Александровичъ, а если опять сонъ? Могу я проснуться?

— Попробуйте.

Старикъ нагибается къ столу, читаетъ. Леночка исчезла. Опять проваль. Ничего нѣтъ. Но, вотъ, на лѣстницѣ шаги.

— За мной?

Корягинъ мечется по комнатѣ. Выпрыгнуть въ окно? Но тамъ чекисты. Забиться въ уголъ! Въ углу темно. Занавѣска Нѣтъ, найдутъ. Колѣнчатый валъ увидятъ. Лучше проснунься.

Онъ дѣлаетъ страшное усиліе. Со стономъ встряхиваетъ себя, взмахиваетъ руками, старается сбросить валъ...

— Не туда проснулся!

Вокругъ незнакомый городъ. Европейскій, должно быть. Стоятъ по бокамъ громадныя зданія. Снуютъ прохожіе. Автомобили. Какой городъ? Чей? Не Парижъ. А какъ вернуться въ Парижъ? Попробовать снова?

— Никаноръ Андреевичъ, проснитесь! — ободряя его, кричитъ Константинъ Александровичъ.

— Да, да... Проснусь... Обязательно.

— Докторъ пришелъ!

— А? Что?

Онъ испуганно открылъ глаза. Наконецъ-то! Обои съ голубыми цвѣточками. Карта Парижа. Ласково склонившееся лицо Полтавцева. И въ дверяхъ фигура француза-врача, держащаго въ рукѣ небольшой саквояжъ.

— Я сейчасъ... Сію минуту... Заснулъ немного...

Докторъ внимательно осмотрѣлъ больного, попробовалъ пульсъ, заставилъ измѣрить температуру и, сдѣлавъ перевязку, ушелъ въ комнату Константина Александровича писать рецептъ.

— Вы ужъ не сердитесь на меня, Ольга Федоровна, — виноватымъ тономъ проговорилъ Никаноръ Андреевичъ, смущенно слѣдя за тѣмъ, какъ Полтавцева приводитъ въ порядокъ комнату послѣ визита врача.
— Я доставляю вамъ столько хлопотъ...

— Пустяки. Пожалуйста объ этомъ не говорите.

Она окончила уборку, сѣла на стулъ возлѣ кровати, вздохнула. И, вдругъ, какъ-то дѣланно-пренебрежительно произнесла:

— А вы знаете, Леночки уже у насъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

Онъ въ изумленіи приподнялся.

— Только что пріѣзжала мать. Нашлась, наконецъ.

— Вотъ такъ такъ! А со мной не попрощалась?

— Дѣвочка заходила къ вамъ, но увидѣла, что спите, и не хотѣла будить.

— Обѣщала, по крайней мѣрѣ, зайти?

— Ничего не сказала. Вообще, такъ обрадовалась, что потеряла голову. Ну, а мать...

Ольга Федоровна выразила на лицѣ презрѣніе.

— Вообще удивительные люди теперь пошли. Я,

конечно, не желала никакихъ изъявленій благодарности. Однако,эта особа не только не поблагодарила, но все время говорила о томъ, что дочь похудѣла, осунулась, что, навѣрно, плохо ѣла и плохо спала. Вы мнѣ скажите: развѣ я ее скверно кормила?

Голосъ Полтавцевой дрогнулъ.

— Ну, вотъ... дѣйствительно! Вы къ Леночкѣ относились совсѣмъ какъ къ родной. Баловали даже.

— Баловать-то дѣтей я не люблю, это простите. Но что она могла похудѣть отъ недоѣданія — ложь. Затѣмъ,уходя, эта госпожа даже не выразила желанія еще разъ встрѣтиться. Я бы все равно къ ней не пошла, будьте покойны, но элементарное приличіе...

— Обидно, обидно... — грустно пробормоталъ Корягинъ. — Судя по Леночкѣ, я думалъ, что мать тоже будетъ симпатичной. А адресъ оставила?

— Ровно ничего. Приняла, какъ должное,и ушла. Ну, да Богъ съ ней. Не желаю вспоминать. А вамъ, какъ говоритъ докторъ, недѣлю — двѣ придется, все-таки, пролежать въ кровати. Онъ предложилъ перевезти васъ въ больницу, но я отказалась. Хотя сейчасъ и есть небольшой жаръ, но, по его словамъ, никакой опасности. Просто отъ впрыскиванія. Прошу только объ одномъ: исполнять все, что я буду говорить. Слышите?

— Вы очень добры ко мнѣ, Ольга Федоровна, — растроганно отвѣтилъ онъ. — Повѣрьте, я человѣкъ стараго поколѣнія. Умѣю быть признательнымъ... Дайте вашу ручку, большое спасибо.

Она снисходительно протянула руку.

— Не нужно никакихъ благодарностей, терпѣть не могу. Но вы, конечно, не такой, какъ всѣ эти... молодые. Я васъ достаточно оцѣнила.

XXIV.

Черезъ недѣлю докторъ разрѣшилъ вставать съ постели, при условіи, однако, не ходить много по квартирѣ. Синякъ на бедрѣ изъ бураго сдѣлался фіолетовымъ, прежней ноющей боли уже не было. Ссадина у колѣна тоже начала заживать.

Ольга Федоровна проявляла къ больному много трогательнаго вниманія. Хотя обращалась сурово, не терпѣла возраженій, но дѣлала все, чтобы облегчить его положеніе. Приносила утренній кофе, обѣдъ, ужинъ, слѣдила за пріемомъ лекарствъ, давала газету и книги для чтенія. Константинъ Александровичъ послѣ службы тоже часто заходилъ, бесѣдовалъ о политикѣ, о событіяхъ дня, разсказывалъ о случаяхъ изъ далекаго прошлаго. Но о Леночкѣ обиженные старики не вспоминали. И Корягинъ ихъ вполнѣ понималъ. Ему тоже было досадно: сначала думалъ, что все это—недоразумѣніе,что мать и дочь,обрадованныя встрѣчей, просто забыли объ остальныхъ. Но, вотъ, уже недѣля, а о нихъ ни слуху ни духу. Если не мать,то хотя бы Леночка могла навѣстить, узнать, какъ здоровье. Небось, когда пришлось бѣжать отъ отца, пріѣхала одна, даже ночью.

Въ связи съ этимъ разочарованіемъ все чаще и чаще стала возникать мысль уѣхать изъ Парижа вмѣстѣ съ

Орловскимъ. На заводъ возвращаться не хотѣлось; всякая другая работа, въ силу незнанія языка, тоже будетъ нелегкая, навѣрно, физическая. А въ такомъ случаѣ, не лучше-ли сидѣть на виноградникѣ или заниматься цвѣтоводствомъ?

А тутъ еще Алексѣй Петровичъ со своей теоріей. И такъ у Никанора Андреевича ко всѣмъ завоеваніямъ науки и техники было какое-то недовѣрчиво-ироническое отношеніе. Хотя онъ никогда не возводилъ этого недовѣрія въ принципъ, не углублялся въ вопросъ настолько, чтобы дать себѣ отчетъ, откуда подобное пренебреженіе, но взгляды Орловскаго, во всякомъ случаѣ, попали на благопріятную почву. Когда Константинъ Александровичъ не мѣшалъ и можно было поговорить наединѣ, онъ самъ начиналъ бесѣды на эти темы. Орловскій же, которому послѣ отъѣзда невѣсты приходилось по вечерамъ сидѣть дома, охотно проводилъ время съ больнымъ.

Прошла уже вторая недѣля. Однажды, сидя за вечернимъ чаемъ въ комнатѣ Никанора Андреевича, они опять разговорились о томъ же. Ольга Федоровна въ столовой вязала светтеръ, Константинъ Александровичъ читалъ газету.

— Ну, хорошо, — спрашивалъ Корягинъ, продолжая бесѣду. — А математика? Развѣ математика не величайшее достиженіе ума?

— Отъ математики-то всѣ науки и получаютъ ложное направленіе, — мѣшая ложечкой чай, съ увлеченіемъ началъ развивать свои мысли Орловскій. — Если хотите знать правду, вся наша математика ложь. Откуда она получилась? Отъ измѣренія. А чѣмъ мы измѣряемъ пространство? Измѣрительными приборами, то-есть мертвыми предметами, а не своими собственными живыми органами. Математика вообще клевета на природу, на человѣческій организмъ, на самого Бога. Для человѣка, взятаго самого по себѣ, безъ внѣш-

нихъ орудій измѣренія, нѣтъ истинъ равенства единицъ, равномѣрности и равнозначности пространства. Только употребленіе орудій, накопленіе вещей и замѣна своихъ собственныхъ органовъ предметами чуждаго міра создаетъ математическое измѣреніе пространства. Для организма одинъ километръ пространства никогда не равенъ другому. Онъ таковъ только для измѣрительнаго инструмента, который самъ не живетъ, и самъ не ходитъ. Перепрыгнуть канаву въ два метра шириной это не вдвое больше, чѣмъ перепрыгнуть ширину въ одинъ метръ.

— Такъ, такъ, любопытно... Мы, вотъ, привыкли всѣ считать математику самой точной наукой. И, вдругъ... Ну, а физика? Химія?

— Если принять мое утвержденіе, что математическое измѣреніе не совпадаетъ съ нашей біологической конструкціей, то и всѣ остальныя науки должны идти по ложной дорогѣ, — увѣренно отвѣтилъ Алексѣй Петровичъ. — Почему, скажите пожалуйста, не только въ біологіи или въ наукахъ о духѣ, но даже въ физикѣ происходятъ революціи противъ старыхъ міровоззрѣній? Сначала господствуетъ свѣтовая теорія истеченія, затѣмъ рушится, замѣняется волнообразной теоріей, затѣмъ эта, въ свою очередь, рушится, опять начинается возвратъ къ прежнимъ взглядамъ. А химія съ превращеніемъ элементовъ? А уничтожаемость матеріи въ радіоактивности? Устарѣваніе физическихъ законовъ, противорѣчія, смѣна теорій — все это показываетъ, что тутъ въ корнѣ что-то неладно. А когда вы перейдете къ біологіи и дальше, то здѣсь, въ концѣ концовъ, не только не найдете никакой точности, но полный хаосъ теорій и взглядовъ. Вся ученость спеціалистовъ состоитъ только въ томъ, чтобы знать какъ можно больше противоположныхъ мнѣній различныхъ авторитетовъ науки.

Орловскій допилъ чай, налилъ снова и продолжалъ:

— Вообще, если связать это съ тѣмъ, что я говорилъ вамъ раньше, то можно сказать такъ: всѣ орудія, созданныя нами въ борьбѣ за существованіе, — не что иное, какъ протезы тѣла. Всѣ же наши отвлеченныя научныя истины — протезы духа. Истинное познаніе должно пріобрѣтаться вовсе не при помощи инструментовъ для измѣренія и не при помощи математики, а совершенно иначе. Въ нѣдрахъ нашей души таятся тѣ же неисчерпаемыя возможности для расширенія непосредственнаго познанія, какъ въ каждой клѣткѣ организма способность къ совершенствованію органовъ. Но, какъ употребленіе искусственныхъ вещей остановило въ насъ эволюцію органовъ и сдѣлало инвалидами, такъ и мертвое физико-математическое научное мышленіе погубило истинную эволюцію познанія. Мы всѣ думаемъ, исходя изъ математической лжи, что познаніе нужно начинать съ движенія и матеріи и необъяснимый остатокъ послѣднихъ называть жизнью. Я же скажу: начинать научное познаніе необходимо именно съ жизни, и если будетъ отъ нея остатокъ, можно называть этотъ остатокъ какъ угодно, но не дѣлать его основнымъ качествомъ міра и исходнымъ пунктомъ науки.

— Я, можетъ быть, сдѣлаю скачекъ въ другую область, — выслушавъ Орловскаго, нерѣшительно замѣтилъ Корягинъ, — но возьмите вы, напримѣръ, всю эту арифметику въ парламентахъ. Или вообще подсчеты при голосованіяхъ. Какая ерунда! Будто арифметикой голосовъ можно опредѣлить настроеніе страны. Однако, что касается физики, механики или химіи, то здѣсь, по-моему, вы слишкомъ того. Ну, хорошо: а какже тогда земледѣльческія орудія? Вотъ, вы будете въ имѣніи копать землю лопатой. Пахать, пользоваться граблями. Это, вѣдь, тоже техника?

— Да, конечно, — печально согласился Орловскій. — Буду потому, что отказаться отъ орудій въ нынѣшнемъ нашемъ положеніи уже все равно нельзя. Но помнить о томъ, что мы стоимъ на ложномъ пути — необходимо. Я считаю, что когда первобытный человѣкъ впервые, вмѣсто развитія своихъ собственныхъ органовъ, взялъ въ руки первый камень, первый рычагъ, первое колесо — онъ совершилъ грѣхопаденіе. Было время, когда этотъ человѣкъ, близкій Богу, носилъ въ своемъ тѣлѣ и духѣ все, что давало право на жизнь. Сильныя руки, вѣрный глазъ, быстрыя ноги и безпредѣльную способность передавать изъ рода въ родъ новые признаки въ организмѣ, которые дѣлали жизнь безопаснѣе, удобнѣе, совершеннѣе.

Передъ человѣкомъ, въ общемъ, стоялъ безконечный путь совершенствованія. Медленный, тяжелый, полный опасностей, какъ опасна сама природа, однако обѣщавшій переходъ на высшую органическую ступень. Но, вотъ, вмѣсто всего этого, получилось постыдное бѣгство съ поля сраженія. Первая сломанная вѣтка, взятая въ руки, какъ орудіе въ борьбѣ съ врагомъ, первый камень, обращенный въ топоръ, были измѣной тѣлу и обманомъ Бога. Отступленіе отъ завѣта природы потянуло къ другимъ обманамъ: вмѣсто закаленія и приспособленія внѣшнихъ покрововъ къ защитѣ отъ дождя и холода — шкуры убитыхъ звѣрей, шалаши изъ сухихъ сучьевъ, вырытыя ямы въ землѣ. Измѣной ногамъ — колеса и прирученные звѣри.

Этотъ успѣхъ, равнаго которому никогда больше человѣкъ не испытывалъ впослѣдствіи, дѣйствительно, поднялъ его надъ другими живыми. Грѣхопаденіе было сладко, головокружительно. Оно принесло новую мудрость, какъ бы истинное различеніе добра и зла. Создавъ вмѣсто новыхъ органовъ внѣшнія вещи, которыя давали возможность полу-

чить совершенство немедленно, человѣкъ уже не нуждался въ органической эволюціи. Порывъ къ развитію тѣла, которымъ полна каждая клѣтка, сталъ потухать — онъ оказался излишнимъ. Человѣкъ промѣнялъ вѣрность Богу на дьявола, предпочелъ внѣшнія мертвыя вещи самому себѣ. И великое міровое развитіе, живущее во всемъ живомъ, прокляло человѣка, осудивъ его въ союзѣ съ проклятой машиной добывать хлѣбъ свой и въ болѣзняхъ продолжать родъ. Человѣчество тѣшитъ себя иллюзорнымъ совершенствомъ, запутывается въ противорѣчіяхъ, рушитъ то, что само строитъ, чтобы начать снова, и тщетно старается наполнить до краевъ бочку Данаидъ, которую называетъ прогрессомъ.

Орловскій всталъ, собираясь идти къ себѣ. Никаноръ Андреевичъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на него: вотъ до чего можетъ довести человѣка работа на заводѣ! Неужели и онъ, Корягинъ, тоже дошелъ бы до отрицанія науки, техники, жилищъ и одежды, если бы проработалъ нѣсколько лѣтъ?

— Вы уже идете?

— Да. Завтра рано вставать, дѣла. Боюсь, что до отъѣзда не успѣю всего сдѣлать.

— Жаль. Между прочимъ... Подождите минутку.

Корягинъ подошелъ къ столу, выдвинулъ ящикъ, вынулъ изъ него бумажникъ.

— Вотъ что, Алексѣй Петровичъ, — проговорилъ онъ съ подчеркнутой рѣшимостью въ голосѣ. — Я эти дни много думалъ о переѣздѣ къ вамъ въ имѣніе и пришелъ къ заключенію, что условія, о которыхъ писали ваши компаньоны, вполнѣ подходящи.

— Въ самомъ дѣлѣ? Значитъ, поѣдете?

— Поѣду. Хватитъ съ меня Парижа. Итакъ, двѣ тысячи я вкладываю въ дѣло, а до мая работаю у васъ въ качествѣ наемнаго рабочаго. Вѣрно?

— Да. Комната, продовольствіе и двѣсти франковъ.

— Въ такомъ случаѣ, извольте. Вотъ одна тысяча, вотъ другая. По рукамъ?

— Очень радъ, очень радъ, — дружески отвѣтилъ на торжественное рукопожатіе новаго компаньона Алексѣй Петровичъ. — Надѣюсь, что дѣло пойдетъ. Завтра поговоримъ о деталяхъ.

Онъ спряталъ деньги, вышелъ изъ комнаты. Корягинъ проводилъ его по корридору, поговорилъ еще немного возлѣ дверей и, возвращаясь назадъ, увидѣлъ выглянувшаго изъ столовой Полтавцева.

— Никаноръ Андреевичъ, погодите, — произнесъ старикъ, роясь въ карманахъ пиджака. — Я долженъ передать вамъ письмо.

— О чемъ же ты думалъ раньше, Константинъ? — послышался недовольный голосъ.

— Забылъ, Оленька. Вотъ.

Корягинъ поблагодарилъ Полтавцева, пожелалъ черезъ дверь спокойной ночи Ольгѣ Федоровнѣ и отправился къ себѣ. — Отъ кого письмо? Любопытно. Французская марка...

Онъ разорвалъ конвертъ, развернулъ листокъ голубой бумаги и прочелъ:

«Многоуважаемый Никаноръ Андреевичъ. Простите, что до сихъ поръ ни я ни Лена васъ не повидали. У меня масса дѣла, а дѣвочку боюсь выпускать одну изъ дома, вы догадываетесь, почему. Если поправились, загляните къ намъ въ одинъ изъ ближайшихъ вечеровъ, буду рада. Если еще больны, напишите, мы зайдемъ какъ-нибудь навѣстить. Адресъ прилагаю. Кланяйтесь вашей сердитой квартирной хозяйкѣ.

Уважающая васъ В. Павлова.»

XXV.

Черезъ нѣсколько дней Орловскій уѣхалъ, взявъ съ собой деньги Корягина и обѣщавъ сообщить съ юга о началѣ работъ въ имѣніи.

На леченіе и на жизнь за время болѣзни вышло около двухъ тысячъ франковъ. Оставалось немного болѣе тысячи, и на этотъ остатокъ нужно было пріобрѣсти новый костюмъ, кое-что изъ бѣлья, прожить до отъѣзда и заплатить за билетъ.

Окончательно поправившись и начавъ уже выходить изъ дому, Никаноръ Андреевичъ колебался нѣкоторое время: ѣхать ли съ визитомъ къ Павловой. Хотя послѣ полученія письма обида прошла, но особеннаго желанія познакомиться уже не было. Кромѣ того, удерживала боязнь навлечь на себя недовольство Ольги Федоровны: заставивъ Корягина показать письмо Вѣры Сергѣевны и прочитавъ въ немъ слова «кланяйтесь вашей сердитой квартирной хозяйкѣ», Полтавцева почувствовала себя настолько оскорбленной, что попросила въ самой категорической формѣ никогда больше не говорить съ ней ни о Леночкѣ, ни объ ея матери.

Однажды вечеромъ, сказавъ старикамъ, что необходимо по дѣлу навѣстить одного изъ бывшихъ сослуживцевъ по заводу, Корягинъ тщательно побрился, надѣлъ въ первый

разъ купленный на-дняхъ за триста франковъ сѣрый костюмъ и отправился къ Павловымъ.

— Жаль будетъ, если не застану, — съ волненіемъ думалъ онъ, поднимаясь по узкой деревянной лѣстницѣ скромнаго отеля въ районѣ Итали. — Лучше было заранѣе написать, предупредить.

Занятый этими мыслями, онъ миновалъ нѣсколько поворотовъ, дошелъ до самой верхней площадки и вспомнилъ, что забылъ отсчитать этажи.

— «Quatrième à gauche»... — всплыли въ памяти слова консьержки. — А гдѣ этотъ quatrième? Трудно имъ обозначать этажи? Или номера ставить?

Онъ спустился внизъ, до первыхъ ступенекъ, и опять началъ подниматься. Второй, значитъ, первый. Третій — значитъ, второй. Вотъ этотъ. A gauche.

— Никаноръ Андреевичъ! — радостно взвизгнула Леночка, открывъ дверь. — Мамочка! Никаноръ Андреевичъ!

Она бросилась къ гостю, схватила за руки, начала радостно трясти, подпрыгивая на мѣстѣ.

— Наконецъ вы пришли! Слава Богу!

— Здравствуй, дорогая, здравствуй, — прижавъ къ груди голову Леночки и цѣлуя ее въ волосы, весело проговорилъ онъ. — Вотъ, видишь, поправился.

— Нога совсѣмъ не болитъ?

— Хожу понемногу.

Въ узкій длинный корридоръ, слабо освѣщенный тусклой электрической лампочкой, изъ одной комнаты высунулась сѣдая женская голова и скрылась. Затѣмъ, изъ другой комнаты выглянули сразу двѣ головы — мужская и женская — и тоже скрылись. Наконецъ, изъ третьей вышла молоденькая худенькая дама съ дымящейся папиросой во рту и, на

ходу поправляя коротко стриженые волосы, удивленно спросила:

— Леночка... Въ чемъ дѣло?

— Ты не видишь? Никаноръ Андреевичъ!

— Позвольте представиться...

Корягинъ солидно поклонился. Отчетливо, но съ достаточной скромностью въ голосѣ, произнесъ свою фамилію.

— А! Очень рада, — не выпуская папиросы изо рта и равнодушно протягивая руку, отвѣтила Павлова. — Идемте ко мнѣ. Лена, перестань бѣситься, пожалуйста.

Комната у нихъ была небольшая, бѣдно обставленная. Огромная кровать, на которой спали вмѣстѣ мать съ дочерью, занимала почти половину всего помѣщенія. Возлѣ диванчика, на столикѣ, покрытомъ цвѣтной скатертью, стоялъ закопченный металлическій чайникъ. Вокругъ него — чашки, огрызки хлѣба, тарелка съ нѣсколькими кусками сахара.

— Кладите шляпу на кровать и садитесь къ столу. Лена, достань чашку. Предупреждаю только: стулья у насъ паршивые, едва держатся на ногахъ.

Она сѣла на диванъ, заложила ногу за ногу и, продолжая курить, небрежнымъ взглядомъ окинула неуклюжую фигуру гостя.

— Да, ужъ...Въ бѣженскомъ обиходѣ такіе стулья обычная вещь,—усмѣхнулся онъ, осторожно садясь.—А я, вотъ, какъ только поправился, рѣшилъ нанести вамъ визитъ. Мы съ Леночкой сдѣлались большими друзьями.

— Да, знаю. Она у меня вообще очень общительная. Даже черезчуръ. Иногда такія знакомства заводитъ, ужасъ. Ну, а какъ съ вашимъ аксиданомъ? Все уже зажило?

— Спасибо. Никакихъ послѣдствій, какъ будто.

— Судя по тому, что говорила она,вы здорово продеше-

вили. Что за деньги — пять тысячъ? Ерунда. Содрать нужно было, какъ слѣдуетъ. Лена, ну какъ дѣла съ чаемъ?

— Я сейчасъ. Вымою чашку.

Видя, что гость довольно застѣнчивъ и молчаливъ, Павлова стала говорить сама. Сначала о томъ, что сейчасъ у нея много хлопотъ — нужно заранѣе сшить кое-что Леночкѣ передъ отправленіемъ ея въ Бельгію. Затѣмъ о томъ, что слѣдуетъ перемѣнить квартиру, такъ какъ сосѣди невыносимые. Въ одной комнатѣ двѣ старыя дѣвы. Въ другой — подозрительная мидинетка. Въ третьей — казакъ-рабочій съ женой француженкой. Старухи ложатся спать въ девять часовъ, поднимаютъ скандалъ при малѣйшемъ шумѣ. Мидинетка вѣчно споритъ изъ-за утюга. Казакъ съ женой въ послѣднее время каждый вечеръ ссорится, причемъ она ни слова не понимаетъ по-русски, а онъ точно такъ же не говоритъ по-французски. Вообще, какъ имъ удалось полюбить другъ друга, а главное — вступить въ настоящій законный бракъ, непостижимо.

Теперь, когда Вѣра Сергѣевна, сидя за столомъ, разсказывала о неудобствахъ своей квартиры, Корягинъ могъ подробно разглядѣть ея лицо. Предположенія относительно внѣшняго вида вполнѣ оправдались. Хотя не блондинка, а брюнетка, но очень хорошенькая, гораздо интереснѣе продавщицы возлѣ завода. На видъ нельзя дать больше тридцати. Жаль только: красивые черные глаза окружены излишней темнотой, очевидно подведены. И губы ярко накрашены.

— Если у васъ нѣтъ ничего другого на примѣтѣ, можно было бы, пожалуй, устроиться у нашей хозяйки, — выслушавъ жалобы на сосѣдей, нерѣшительно предложилъ Корягинъ. — У насъ на-дняхъ освободилась отличная комната. Хотя... кажется, тоже мала.

Онъ вспомнилъ объ отношеніи Полтавцевой къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ и сразу смолкъ.

— У васъ? О, нѣтъ. Благодарю покорно. — Павлова презрительно разсмѣялась. — Даже если бы была вполнѣ удобной, я бы все равно не взяла. Во-первыхъ, на лѣстницѣ у васъ кошками воняетъ, входъ хуже нашего. А, во-вторыхъ, хозяйка настоящая вѣдьма.

— Вѣдьма? Почему же... По-моему, наоборотъ.

— Ну, да, наоборотъ! Прихожу къ ней за дочерью, спрашиваю: «не вы ли здѣсь квартирная хозяйка?» А она со злостью отвѣчаетъ: «я не квартирная хозяйка, ажена дѣйствительнаго статскаго совѣтника...» Прямо изумляюсь, какъ могъ прожить у этой фуріи столько времени мой несчастный ребенокъ!

— А я ее люблю, — возясь возлѣ газовой плиты и прислушиваясь къ разговору, вмѣшалась, вдругъ, Леночка. — Она мнѣ всегда варенье давала.

— Не буду спорить, конечно, — ободренный замѣчаніемъ дѣвочки и стараясь не придавать своему голосу оттѣнка обиды, мягко началъ возражать Никаноръ Андреевичъ. — Но, повѣрьте, Ольга Федоровна все время старалась, насколько возможно, облегчить вашей дочери пребываніе у насъ. Кромѣ того, ходила съ ней въ префектуру. Мужъ ея сдалъ объявленіе...

— Что жъ изъ этого? Ясно, что хотѣла поскорѣе отвязаться. На ея мѣстѣ каждая эгоистка такъ поступила бы. А что касается префектуры,то извиняюсь:когда я вернулась изъ Виши, куда ѣздила по порученію мезона, одна подруга передала мнѣ письмо отъ сестры. Изъ него я узнала, что дочь находится въ Парижѣ, и сейчасъ же заявила въ полицію. Лена, газъ не забыла закрыть?

— Все закрыла. И внизу и наверху.

Дѣвочка осторожно поставила чайникъ на столъ, дѣловито направилась къ шкапчику.

— Мамочка, а печенья достать для Никанора Андреевича? У насъ еще есть семь штукъ.

— Достань, конечно. А больше ничего нѣтъ?

— Есть шоколадъ, который ты мнѣ подарила. Половинку я уже съѣла, но ничего.

— Видите, какимъ расположеніемъ вы пользуетесь? — Вѣра Сергѣевна улыбнулась и дружески взглянула на гостя, чувствуя, что своимъ отзывомъ о Полтавцевой привела его въ еще большее смущеніе. — Для милаго дружка ничего не жаль. А кстати, разскажите, какъ вы ее отбили отъ этого нахала? Большой скандалъ, кажется, устроилъ?

— Кто... простите?

— Да мой муженекъ. Лена говорила, будто ее больше всего ваша хозяйка защищала. Но я думаю, что тутъ дѣло не въ защитѣ, а просто въ томъ, что онъ ея свирѣпаго вида испугался. Разскажите-ка. Лена, садись, я тебѣ тоже налью. Вамъ крѣпкій?

Чувствуя всю щекотливость положенія — вспоминать въ присутствіи дочери тягостную исторію съ отцемъ, Корягинъ кратко разсказалъ о посѣщеніи Павлова, передавая только фактическую сторону и стараясь избѣгать собственной оцѣнки происшедшаго. Вѣра Сергѣевна съ любопытствомъ слушала, кивала головой и, когда тотъ окончилъ, негодующе воскликнула:

— Ну, еще бы! Попробовалъ бы обратиться въ полицію! Въ прошломъ году въ Palais de Justice на консильясіонѣ судья, кажется, вполнѣ опредѣленно присудилъ дѣвочку мнѣ. Хотя временно, пока не состоится процессъ, но все-таки. Вообще, удивительный субъектъ, безъ стыда и совѣсти. Я не увѣрена, что онъ и сейчасъ не готовитъ намъ какой-нибудь

пакости. Изъ-за него боюсь дочь даже на улицу выпускать.

— Мама, а помнишь, мы его видѣли недавно вмѣстѣ со своей amie? И они были въ синема и мы.

— Замолчи, не твое дѣло. А, главное, подумайте, какое свинство: самъ открыто появляется вездѣ съ любовницей, живетъ съ нею въ одной квартирѣ, а на ребенка заявляетъ претензіи. Увѣрялъ недавно нашихъ общихъ знакомыхъ, что скоро получитъ большія деньги за проданное имѣніе въ Польшѣ и тогда не пожалѣетъ ничего, чтобы выиграть процессъ.

— Какъ будто, я такая маленькая, что меня можно удержать, — снова вмѣшалась Леночка. — Дурачекъ!

— Лена! Не смѣй такъ выражаться о своемъ отцѣ! Да и вообще, ну его въ болото... — презрительно закончила Павлова, замѣтивъ, что гость опустилъ глаза къ чашкѣ съ чаемъ. — Не стоитъ вспоминать обо всей этой грязи. Разскажите лучше, какъ ваши дѣла. Продолжаете послѣ болѣзни служить на заводѣ?

— Нѣтъ, заводъ я бросилъ, — поднявъ голову, радостно отвѣтилъ Корягинъ. — Ужъ очень, знаете, нудная и противная работа.

Опасаясь того, чтобы разговоръ опять не перешелъ на прежнія темы, онъ подробно началъ излагать свои впечатлѣнія. Указалъ на безсмысленность стоянія возлѣ станка, вспомнилъ нѣсколько выраженій Орловскаго относительно порабощенія машиной человѣческой личности. И въ подтвержденіе привелъ характеристику большинства бывшихъ коллегъ рабочихъ: почти всѣ угрюмы, замкнуты, рѣдко на лицѣ встрѣтишь улыбку. А что самое опасное — начинаютъ терять интересъ къ культурнымъ запросамъ.

— И, главное, вѣдь, гроши получаютъ, — сочувственно добавила со своей стороны Вѣра Сергѣевна. — Ну, а ты

теперь что-нибудь подыскиваете новое? Навѣрно, послѣ леченія кое-что осталось отъ пяти тысячъ?

— Да, конечно. Я рѣшилъ ѣхать на югъ, на ферму. Сговорился съ однимъ пріятелемъ.

— Какъ? Вы уѣзжаете? — испуганно воскликнула Леночка. — Совсѣмъ?

— Да, совсѣмъ. Буду работать на землѣ. За виноградникомъ ухаживать, за цвѣтами.

— По-моему, это напрасно, — пренебрежительно проговорила Павлова, разглядывая дешевенькій галстухъ собесѣдника, отливавшій голубымъ и коричневымъ цвѣтомъ. — Подобныя затѣи въ провинціи всегда кончаются крышкой. И деньги вы спустите и сами пропадете.

— Нѣтъ, мы васъ не пустимъ! — Леночка придвинула свой стулъ ближе, схватила Никанора Андреевича за рукавъ. — Вы останетесь здѣсь и будете ходить къ намъ въ гости. Мамочка, правда? Или поѣзжайте въ октябрѣ, когда я уѣду въ пансіонъ. А на Рождествѣ вернетесь.

— Посмотримъ, посмотримъ... Ну, хорошо: а чего я могу добиться въ Парижѣ? — съ горькой усмѣшкой обратился онъ къ Павловой. — Посудите сами: спеціальности выгодной нѣтъ, языка какъ слѣдуетъ не знаю. А потомъ... очень ужъ шумно. Слишкомъ много народу и вообще всей этой никчемной технической культуры.

— Скажите, пожалуйста: шумно!.. А театры? Архитектура? Неужели вамъ это не нравится?

— Зданія-то есть прекрасныя, вѣрно. Нотръ Дамъ, Опера, Мадлэнъ... Но суета за-то противна. По-моему, въ городахъ во всемъ мѣра должна быть соблюдена: и въ передвиженіи, и въ количествѣ населенія, и въ освѣщеніи. А, между тѣмъ, посмотрите, что дѣлается. Пѣшеходы снуютъ безъ конца. Толчея, давка. Боишься плечомъ сосѣда задѣть,

на башмакъ наступить. Улицу перейти нельзя: автомобили хрюкаютъ со всѣхъ сторонъ. По вечерамъ на бульварахъ голова отъ иллюминаціи кружится. Одна вывѣска вертится, другая вспыхиваетъ, третья подмигиваетъ...

— Это, конечно, иногда утомительно. Но за то какъ шикарно! Я вообще обожаю Парижъ. Жизнь кипитъ, масса блеска. А на Эйфелеву башню лазили?

— Нѣтъ, не пришлось.

— Тоже, навѣрно, презираете?

Она снисходительно разсмѣялась.

— Нѣтъ, зачѣмъ презирать. Но, дѣйствительно, не нравится. Смотришь и думаешь: съ какой стати стоитъ? Въ первый разъ, помню, когда пріѣхалъ и взглянулъ, сразу почувствовалъ,что въ ней-то и выражаются всѣ достиженія современной демократіи.

— Мамочка... А съ Эйфелевой башни можно увидѣть Россію?

— Нѣтъ, нельзя. Не мѣшай. А при чемъ демократія, я не понимаю?

— А, вотъ, въ этомъ самомъ... Въ характерѣ постройки. Настоящій демократическій идеалъ: вознестись вверхъ, безъ всякаго на то основанія, забраться какъ можно повыше, несмотря на пустоту. Между тѣмъ, сравните съ нею настоящую архитектуру стараго времени! Когда строились каменные памятники какіе-нибудь, сразу становилось ясно, что человѣческія усилія и талантъ съ большими жертвами поднимаются къ небу. Камень — благородная вещь. Его безъ труда не поднимешь. Ну, а эта фитюлька изъ желѣзныхъ перекладинъ — просто выскочка. Лучше бы, по моему, ея наготу картономъ прикрыли. Все таки солиднѣе вышло-бы.

— Ого, да я вижу, вы настоящій пессимистъ! — весело проговорила Павлова, съ любопытствомъ взглядывая на

гостя, отъ котораго никакъ не ожидала такихъ оригинальныхъ мыслей. — Дайте чашку, я налью.

— Благодарю васъ.

— Мама, а что такое пессимистъ?

— Пессимистъ, это — кто на все ворчитъ и ничего не любитъ. Извольте. А вотъ сахаръ.

— Благодарю васъ.

— Нѣтъ, Никаноръ Андреевичъ совсѣмъ не пессимистъ. Онъ хорошій, я его люблю. Мы пойдемъ съ вами въ синема, правда?

Пальцы Леночки опять вцѣпились въ рукавъ.

— Конечно, пойдемъ.

— Сегодня, хотите? Мамочка, мы давно не ходили!

— Оставь, не приставай. Ну, а вы, напримѣръ, когда-нибудь бывали въ Лондонѣ?

— Нѣтъ, въ Лондонѣ не былъ.Но въ Константинополѣ...

— Никаноръ Андреевичъ! Уговорите маму!

— Я съ удовольствіемъ, милая. Не знаю только, какъ...

— Лена!

— Мамочка! Идемъ! Вы же можете и въ синема разговаривать!

— Не выдумывай, пожалуйста. Кромѣ того, сегодня душный вечеръ. Противно сидѣть въ закрытомъ помѣщеніи.

— А, можетъ быть, въ такомъ случаѣ, покататься? — Корягинъ нерѣшительно посмотрѣлъ сначала на дочь, затѣмъ на мать. — Въ Булонскій лѣсъ, напримѣръ?

— А какъ? Въ автобусѣ? Или на такси?

Леночка порывисто соскочила со стула.

— На такси, конечно.

— На такси — очень. Мамочка, слышишь? Онъ покатаетъ!

— Господи! Мнѣ прямо стыдно за тебя. Что подумаетъ Никаноръ Андреевичъ? Попрошайка какая-то!

— Никаноръ Андреевичъ ничего не подумаетъ. Онъ меня знаетъ. А мы отъ самаго дома возьмемъ такси? Или сначала въ метро?

— Нѣтъ, отъ самаго дома. Можетъ быть, вы, Вѣра Сергѣевна, не откажетесь? Мнѣ бы хотѣлось доставить ей удовольствіе. Да и въ такой вечеръ... Пріятно прокатиться.

— Какъ хотите. Мнѣ все равно.

— Ура! Я сейчасъ! — Леночка радостно засуетилась. — Фифи, nous allons nous promener! Ça va? А слона, котораго вы подарили, я тоже возьму. И обезьянку! Всѣ поѣдемъ! Всѣ вмѣстѣ!

XXVI.

Рѣшено было сначала покататься по городу. Автомобиль помчался по пустыннымъ улицамъ лѣваго берега, миновалъ одинъ изъ мостовъ, ворвался въ окутанный таинственнымъ полумракомъ Луврь, выѣхалъ, наконецъ, на Большіе Бульвары.

Сидя рядомъ съ Вѣрой Сергѣевной, Корягинъ былъ торжественно-празднично настроенъ. То обстоятельство, что онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ хорошенькой женщиной и въ нѣкоторомъ родѣ кутитъ, наполняло сознаніе пріятной гордостью. До сихъ поръ, за все бѣженское время, ему ни разу не приходилось безъ дѣла и безъ вещей ѣздить въ автомобилѣ, а тѣмъ болѣе въ такой интересной компаніи. Кромѣ того, онъ зналъ, что на все удовольствіе пойдетъ не больше ста франковъ, а въ бумажникѣ, какъ никакъ, было семьсотъ. Можно совершенно не безпокоиться.

Леночка сидѣла впереди и радостно ерзала, поворачивая голову то въ одну, то въ другую сторону. Вѣра Сергѣевна, видимо, тоже была довольна. Что же касается Никанора Андреевича, то, считая себя до нѣкоторой степени хозяиномъ, онъ уже окончательно отбросилъ обычную застѣнчивость, такъ сильно мѣшавшую ему въ общеніи съ дамами, и шутливо началъ разсказывать, какъ они съ Леночкой жили въ Парижѣ первые дни.

Шофферъ замедлилъ ходъ у Мадлэнъ, повернулъ къ вокзалу Сенъ-Лазаръ и направился къ площади Клиши, чтобы прокатить пассажировъ по Монмартру. Тамъ было свѣтло и шумно. Кафэ переполнены посѣтителями, на троттуарахъ веселые возгласы, женскій визгъ.

— А Булонскій лѣсъ?

Леночка недовольно взглянула на Корягина.

— Мы поѣдемъ въ Булонскій лѣсъ?

— Конечно, поѣдемъ. Скажи ему.

Они повернули назадъ. Заложивъ ногу на ногу и откинувшись на спинку сидѣнья, Вѣра Сергѣевна ожесточенно курила, глубоко, по-мужски, затягиваясь.

— Вообще большинству бѣженцевъ живется паршиво, — морщась отъ дыма, пренебрежительно продолжала она начатый разговоръ о положеніи эмигрантовъ за-границей. — Вотъ, напримѣръ, я. Чего только ни испытала. Въ Константинополѣ, въ первые дни послѣ драпа изъ Крыма,когда у мужа не было работы, пришлось служить въ ресторанѣ. Здѣсь — была сначала vendeuse, затѣмъ seconde main, манекеномъ, статисткой въ синема. Когда разошлась съ мужемъ, приходилось съ Леночкой чуть ли не голодать, лопать одну картошку съ салатомъ. А, между тѣмъ, въ Москвѣ у насъ была квартира изъ десяти комнатъ, четыре прислуги. Не вѣрится даже, когда вспомнишь все это.

— А теперь вы продолжаете служить въ кино?

— Нѣтъ, сейчасъ перестала крутить. Пришлось опять поступить въ мезонъ ливрировать вещи. Но быть статисткой въ синема, это, я вамъ скажу, тоже удовольствіе изъ среднихъ. Такая компанія, что жуть беретъ. Да вы сами понимаете: если не считать насъ, русскихъ, кто идетъ къ нимъ въ статисты и статистки? Всякіе отбросы, чуть-ли не апаши, публичныя женщины.

— Да, невеселая жизнь, — сочувственно согласился Корягинъ. — А, главное, тянешь эту самую лямку и конца не видишь. Другое дѣло, если бы сказали прямо, что пробудемъ мы здѣсь еще годъ, два, ну, пять, предположимъ. Вообще, срокъ назначили. А то какая увѣренность въ томъ, что все это не продолжится еще триста лѣтъ? Газеты успокаиваютъ, пишутъ, что конецъ близокъ, а гдѣ, между тѣмъ, конецъ?

— И конца нѣтъ, и люди всѣ изгадились, — мрачно проговорила она, сбрасывая концомъ языка приставшій къ губѣ табакъ. — Что за народъ, напримѣръ, наши бѣженцы? Ни въ комъ ни деликатности, ни искренности, ни благодарности. Всѣ норовятъ сдѣлать пакость, завидуютъ, сплетничаютъ. Если бы не дочь, я бы, честное слово, давно отправила себя на тотъ свѣтъ.

— Ну, что вы! — Онъ испуганно приподнялся. — Это, ужъ, знаете... Грѣшно говорить даже.

Увидѣвъ на лицѣ собесѣдника неподдѣльную тревогу, Вѣра Сергѣевна рассмѣялась.

— Грѣшно! — съ горькимъ пренебреженіемъ повторила она. — А развѣ мы знаемъ теперь, что грѣшно и что не грѣшно? Все равно ничего впереди нѣтъ. Однѣ только дрязги и вѣчное отсутствіе денегъ. Вы же сами только что говорили, что надежды никакой нѣтъ.

— Я этого не говорилъ, простите.

— Все равно. А если бы Леночка была у меня взрослой, я бы, дѣйствительно, ни на минуту не задумалась. Ядъ, или иначе какъ-нибудь. Подъ поѣздъ, револьверъ. Да вы сами скажите: для чего мы всѣ живемъ? Кому это надо?

— Кому? Хотя бы Россіи...

— Россіи? Ха-ха! Замѣчательно! А для чего Россіи нужно, чтобы я жила? И потомъ — что я отъ Россіи вижу

хорошаго, чтобы дѣлать для нея что-нибудь? Сказать правду, я теперь Россіи даже не люблю вовсе. Всякій французъ мнѣ ближе, чѣмъ эти подлые мужики или хулиганы рабочіе. А бабы въ платочкахъ? Страшно вспомнить!

— Ну, это вы все, такъ сказать, подъ впечатлѣніемъ... — нерѣшительно возразилъ Никаноръ Андреевичъ. — Революцію нельзя принимать въ разсчетъ, мы всѣ тогда съ ума посходили. А вообще не любить Россіи вы не можете. Просто раздраженіе. Временное.

— Мама, а зачѣмъ ты говорила, что я должна учиться для Россіи? Значитъ, я напрасно въ cahier пишу pour la Russie?

— Не говори глупостей. Ты — другое дѣло. — Вѣра Сергѣевна нахмурилась, съ размаху бросила окурокъ на улицу. — Ты маленькая. Вернешься. А я... Мнѣ уже все равно скоро въ ящикъ. Стара стала.

— Дѣйствительно, стары! — Корягинъ усмѣхнулся, осторожно взглянулъ на сосѣдку, которая при послѣднихъ словахъ сама улыбнулась. — Навѣрно вамъ сейчасъ немного не везетъ, вотъ вы и хандрите. Пройдетъ, увидите.

Они, между тѣмъ, выѣхали на Конкордъ, повернули къ Елисейскимъ Полямъ. Безчисленные фонари площади завертѣлись въ хороводѣ огней. Будто свѣтляки, закружились вокругъ автомобили, мелькая среди деревьевъ, исчезая на набережной и въ сосѣднихъ улицахъ. Потянулись ярко освѣщенныя Елисейскія Поля, прошла громада тріумфальной арки. И вскорѣ, послѣ строгихъ, погрузившихся въ сонъ, особняковъ, надвинулась темная прохлада лѣса.

Бѣлѣетъ среди выросшихъ по обѣ стороны живыхъ стѣнъ асфальтированная дорога. По бокамъ вьются дорожки для пѣшеходовъ, теперь пустынныя, поглощенныя лѣснымъ мракомъ. Иногда въ глубинѣ, за деревьями, то здѣсь то тамъ,

мелькнутъ глаза быстро бѣгущихъ машинъ, кольнетъ темноту снопъ яркихъ лучей, исчезнетъ. Затѣмъ разойдутся, вдругъ, стѣны, откроется неясная даль, матово-сѣрыми отблесками сверкнетъ, отражая звѣзды, уснувшее озеро. И снова извивы лѣсной дороги.

— Парижъ, а лѣсъ, какъ будто, совсѣмъ настоящій, — съ удовлетвореніемъ замѣтилъ Корягинъ, вглядываясь въ чащу деревьевъ. — Хорошо!

— Да, шикарно.

— А это что? — громко воскликнула Леночка, устремивъ любопытный взглядъ впередъ. — Видите, господа? Мамочка!

— Не кричи, пожалуйста.

— Нѣтъ, что это? Мама! Какъ красиво!

— Ничего особеннаго. Ресторанъ.

Изъ-за деревьевъ, за поворотомъ дороги, засверкали сотни яркихъ огней, соединенныхъ въ гирлянды. Постепенно стали приближаться контуры бѣлаго зданія, ярко освѣщенный стеклянный залъ, свѣтящіеся зонты въ саду, усѣянные лампочками.

— Господа! Пусть онъ остановится! — вставъ съ мѣста, рѣшительно произнесла Леночка. — Я хочу! Никаноръ Андреевичъ, можно мнѣ лимонаду?

— Лена!

Вѣра Сергѣевна испуганно потянула дочь за плечо.

— Я хочу пить! Никаноръ Андреевичъ, это недорого — лимонадъ. И одно эскимо. Шофферъ! Arrêtez-vous!

Замѣтивъ, что шофферъ внезапно замедлилъ ходъ, Павлова торопливо поднялась и нагнулась впередъ, чтобы попросить ѣхать дальше. Однако, Корягинъ, растерявшійся въ первый моментъ, быстро сообразилъ, какъ поступить.

— Погодите, Вѣра Сергѣевна. Это, дѣйствительно идея. Пусть остановится.

— Ты съ ума сошла? — зашептала мать, сердито глядя на дѣвочку. — Какой тебѣ лимонадъ? Кто здѣсь спрашиваетъ эскимо?

— Отчего же? — съ дѣланнымъ смѣхомъ вмѣшался Никаноръ Андреевичъ. — Если ей хочется пить... Мы сойдемъ на минутку.

— Но, вѣдь, изъ-за лимонада стыдно выходить, поймите!

— А мы возьмемъ еще что-нибудь. Что полагается. Не даромъ же мнѣ автомобиль наѣхалъ на ногу. Погодите, я выйду, помогу.

Онъ незамѣтно нащупалъ въ карманѣ бумажникъ, взялся за ручку дверцы и, провозившись съ нею нѣкоторое время, неуклюже вышелъ. За нимъ выпорхнула сіяющая Леночка. За нею, нехотя, пренебрежительно оглядывая костюмъ Никанора Андреевича, сошла Вѣра Сергѣевна.

— Вы увѣрены, что мы можемъ идти туда?

Она пытливо посмотрѣла на него.

— А какже. Разумѣется, увѣренъ.

— Конечно, мамочка! Можемъ!

Никаноръ Андреевичъ обернулся къ шофферу, сказалъ «attendez ici» и сталъ ждать, пока Вѣра Сергѣевна пройдетъ впередъ. На террасѣ ресторана было совсѣмъ пусто. Въ залѣ и въ саду тоже не было видно публики. Нѣсколько скучающихъ лакеевъ стояло у входа, какой-то элегантный господинъ во фракѣ, должно быть метръ д'отель, началъ спускаться по лѣстницѣ внизъ. А около такси уже вертѣлся мальчишка въ курткѣ съ яркими пуговицами, почтительно кланялся гостямъ и старался поплотнѣе прикрыть дверцу автомоби-

ля, дѣлая видъ, что его участіе во всей этой исторіи чрезвычайно необходимо.

— Главное, я и одѣта не такъ, какъ надо, — недовольно бормотала Павлова, медленно направляясь къ террасѣ и одергивая на себѣ зеленоватое манто съ узкой полоской мѣха у шеи. — Терпѣть не могу такихъ неожиданностей.

— Идешь, мама? — весело крикнула съ лѣстницы Леночка. Стоя возлѣ удивленнаго лакея, она тоже для большей красоты теребила на головѣ шляпку. Любезно склонившись надъ ней, лакей спросилъ что-то, а она выслушала, съ достоинствомъ наклонила голову и громко проговорила:

— Oui, monsieur. Je veux de la limonade.

Корягинъ почувствовалъ себя очень неважно, проходя по террасѣ въ ослѣпительный залъ, гдѣ около десятка лакейскихъ глазъ недовѣрчиво-пытливо впилось въ него. Однако, отступленіе было невозможно. — Не бѣда! — подумалъ онъ, подходя къ столику. — Второй разъ все равно не пріѣдемъ. Будь, что будетъ.

Онъ дѣланно-безпечно улыбнулся и галантно отодвинулъ стулъ для Вѣры Сергѣевны.

— Пожалуйста! Леночка, а ты сюда.

Павлова сѣла. Дѣвочка, быстро водрузившись на стулъ, съ удовольствіемъ оглядывала пустой сверкающій залъ. А стоявшій у стола въ выжидательной позѣ лакей иронически чуть-чуть улыбался.

— Champagne! — строго произнесъ Корягинъ, чувствуя, что нужно съ честью выходить изъ создавшагося положенія.

Лакей угодливо что-то забормоталъ, схватилъ съ сосѣдняго стола карточку, подалъ. На лицѣ уже не было ироніи. Вмѣсто нея — дѣловитая почтительность.

—Никаноръ Андреевичъ, къ чему это? — Вѣра Сер-

ѣевна нахмурилась.—Изъ-за какого-то каприза дѣвченки... Погоди, я тебѣ пропишу!

— Какъ? Сейчасъ, — точно не понимая, что ему говорятъ, равнодушно произнесъ Корягинъ, просматривая карту винъ и стараясь показать лакею, что все это предпріятіе для него сущій пустякъ. — Attendez un moment. Вотъ...

Передъ нимъ мелькали жуткія цифры: 150, 175, 200, 250... Но онъ небрежно пробѣжалъ текстъ, будто не глядя туда, гдѣ стояли цѣны. И сказалъ, наконецъ:

— Cordon rouge.

— А лимонаду? — раздался жалобный голосъ.

— Et une limonade pour... pour cette fille.

Вѣра Сергѣевна уже не возражала. Со своей стороны она сказала все, что нужно. Теперь пусть поступаетъ, какъ знаетъ. Они совсѣмъ не такъ знакомы, чтобы вести споры на подобную тему.

— Ну, что жъ... Тутъ, какъ будто, недурно, — веселымъ голосомъ проговорилъ онъ, снисходительно оглядывая ресторанъ и виднѣвшійся за стеклянными стѣнами садъ. — Только, очевидно, публика является сюда позже. Послѣ театровъ. А вы здѣсь бывали?

— Въ этомъ нѣтъ. Въ какомъ-то сосѣднемъ.

— Въ нынѣшнемъ году?

— Нѣтъ. Въ прошломъ. Цѣлой компаніей пріѣзжали какъ-то... Графъ Струйскій, Скачковъ и еще двѣ дамы.

— Позвольте... А какой это Скачковъ? Не Федоръ ли Ивановичъ?

Корягинъ оживился.

— Да. Вы его знаете?

— Какже, какже... Въ первый же день по пріѣздѣ познакомился.

— Я не люблю Скачкова, — поморщившись, сказала Леночка. — Онъ всегда много болтаетъ языкомъ.

— Лена, молчи.

— А развѣ не правда? Онъ обѣщалъ сдѣлать Фифи réparation, чтобы глаза опять закрывала и звуки дѣлала. А напрасно только животъ испортилъ.

— Федоръ Ивановичъ, кажется, очень дѣловой человѣкъ, — чуть усмѣхнувшись, замѣтилъ Никаноръ Андреевичъ. — Прекрасно, такъ сказать, понимаетъ наше бѣженское положеніе и всѣ возможности. Когда я у него былъ, цѣлую лекцію выслушалъ по теоріи того, какъ надо устраиваться.

— Ловкачъ порядочный, въ общемъ, — пренебрежительно согласилась Вѣра Сергѣевна. — Все время что-то изобрѣтаетъ. Говоритъ, будто у него въ министерствѣ нѣсколько очень важныхъ проектовъ лежитъ.

— Да, онъ и мнѣ говорилъ.

Корягина сильно подмывало разсказать о ста франкахъ, но онъ сдержался. Чувствовалъ, что неудобно сразу же говорить о человѣкѣ плохое.

Лакей, между тѣмъ, принесъ сверкающее ведро, наполненное льдомъ, открылъ бутылку, сталъ разливать.

— Мнѣ тоже! — Леночка протянула бокалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — запротестовала мать. — Тебѣ будетъ лимонадъ. Этого нельзя, опьянѣешь.

— Не опьянѣю! Garçon! Voulez-vous me donner du vin, s'il vous plaît. Je ne veux pas de limonade!

Лакей выжидательно замеръ. Но, видя, что дама, въ концѣ концовъ, смолкла, а monsieur снисходительно закивалъ головой, налилъ дѣвочкѣ и, поставивъ бутылку въ ледъ, ушелъ.

— Ну, разрѣшите чокнуться... — Корягинъ многозна-

чительно поднялъ бокалъ. — Не знаю, какъ вы, но я очень радъ нашему знакомству. За ваше здоровье.

— И за мое тоже!

— И за твое.

— За ваши надежды на возвращеніе въ Россію, — иронически отвѣтила Павлова. — Чтобы, дѣйствительно, все благополучно кончилось.

— Дай Богъ. А какъ, все-таки, странно, неправда-ли? Кочуемъ всѣ мы, случайно сталкиваемся, знакомимся. Кидаетъ насъ то въ одну сторону, то въ другую. Какъ въ газетахъ любятъ писать, — листья послѣ бури. Только я думаю, было бы очень печально, если бы мы оказались листьями. По-моему, бѣженцы скорѣе стая птицъ, которыхъ вѣтеръ сбилъ съ дороги. Читалъ я въ газетѣ гдѣ-то прекрасное стихотвореніе про насъ, не помню чье. «Сѣрыя птицы» называлось. Вотъ это вѣрнѣе.

— А я думаю, вы очень большой, чтобы быть птицей, — со смѣхомъ проговорила, вдругъ, Леночка. — И, потомъ, у васъ усы.

— Ты что? Все уже выпила?

Вѣра Сергѣевна тревожно приподнялась, заглянула въ бокалъ дочери.

— Да.

Глаза у дѣвочки блестѣли. Носъ чуть покраснѣлъ.

— И вашихъ усовъ я совсѣмъ не люблю. Вотъ! Когда вы меня въ послѣдній разъ поцѣловали, у меня все время въ носу щекотало, какъ если бы муха сидѣла.

Корягинъ разсмѣялся, искоса посмотрѣлъ на Павлову. Та безпомощно пожала плечами, показывая, что борьба все равно безполезна.

— Ну, а птичье наше положеніе, въ концѣ концовъ, имѣетъ все-таки и преимущества,—сдѣлавъ серьезное лицо,

продолжалъ онъ. — Вотъ, мой пріятель, къ которому я ѣду на ферму, проповѣдуетъ, будто человѣкъ сдѣлалъ ошибку, когда сталъ впервые изобрѣтать орудія и обзаводиться вещами. И вѣрно. Если бы у людей вообще не было вещей— ни платья, ни обстановки, ни всего того, чѣмъ человѣкъ обрастаетъ,—не было бы ни революцій, ни войнъ. Я понимаю, напримѣръ, когда звѣрь воюетъ съ другимъ звѣремъ, стараясь откусить ему голову. Тутъ ясно, въ чемъ дѣло. Но воевать изъ-за хлопка, изъ-за нефти или паровозовъ, это, извините, ерунда. Не отъ природы, а извращеніе.

— Оригинально, — вскидывая на него удивленные глаза, произнесла Вѣра Сергѣевна. — Значитъ, въ такомъ случаѣ, вы и противъ богатства?

— Если хотите, да. То-есть не противъ, а равнодушенъ.

— Ну, а я не согласна. Богатство — основаніе всякаго счастья. Я бы ничего не хотѣла такъ, какъ разбогатѣть.

— А по-моему, при богатствѣ не только нельзя быть увѣреннымъ въ счастьѣ, но даже въ удобствахъ жизни. Вотъ, напримѣръ, возьмите, нашихъ бѣженскихъ богачей. Развѣ сладкая жизнь? У насъ, пролетаріевъ, финансовая сторона всегда ясна: все свое носимъ съ собой. Omnia mea mecum porto. Не имѣя капитала, помѣщаемъ самихъ себя въ какое-нибудь предпріятіе и не боимся, что потеряемъ этотъ вкладъ, если останемся живы-здоровы. А окончится дѣло, мы спокойно забираемъ себя и ищемъ новаго дѣла. Нашу валюту, можно сказать, никто въ мірѣ не подточитъ. А посмотрите на богачей. Одинъ изъ-за паденія марки сошелъ съ ума. Другой страдаетъ безсонницей, не зная, что прочнѣе: франкъ или фунтъ. А третій держитъ деньги въ банкѣ и все время дрожитъ: какъ бы не лопнулъ. Да и подружиться ни съ кѣмъ изъ бѣженцевъ богатый эмигрантъ не въ состояніи. Вертятся вокругъ него только присосавшіеся льстецы да приживалы. А

приличный бѣженецъ изъ гордости не идетъ на дружбу. Чертъ съ нимъ, думаетъ, еще вообразитъ, что хочу воспользоваться. И сидитъ богачъ со своей чековой книжкой, какъ прокаженный, одинъ одинешенекъ. Погодите... Слѣдовало бы еще по стаканчику. Разрѣшите?

— Хорошо́. Только не полный.

— И мнѣ!

Леночка подняла бокалъ, замахала имъ передъ носомъ Никанора Андреевича.

— Нѣтъ, ради Бога, ей не надо. Поставь на мѣсто, сію минуту! А который часъ? Намъ, по-моему, пора.

— Я хочу еще!

— Ты слышала, что мама сказала? Ну, хорошо, вотъ тебѣ чуть-чуть. Достаточно. Какъ? Вы уже собираетесь? Посидите немного. Право! Здѣсь такъ уютно!..

XXVII.

Вернувшись домой, онъ долго не могъ уснуть. Волновали то воспоминанія о пріятно проведенномъ вечерѣ, то тревожныя мысли относительно будущаго.

Денегъ, какъ показало тщательное обслѣдованіе бумажника, осталось менѣе четырехсотъ франковъ. На оплату билета и на жизнь до полученія перваго жалованія на фермѣ нужно отложить не меньше этой суммы. А какъ просуществовать до отъѣзда?

А что, если Орловскій вызоветъ только черезъ мѣсяцъ?

А, можетъ быть, совсѣмъ не ѣхать на ферму?

Вѣра Сергѣевна безусловно хорошая женщина. Правда, есть кое-какіе недостатки. Рѣзка въ выраженіяхъ. Словечки иногда грубыя. При дочери говоритъ Богъ знаетъ что, не стѣсняясь. Но это ея личное дѣло. А въ остальномъ — прелестна. Глаза какіе! Ротъ... Давно Никаноръ Андреевичъ не проводилъ такъ чудесно время. Даже затраченныхъ на шампанское денегъ не жаль. Если бы не эта глупость — соглашеніе съ Орловскимъ, можно было бы отложить двѣ тысячи, не спѣша подыскать службу, а по вечерамъ ходить въ гости...

Навѣрно, ей тоже очень тоскливо. Нелегко живется бѣдненькой. Недаромъ такъ мрачно говорила о самоубійст-

вѣ. Только развѣ можно попросить у Орловскаго деньги обратно? Стыдно. Да и, должно быть, уже вложены въ дѣло.

На слѣдующій день утромъ Никаноръ Андреевичъ отправился въ Біянкуръ узнавать, не оставили ли случайно за нимъ его мѣста. Идти было неловко: рѣшивъ бросить заводъ, онъ даже не написалъ шефу о своей болѣзни. Но что дѣлать. Можно объяснить, что не зналъ этого правила. Кромѣ того, исторія съ Пейо могла извинить: все-таки Корягинъ считалъ себя обиженнымъ тѣмъ, что никто изъ начальства не сдѣлалъ выговора коммунисту за оскорбительныя выраженія по адресу русскихъ.

Вернулся онъ домой къ вечеру, разочарованный, грустный. Шефъ экипа принялъ нелюбезно, заявивъ, что на машинѣ давно работаетъ другой, а контрометръ рѣзко замѣтилъ, что въ рабочихъ, которые исчезаютъ на цѣлые мѣсяцы неизвѣстно куда, заводъ не нуждается.

Не засталъ онъ въ ателье и Турмина, у котораго хотѣлъ спросить совѣта, стоитъ ли снова обращаться въ bureau d'embauche. Только во время обѣда въ ресторанѣ, встрѣтивъ Павленкова, узналъ, что полковникъ уже двѣ недѣли тому назадъ оставилъ заводъ и уѣхалъ въ Германію.

Сидѣть вечеромъ у себя въ комнатѣ одному въ такомъ настроеніи невыносимо. Вѣра Сергѣевна пригласила зайти въ субботу, черезъ четыре дня. А куда дѣвать вечера до субботы?

Забравъ стаканъ, сахаръ и чайникъ, Корягинъ отправился пить чай къ Полтавцевымъ.

— Разрѣшите?

— Разумѣется, — отвѣтила Ольга Федоровна, освобождая на столѣ мѣсто. — Вы что это? Кутили вчера?

— Эхъ, гдѣ тамъ кутилъ! Просто въ гостяхъ у знакомыхъ былъ.

— Знаю я этихъ гостей. Передъ отъѣздомъ въ деревню, очевидно, съ ночнымъ Парижемъ рѣшили ознакомиться.

Полтавцева отодвинулась отъ стола, принялась за вязаніе.

— Только со своей стороны я вотъ что скажу, — наставительно продолжала она. — На вашемъ мѣстѣ, я ни въ какую деревню не уѣзжала бы, а снова нашла бы здѣсь работу и женилась. Безпутная холостая жизнь не для такихъ порядочныхъ людей, какъ вы.

Никаноръ Андреевичъ грустно усмѣхнулся, налилъ себѣ чаю.

— Что же... Сказать правду, я ничего не имѣлъ бы противъ — остаться и жениться, — съ шутливой покорностью проговорилъ онъ.— Однако, во-первыхъ, работы опять нѣтъ. А, во-вторыхъ, никто за меня не пойдетъ. Женихъ не заманчивый.

— Какъ сказать. Для какой-нибудь современной вертушки, конечно, не пара. Но для приличной барышни, воспитанной въ старыхъ традиціяхъ...

— Вотъ, мнѣ сегодня графъ Корбутскій разсказывалъ, — бережно положивъ газету на буфетъ и придвинувшись къ столу, прервалъ жену Константинъ Александровичъ.—Какъ оригинально наши бѣженки замужъ выходятъ.

— Я никакой оригинальной женитьбы, кажется, не совѣтую.

— Разумѣется. Но, ты, все-таки, послушай. Понимаете, — обратился Полтавцевъ къ Корягину, — была у Корбутскаго одна знакомая — дочь сенатора Никитенскаго. Родители ея люди очень почтенные, отецъ, кромѣ того, что сенаторъ, еще и членъ Государственнаго Совѣта, тайный совѣтникъ. Мать, урожденная Весненко, богатая помѣщица подольской губерніи...

— Ближе къ дѣлу, Константинъ.

— Да... Въ общемъ, почтенная патріархальная семья. И вотъ, есть у нихъ дочь, Ирина, славная воспитанная дѣвушка, то-есть теперь уже дама, но въ то время дѣвица. Отправилась она какъ-то изъ Парижа въ Марсель погостить къ своей замужней подругѣ, а та ей неожиданно предлагаетъ: «живетъ,— говоритъ, — здѣсь одинъ нашъ знакомый французъ-инженеръ, который обязательно желаетъ жениться на русской. Пріѣхалъ въ отпускъ изъ Сенегала, на-дняхъ долженъ уѣзжать обратно и все пристаетъ, чтобы мы спѣшно нашли русскую невѣсту. Не хочешь ли познакомиться?» Конечно, семья Никитенскихъ, вы сами понимаете, не такая, чтобы дочка ихъ на смотрины ходила. Но Ирина, ради шутки, согласилась. Все равно, простое знакомство ни къ чему не обязываетъ. Устроила подруга у себя чай, пригласила инженера, нѣсколько знакомыхъ французовъ, русскихъ. Былъ, между прочимъ, на чаѣ, какъ говоритъ Корбутскій, и генералъ Сергѣевъ. Сергѣева я хорошо знаю: когда онъ былъ еще капитаномъ, мы съ нимъ встрѣчались въ Одессѣ. Помнишь, Оленька, жили они на Греческой улицѣ возлѣ угла Ришельевской?

— Нѣтъ, не помню. А онъ имѣетъ отношеніе къ этой исторіи?

— Нѣтъ, просто, какъ гость. И, вотъ, молодые люди познакомились. Ирина подшучивала надъ инженеромъ, кокетничала. Серьезнаго значенія знакомству, понятно, не придавала. Но прошло послѣ вечера нѣсколько дней, инженеръ уѣхалъ. Ирина забыла объ этой встрѣчѣ. И, вдругъ, пріѣзжаетъ съ визитомъ незнакомая почтенная француженка. «Вы такая-то?» «Да.» «А я мать инженера, съ которымъ вы познакомились». И называетъ фамилію. «Сынъ мой не могъ остаться, — говоритъ, — отпускъ окончился, но я

обѣщала объясниться вмѣсто него. Не согласитесь ли вы быть его женой?»— Ирина, сами понимаете, кхе, кхе... перепугалась. «Какъ такъ? Да я его одинъ вечеръ только видѣла. Я его вообще не люблю.» «Ничего, мадемуазель, — начинаетъ уговаривать дама. — Я ручаюсь, что полюбите.Сынъ у меня скромный, честный. А вы тоже, видно, хорошая дѣвушка. Соглашайтесь.» Ирина опять возражаетъ: «да какъ это можно? Ни съ того ни съ сего ѣхать въ Сенегалъ. Вѣдь, и родители ничего не знаютъ, и денегъ на дорогу нѣтъ.» «Это все пустяки, — говоритъ гостья.— Деньги мнѣ сынъ оставилъ, чтобы вы и приданое себѣ сдѣлали и дорогу оплатили. А за сына я ручаюсь, будьте покойны.»

— Ну, и что же? Поѣхала?

Полтавцева на мгновеніе прекратила работу, явно заинтересовавшись разсказомъ.

— Да, поѣхала. Посовѣтовалась съ подругой, съ родителями и рѣшилась. А теперь, говоритъ Корбутскій, любитъ мужа безумно, очень счастлива съ нимъ и на-дняхъ сообщила въ письмѣ, что ребенокъ родился. Сынъ.

— Да, исторія занятная,— задумчиво замѣтилъ Корягинъ. — Только хотѣлъ бы я знать: согласилась бы эта барышня выйти, не любя, не за богатаго французскаго инженера, а за меня, напримѣръ? У котораго ни работы, ни денегъ?

— Да, ваше положеніе труднѣе, — склонившись надъ вязаньемъ, сочувственно проговорила Полтавцева. — Только вамъ и не слѣдуетъ особенно спѣшить, если хотите жениться. Молодое поколѣніе теперь такое, что долго нужно присматриваться. Въ особенности, къ стриженымъ или къ тѣмъ, кто красится и подводитъ глаза.Смотришь обычно на этихъ современныхъ дѣвицъ и изумляешься: какъ молодежь теперь можетъ влюбляться? Прежде, въ наше время,

красная дѣвица становилась красной только отъ застѣнчивости. Взглянешь на лицо и сразу видишь по глазамъ или по щекамъ, какое настроеніе. А теперь всѣ красныя и всегда. Не только дѣвицы, но и жены красныя, и тетки. Юбки безстыжія, руки голыя, а лицо горитъ румянцемъ, даже когда отъ малокровія лечатся.

Ольга Федоровна негодующе опустила на колѣни вязанье, вздохнула.

— Ну, хорошо, а если вы захотите остаться въ Парижѣ, Орловскій вернетъ деньги? — неожиданно спросила она.

— Едва ли. Я этого не обусловилъ. И главное,срока не знаю. А, между тѣмъ, отъ васъ нужно перебираться, если кто-нибудь найметъ. И денегъ уже не такъ много. Я бы, разумѣется, охотно взялъ какую-нибудь временную работу, но пока, къ сожалѣнію, ничего нѣтъ.

— А заводъ?

— Ходилъ сегодня, отказали. Вотъ, можетъ быть, у васъ въ конторѣ что-нибудь подвернется, Константинъ Александровичъ? Хотя бы мѣсто сторожа.

— А что же, Константинъ. Въ самомъ дѣлѣ.

— У насъ? Хорошо. Я спрошу... Не знаю только что. Вы бы, напримѣръ, пошли въ сандвичи?

— Это... какъ?

— Тоже нашелъ!

— Погоди, Оленька. По улицамъ, знаете, съ рекламнымъ плакатомъ за спиной нужно ходить. Видѣли, навѣрно, на бульварахъ?

— Ахъ, да. Сандвичи. Ну,что же... А еще что-нибудь есть?

— Сандвичи... Затѣмъ расклейка афишъ. Вотъ, можетъ быть, расклейку? И затѣмъ для рекламы новыхъ фильмъ иногда организуемъ живыя картины. На платформу погру-

жаемъ загримированныхъ людей и пускаемъ по городу. Что у насъ на очереди?«Бичъ Божій», да.Изъ эпохи нашествія гунновъ.

— Не захочешь же ты, Константинъ, чтобы Никаноръ Андреевичъ гунна изображалъ?

Ольга Федоровна сурово посмотрѣла на мужа.

— Что же, я, въ крайнемъ случаѣ, и отъ гунна не отказался бы, — нерѣшительно согласился Корягинъ. — Только у меня, къ сожалѣнію, театральности въ фигурѣ мало. И мимика слабовата...

Записавъ адресъ предпріятія и сговорившись съ Константиномъ Александровичемъ встрѣтиться завтра въ бюро, онъ посидѣлъ еще нѣкоторое время въ столовой и ушелъ къ себѣ въ комнату. Ложиться спать еще было рано. Въ открытое окно неслись ревущіе звуки радіо. Слышались громкіе русскіе голоса переговаривавшихся черезъ дворъ сосѣдей. Воздухъ былъ тяжелъ, душенъ, снизу изъ кухни ресторана тянуло запахомъ жаренаго лука и мяса. Чѣмъ заняться?

Онъ печально растянулся на кровати, задумался. О своемъ неясномъ будущемъ. О Павловой. О женитьбѣ. О гуннахъ.

— А, можетъ быть, дѣйствительно, правъ Орловскій, отрицая машинную цивилизацію? Насколько легче было бы человѣку жить, если-бы онъ пошелъ въ своемъ развитіи по пути животныхъ, развивая конечности, свойства кожи, внутреннія способности. Можно было бы эволюціонировать дальше. Сдѣлаться органическимъ сверхчеловѣкомъ. А какъ просто жить и устраиваться! Одежды не надо. Отопленія — тоже. Ѣда — листья какіе-нибудь, трава. Можетъ быть, и желудокъ настолько эволюціонировалъ бы, что переваривалъ бы многія вещества, которыхъ теперь не усваиваетъ. Простую землю, напримѣръ...

Никаноръ Андреевичъ зажмурился, стараясь представить картину. Лѣсъ или лужайка. Голыя совершенныя существа. Уже не люди, а сверхлюди. Машинъ нѣтъ. Научныхъ приборовъ нѣтъ. А, между тѣмъ, все знаютъ, все высоко чувствуютъ. Мысль передаютъ на разстояніе. Телепатически. Художественные образы внушаютъ публикѣ непосредственно. При помощи высоко развитой воли могутъ преодолѣвать тяготѣніе, летать...

— Войдите!

Въ дверяхъ показался Константинъ Александровичъ. Въ рукахъ — пачка исписанныхъ листовъ бумаги.

— Не помѣшаю? Спать не хотите?

— Ради Бога. Я радъ, а то все равно дѣлать нечего.

Полтавцевъ сѣлъ за столъ, искоса взглянулъ на рукопись.

— Вчера, знаете, дописалъ главу сорокъ четвертую. Васъ не было, Оленька занималась стиркой. Ну, я и засѣлъ. Кажется, недурно вышло.

— Можетъ быть, прочтете?

— Да не знаю, право... А вдругъ, неинтересно? Одно, впрочемъ, считаю у себя цѣннымъ: ничего выдуманнаго. Все безусловная правда. Насчетъ датъ, фактовъ, событій, — у меня прекрасная память.

Онъ придвинулся къ столу, разложилъ листки. Корягинъ сѣлъ на кровать поглубже, чтобы упереться спиной въ стѣну. И монотонный старческій голосъ началъ:

«Глава сорокъ четвертая.

Встрѣчи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ В. К. фонъ Плеве.

Наступилъ, наконецъ, 1902 годъ. Десятилѣтняя служба моя въ губернскомъ правленіи, какъ извѣстно изъ главъ XXV и послѣдующихъ, прошла прекрасно. Мною были до-

вольны всѣ, начиная съ губернатора, который неоднократно говорилъ, что въ самыхъ отвѣтственныхъ дѣлахъ на такого чиновника можно безъ колебанія положиться.

Случай проявить такое лестное довѣріе ко мнѣ, наконецъ, представился. 20 декабря, около половины одиннадцатаго утра, губернаторъ неожиданно вызвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и сообщилъ, что необходимо срочно съѣздить въ Петербургъ и лично передать министру внутреннихъ дѣлъ пакетъ съ документами чрезвычайной важности.

Признаться по правдѣ, такое отвѣтственное порученіе сильно взволновало меня. Явившись домой, я досталъ свой новенькій чемоданъ, купленный въ магазинѣ Терехина на Благовѣщенской улицѣ, уложилъ въ него бѣлье, носки, крахмальные воротнички, манжеты, осторожно положилъ сверху вицъ-мундиръ и все, что къ нему полагалось, и выѣхалъ съ поѣздомъ въ 4 часа 25 мин. пополудни.

Петербургъ встрѣтилъ меня утромъ на слѣдующій день мрачно. Дулъ холодный вѣтеръ, шелъ дождь вперемѣшку со снѣгомъ. Въ Знаменской гостиницѣ, которую мнѣ рекомендовалъ большой знатокъ Петербурга Яковъ Терентьичъ Ознобкинъ (очень милый молодой человѣкъ), номеръ дали нетопленный, сырой. Долго пришлось воевать съ номернымъ, пока принесли чаю и горячей воды для бритья.

Выпивъ чаю, я досталъ изъ чемодана безопасную бритву и началъ бриться. Намочилъ подбородокъ теплой водой, натеръ кожу сухимъ мыломъ, затѣмъ щеточкой началъ взмыливать, чтобы получилась пѣна, и сталъ осторожно водить бритвой сверху внизъ и снизу вверхъ, стараясь не обрѣзаться.

Было около десяти часовъ утра, когда я съ глубокимъ волненіемъ въ душѣ и въ полной парадной формѣ отправился въ министерство. Дежурный чиновникъ, записывая фамилію, сказалъ, что министръ еще не пріѣхалъ, и спросилъ, не ос-

тавлю ли я пакета ему. Однако, строго соблюдая порученіе и ссылаясь на надпись «въ собственныя руки», я отклонилъ предложеніе и сталъ ждать.

Было двѣнадцать часовъ пятнадцать минутъ, когда въ пріемную, наконецъ вошелъ его высокопревосходительство. Окинувъ бѣглымъ взглядомъ комнату, онъ громко спросилъ:

— А кто тутъ отъ князя Валдайскаго?

— Я-съ, ваше высокопревосходительство,—почтительнымъ голосомъ поспѣшилъ отвѣтить я.

— Дайте пакетъ. Передайте, что отвѣтъ будетъ посланъ по почтѣ.

Онъ взялъ пакетъ и скрылся за дверью. Бесѣда, такимъ образомъ, оказалась непродолжительной. Но, выйдя на Фонтанку и возвращаясь въ гостиницу пѣшкомъ, я никакъ не могъ придти въ себя отъ волненія и все время обдумывалъ, все ли я сказалъ то, что нужно, не совершилъ ли какого-нибудь промаха и не проявилъ ли въ бесѣдѣ какой-либо фамильярности или излишней болтливости.

Это была моя первая встрѣча въ В. К. фонъ Плеве.

Что же касается второй, то произошла она въ слѣдующемъ году, 23-го сентября, при слѣдующихъ обстоятельствахъ...»

Константинъ Александровичъ оторвался отъ рукописи, взглянулъ на слушателя и, видя, что тотъ, не мѣняя позы, съ почтительнымъ вниманіемъ смотритъ на него, продолжалъ.

Свѣтилось радостью склонившееся надъ бумагой старческое лицо. Перебѣгали слѣва направо, торопливо возвращаясь назадъ, вдохновенные глаза. Качалась сѣдая бородка подъ непрерывно двигавшейся челюстью. А Корягинъ сидѣлъ, слушалъ, затѣмъ сталъ слѣдить, какъ шевелятся усы,

какъ ходятъ по лицу складки. Представилъ, кѣмъ былъ бы Полтавцевъ, если бы человѣчество пошло по другому пути...

И поползли мысли:

— А чѣмъ замѣнили бы книги? Музыкальные инструменты? Вмѣсто книгъ, навѣрно, своего рода рапсоды, сказители. Чудовищно развилась бы память. Какъ у Константина Александровича. Музыка — въ одномъ только пѣньи. Въ хоровомъ или сольномъ. Но одиночный голосъ былъ бы не такимъ, какъ сейчасъ. Можно было-бы одному пѣвцу сразу брать цѣлый аккордъ...

— Что? А, да... Очень хорошо! — испуганно отвѣтилъ Никаноръ Андреевичъ, не разслышавъ вопроса и увидѣвъ направленный въ его сторону испытующій взглядъ.

XXVIII.

Бюро рекламъ, въ которомъ служилъ Полтавцевъ, помѣщалось недалеко отъ place de la République въ грязномъ дворѣ стараго дома гдѣ, кромѣ бюро, ютились картонажная мастерская, цинкографія и малярное заведеніе. Сама канцелярія имѣла сравнительно приличный видъ: письменные столы, шкапчики, на стѣнѣ схематическая карта Парижа съ загадочными помѣтками, афиши, плакаты. Но внутри, за канцеляріей, — огромный мрачный сарай, съ грубыми некрашенными скамьями у стѣнъ, съ досками для рекламъ, со столами, заваленными грудами афишъ и летучекъ, съ длинными вѣшалками, на которыхъ, вперемѣшку съ поношенными пиджаками, висѣли мундирчики съ блестящими пуговицами и фуражки съ краснымъ околышемъ.

Тутъ, обычно, переодѣвались сандвичи передъ тѣмъ, какъ выходить на улицу; гримировались уличные манекены, наряжавшіеся въ пестрые клоунскіе костюмы; варили на газѣ и разводили въ ведрахъ клей расклейщики афишъ.

Константинъ Александровичъ встрѣтилъ Корягина радостно. Переговоры съ шефомъ оказались удачными. Какъ разъ утромъ, въ началѣ занятій, владѣлецъ ресторана «Au coq hardi» приходилъ въ бюро съ жалобой, что рекламирующій его предпріятіе сандвичъ имѣетъ очень хилый и болѣз-

ненный видъ. Такая внѣщность совершенно не отвѣчала тексту доски, на которой написано: «вкусные сытные обѣды». Хозяинъ горячился, говорилъ, что сандвичъ своими впалыми щеками не только не привлечетъ посѣтителей, но, наоборотъ, погубитъ дѣло. И Константинъ Александровичъ,сидѣвшій въ это время за своими бухгалтерскими книгами, набравшись храбрости,удачно вмѣшался въ разговоръ, предложивъ шефу худого сандвича перемѣстить на фирму массажа, а для «Au coq hardi» взять одного широкоплечаго и рослаго русскаго, съ которымъ онъ лично хорошо знакомъ.

— Это тотъ самый? — съ любопытствомъ оглядывая стоявшаго у дверей массивнаго незнакомца, спросилъ по-французски Полтавцева шефъ.

— Да, мсье Рюффенъ. Человѣкъ онъ добросовѣстный, будьте спокойны. Спать въ закоулкахъ не будетъ.А на ростъ и на фигуру посмотрите сами.

— Очевидно, онъ никогда не обѣдалъ у «Coq hardi», — удовлетворенно пробурчалъ шефъ. — Отлично. Морисъ, запиши его въ списки и скажи наши условія, — обратился онъ къ сидѣвшему у окна помощнику.

Морисъ попросилъ предъявить документы,внесъ въ книгу имя, фамилію и увелъ новаго служащаго во внутреннее помѣщеніе. Константинъ Александровичъ хотѣлъ, было, отправиться вмѣстѣ съ ними, чтобы облегчить переговоры, но только заерзалъ на стулѣ. Хотя дѣлъ съ отчетностью и не такъ много, — предпріятіе влачило жалкое существованіе, — однако, шефъ не любилъ, когда служащіе не сидѣли на своихъ мѣстахъ.

Съ любопытствомъ оглядѣвъ помѣщеніе, Корягинъ покорно остановился у столика, къ которому его подвелъ Морисъ, и напряженно сталъ слушать объясненія.

Послѣ долгихъ переспрашиваній все самое главное было,

наконецъ, выяснено. Вознагражденіе за восемь часовъ хожденія по улицѣ — 17 франковъ и, кромѣ того, безплатный обѣдъ въ рекламируемомъ ресторанѣ. Надѣвать нужно обязательно форму. Ходить съ доской слѣдуетъ тихо, не спѣша, нигдѣ не останавливаясь. Мѣсто, гдѣ находится «Au coq hardi», отсюда недалеко, вблизи бульвара Poissonnière. Необходимо туда добираться пѣшкомъ и затѣмъ бродить по главнымъ улицамъ вблизи ресторана, удаляясь отъ него не болѣе, чѣмъ на полъ километра.

За аккуратнымъ исполненіемъ порученія слѣдятъ особые контролеры. Сандвичъ, уличенный въ томъ, что не ходитъ, а сидитъ гдѣ-нибудь въ бистро или спитъ, немедленно увольняется, причемъ изъ недѣльнаго заработка вычитается штрафъ въ половинномъ размѣрѣ всей заработанной суммы.

— Je puis... travailler tout de suite? — выслушавъ объясненія, спросилъ Корягинъ.

— Non. A partir de demain. Mais si vous voulez...

Морисъ задумался, посмотрѣлъ на часы и подошелъ къ углу, въ которомъ были сложены рекламныя доски. Перебравъ ихъ, онъ вытащилъ одну — съ объявленіемъ о новомъ средствѣ противъ ревматизма—и предложилъ понести ее сейчасъ же, причемъ работу будетъ считать начатой съ десяти часовъ.

— Ça va, — согласился Никаноръ Андреевичъ.

Подозвавъ къ себѣ возившагося возлѣ кипы афишъ старика-француза, Морисъ сдѣлалъ соотвѣтственныя распоряженія и ушелъ въ бюро. Старикъ же, взглянувъ на фигуру сандвича, недовольно пробормоталъ что-то, снялъ съ вѣшалокъ нѣсколько форменныхъ мундирчиковъ, фуражекъ, брюкъ и, сваливъ все это на столъ, предложилъ примѣрить.

Подходящій костюмъ, къ счастью, нашелся. Брюки,

правда, — слишкомъ въ обтяжку, мундирчикъ тоже тѣсноватъ въ груди. Но ничего другого, болѣе просторнаго, не оказалось. Нарядившись въ форму и водрузивъ на голову фуражку съ краснымъ околышемъ, Корягинъ при помощи старика приладилъ къ спинѣ доску на желѣзныхъ прутьяхъ и началъ обтягивать себя ремнями.

— Ишь, чертъ... Еле хватаетъ,—хмуро произнесъ онъ, разсматривая ремешекъ пояса. — И, потомъ, на плечахъ, какъ будто, не такъ. Épaules! Épaules! Поправь épaules! Voyez?

Окончивъ приготовленія, онъ выпрямился, отряхнулся, чтобы испробовать, все ли прочно сидитъ, и со смущеннымъ видомъ обернулся къ выходной двери.

До сихъ поръ, кромѣ него и старика, никого въ сараѣ не было. Но сейчасъ кто-то вошелъ. Тоже сандвичъ. Корягинъ увидѣлъ на фонѣ ярко освѣщеннаго двора фигуру въ формѣ, разглядѣлъ рекламную доску, на которой было крупными буквами напечатано «Hôtel Europe». И, переведя взглядъ на физіономію, радостно воскликнулъ:

— Щебетовъ... Вѣрно?

— Да... А вы?

Щебетовъ-Коровскій остановился, удивленно посмотрѣлъ на сослуживца.

— У Поталова какъ-то встрѣтились. Помните?

— Ахъ, вотъ что. Да, да. Монархистъ. Еще вмѣстѣ въ метро... Вы тоже работаете здѣсь?

— Съ сегодняшняго дня.

— А я три недѣли. Вотъ видите, какое издѣвательство: Европу рекламирую! Confort moderne.Слава Богу, впрочемъ, администрація не притѣсняетъ. Сегодня разрѣшили ходить только до десяти, а потомъ съ четырехъ. Хочу съѣздить въ редакцію нашего журнала и разгромить всѣхъ. Большеви-

камъ продались, подлецы! Чингисъ Хана подъ Ленина подтасовываютъ!

— Nikanor, nous allons compter votre travail de onze heures! — выглянувъ изъ кабинета шефа, крикнулъ Морисъ. — Partez donc!

XXIX.

Въ субботу, около восьми часовъ вечера, Корягинъ позвонилъ въ квартиру Павловыхъ. Въ рукахъ у него было нѣсколько пакетовъ: пирожныя, конфеты, эскимо.

Дверь отворила хозяйка, и, къ огорченію гостя, заявила, что madame дома нѣтъ.

— А... petite fille? — смутившись спросилъ онъ.

— Я здѣсь! — услышавъ знакомый голосъ, закричала изъ глубины корридора Леночка. — Идите сюда!

Обрадовавшись тому, что его все-таки ждутъ, Никаноръ Андреевичъ извинился передъ хозяйкой за безпокойство и весело пошелъ навстрѣчу дѣвочкѣ.

— Здравствуй, милая, здравствуй. Ну, какъ живешь?

— Мерси. Мама забыла васъ ждать сегодня, но я ей сказала. Она скоро придетъ. А это что?

Пытливый взглядъ остановился на пакетикахъ.

— Это тебѣ. Всякая всячина.

— Ого, какъ много. Мнѣ или мамѣ тоже?

— Надѣюсь, что угостишь и маму.

Онъ вошелъ въ комнату, положилъ шляпу на стулъ, и, оглянувшись по сторонамъ, удовлетворенно вздохнулъ.

— Такъ-съ. Ну, а куда прикажешь сѣсть? Сегодня цѣлый день ходилъ по городу, усталъ.

— А, вотъ, возьмите то мѣсто. А я мамино. Пока ея нѣтъ, мы будемъ съ вами серьезно сидѣть и разговаривать. Постойте, а что это?

Она развернула одинъ изъ пакетовъ, радостно всплеснула руками.

— Эскимо? И сколько! Un, deux, trois, quatre... Нужно только поскорѣе ихъ съѣсть, чтобы не потаяли. А мама, знаете, теперь опять имѣетъ службу въ синема. Крутится. Сегодня сказала, что день свободный и ушла искать комнату. Мы найдемъ новую, хорошую, а то здѣсь очень ароматично. Всѣ два окна даютъ во дворъ.

Съ наслажденіемъ вытянувъ ноги, Корягинъ закурилъ и, откинувшись на спинку кресла, слушалъ оживленную болтовню Леночки. Оттого ли, что ему было пріятно находиться здѣсь, или потому, что сегодня получены первыя деньги за отработанные четыре дня и, кромѣ того, не нужно идти завтра на службу, но настроеніе было прекрасное.

Поѣдая эскимо и пирожныя, дѣвочка подробно разсказала, что произошло у нихъ любопытнаго за послѣдніе дни. У консьержкиной кошки появились новыя дѣти. На-дняхъ вечеромъ приходилъ Скачковъ, который говорилъ, что нужно помириться съ папой, потому что тотъ уже продалъ свою землю и теперь очень богатъ. Сосѣдъ казакъ вчера сильно ссорился со своей женой, а жена прибѣжала къ нимъ и просила написать ей на бумажкѣ по-русски отвѣтъ мужу.

Черезъ полъ-часа, однако, Леночка выдохлась. Отяжелѣвъ отъ пирожныхъ, сѣла на диванъ, взяла въ руки Фифи и что-то забормотала про себя по-французски.

— Ты, можетъ быть, спать хочешь? — глядя на часы, нерѣшительно спросилъ онъ.

— Что вы! Еще рано.

— Ну, хорошо, я немного посижу и пойду. У васъ нѣтъ, случайно, русской газеты?

— Нѣтъ, русской нѣтъ. А хотите, я вамъ дамъ книжку? Мама получила, но не читаетъ, у нея времени нѣтъ.

Она сползла съ диванчика, протянула гостю книгу.

— Французская? Ну-ка...«La divine chanson». Что жъ это? Романъ?

— Да. Очень интересно. Я тоже читала. Пріятно, знаете, когда они цѣлуются. Elle le couvrit de baisers. А онъ говоритъ: «Tes baisers me brûlent! Tes baisers me brûlent!»

— Ты бы лучше что-нибудь русское взяла, — кладя романъ на столъ, строго замѣтилъ Никаноръ Андреевичъ. — По-русски-то ты читать умѣешь?

— Да.

Леночка смущенно опустила глаза.

— По складамъ, навѣрно?

— А что это: по складамъ?

— Вотъ видишь. Даже такихъ словъ не слышала. А, ну-ка, скажи... Что такое, напримѣръ, плести лапти?

— Плести les petits? Да. Petits points дѣлать.

— Petits points? — не понявъ въ свою очередь, переспросилъ онъ. — Погоди. Лапоть что такое, по-твоему?

— По-русски?

— По-русски, я думаю.

— Не знаю... Кружева, можетъ быть. Или трикотажъ. Ну, а еще?

— Слово кушакъ знаешь?

— Кушакъ... Кушанье? Нѣтъ? Не знаю. Что не знаю, то не знаю.

— А гумно?

— Гумно? Хи-хи... Гумно. Тоже не знаю.

— А закрома?

— Ну, оставьте, пожалуйста. Это вы все нарочно. По-турчански, навѣрно.

Прошло еще полъ-часа. Уступивъ настояніямъ гостя, которому не хотѣлось уходить не дождавшись хозяйки, дѣвочка неохотно достала листъ чистой бумаги и начала писать подъ диктовку русскія фразы, часто останавливаясь, задумываясь и грызя карандашъ.

— А, ну, дай-ка... Посмотримъ, что вышло.

— Вы только не смѣйтесь, а то я не хочу.

Она покраснѣла, протянула исписанный листъ.

— Я и не намѣренъ смѣяться. Съ какой стати. Но... Батюшки! Что же это такое? Совсѣмъ по болгарски? А?

— Какъ по-болгарски?

— Почему у тебя посреди слова монастырь твердый знакъ поставленъ?

— А тамъ «тэ» dur. Тырь... И, потомъ, — большевики твердый знакъ не пишутъ.

— А среда почему черезъ ять? А вѣлѣсипедъ?

— А развѣ не надо? Ну, хорошо, зачеркните. Хотя жалко. Я вездѣ ять пишу. Большевики не хотятъ, а я нарочно. Ага! Слава Богу! Мама!

Она радостно сорвалась со стула, бросилась въ корридоръ. Послышались поцѣлуи, возня, чей-то мужской голосъ весело сказалъ «здравствуй, разбойница»,и въ комнату вошла Вѣра Сергѣевна, а за нею жизнерадостный бритый господинъ.

Это былъ Федоръ Ивановичъ Скачковъ.

— Хорошо, что подождали, — поздоровавшись съ гостемъ, разсѣянно проговорила Павлова. — Посидимъ, чаю выпьемъ. Лена, ты мнѣ поможешь, а то я устала какъ собака. Вы, господа, кажется, знакомы?

— Встрѣчались, — стоя у стола, смущенно произнесъ Никаноръ Андреевичъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — Скачковъ протянулъ руку. — Не помню, простите.

— Я какъ-то былъ у васъ. Съ письмомъ изъ Бѣлграда.

— А, это вы? Да, да...

Лицо Федора Ивановича расплылось, будто напоминаніе о письмѣ доставило огромную радость.

— А, мы, вотъ, съ Леночкой, въ ожиданіи васъ, увлеклись диктантомъ, — стараясь придать своимъ словамъ шутливый тонъ, обратился Корягинъ къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ. — Удивительно курьезно пишетъ. Все черезъ ять, на зло большевикамъ.

— Да, она у меня контрреволюціонерка. Къ сожалѣнію, только, заниматься съ нею некогда. Верчусь какъ бѣлка въ колесѣ.

— Такъ, такъ-съ... — внимательно глядя на Никанора Андреевича, заговорилъ, между тѣмъ, Скачковъ. — А вы знаете... Простите, ваше имя отчество?.. Я послѣ встрѣчи долго искалъ васъ. Прекрасное мѣсто наклевывалось. Кромѣ того, деньги хотѣлъ передать. Вѣра Сергѣевна, разрѣшите сѣсть?

— Я думаю.

— А вы, между тѣмъ, куда-то пропали, — развалившись въ креслѣ, укоризненно продолжалъ онъ. — Директоръ фирмы «Титаникъ», напримѣръ, согласенъ былъ взять васъ за тысячу въ мѣсяцъ плюсъ проценты. Но какъ я могъ сообщить, если вы адреса даже не оставили?

— Это, значитъ, другая фирма? — Корягинъ заинтересовался, придвинулъ стулъ ближе.

— Какъ другая?

— Вы, если помните, обѣщали мнѣ въ «Кикоро».

— «Кикоро»? — усиленно моргая, удивленно пробормоталъ Скачковъ. — А, да, «Кикоро»! — неожиданно обрадовался онъ. — Ну, въ «Кикоро» совсѣмъ не вышло. И потомъ фирма оказалась дутой. Лопнула. Что же касается «Титаника», то это дѣло серьезное. Я даже, знаете, когда отчаялся найти васъ, вложилъ туда всѣ ваши сто франковъ. Десять процентовъ чистыхъ даетъ. Черезъ полгодика пять франковъ можете получить. Ну, а ты, егоза, что подѣлываешь? — обратился онъ къ Леночкѣ, ставившей на столъ посуду. — Скоро поѣдешь въ Бельгію?

— Я не знаю, если тетя Люда пришлетъ деньги.

— А хочешь я тебѣ задамъ задачу? Вотъ, стой смирно и слушай. Фурниссеръ принесъ мамѣ кило сахара за пять франковъ. Четверть кило кофе тоже за пять франковъ. И чаю тоже на пять франковъ. А, кромѣ того, попросилъ маму уплатить по старому счету 25 франковъ. Сколько, по-твоему, мама заплатила фурниссеру?

— Федоръ Ивановичъ, не морочьте ей голову. Она мнѣ помогаетъ.

— Подождите. Сколько сахару? Пять? И кофе пять? И чай? Пять, пять, пять... И мама должна двадцать пять?

— Ну, ну, не старайся. Все равно задача неопредѣленная. Можетъ быть, мама дала фурниссеру двадцать, можетъ быть, десять. А, можетъ быть, опять все въ долгъ.

— Какія глупости! — отходя отъ стола, обидчиво пробурчала Леночка. — Вы всегда такъ... Чепуху говорите.

— Лена!

Вѣра Сергѣевна строго посмотрѣла на дочь.

— Скажите, а сейчасъ въ этомъ самомъ «Атлантикѣ»... то-есть «Титаникѣ»... Мѣста не найдется? — нерѣшительно вернулся къ прерванному разговору Никаноръ Андреевичъ. — Поступить нельзя будетъ?

— Мѣсто? Гдѣ? А, да. Сейчасъ? Ну, что вы! Сколько времени прошло. Биткомъ все набито.

Окончивъ приготовленія, Павлова сѣла на диванчикъ рядомъ съ дочерью, разлила чай и начала разспрашивать Корягина, какъ обстоитъ дѣло съ его отъѣздомъ въ провинцію.

— Да что вы? Опять служите? — удивилась она, узнавъ, что онъ нашелъ временно небольшую работу. — А гдѣ?

— Въ одной фирмѣ рекламъ.

— Чѣмъ же вы тамъ занимаетесь?

— Да, такъ. Чѣмъ придется.

— Погодите... Это, случайно, не «Боцети»? — Скачковъ оживился, придвинулъ къ себѣ тарелку съ печеньемъ. — «Боцети» я очень хорошо знаю.

— Нѣтъ, не «Боцети». «Publicité vivante».

— А! Тоже знаю. Жоффруа директоръ, большой мой пріятель. Жоржъ.

— Жоффруа? — Никаноръ Андреевичъ нерѣшительно посмотрѣлъ на сосѣда. — Мнѣ кажется не Жоффруа. Всѣ его называютъ мсье Корни.

— Ну, да, конечно. Жоффруа-Корни. Двойная фамилія. А, вотъ, мое послѣднее изобрѣтеніе, Вѣра Сергѣевна... — Скачковъ круто повернулся къ хозяйкѣ. — На-дняхъ, навѣрно, окончательно купятъ. Я, собственно говоря, огромную ошибку раньше дѣлалъ, что предлагалъ усовершенствованія въ широкомъ масштабѣ. Развѣ французамъ по плечу большой размахъ? Да и вообще черезчуръ значительныя изобрѣтенія, такъ сказать, вѣчныя — никогда особеннаго дохода своимъ творцамъ не приносятъ. Кто, напримѣръ, помнитъ изобрѣтателя утюга? Колеса? Руля? Умерли, должно быть, несчастные, въ полной нищетѣ и безвѣстности. Вообще изобрѣтать для человѣчества что-нибудь грандіоз-

ное совершенно излишне. Кромѣ огорченія и разочарованія ничего не получится. А обратить вниманіе на такія усовершенствованія, которыя на прогрессъ не вліяютъ, эпохи не создаютъ, а въ жизни самого изобрѣтателя производятъ полный переворотъ, — вотъ это дѣло другое.

— Что же вы сами, въ такомъ случаѣ, изобрѣтаете? Жаретельки какія-нибудь?

Павлова иронически улыбнулась.

— Если остроумный принципъ примѣнить къ жаретелькамъ, можно и на жаретелькахъ сдѣлать дѣло, — весело согласился Скачковъ. — Современному изобрѣтателю именно необходимо обращать вниманіе прежде всего на пустяки. Только тогда не трудно разбогатѣть. Вотъ, вспомните бывшую недавно въ модѣ металлическую лягушку,которая громко трещитъ,если ей нажимать на спину. Творецъ ея безъ штановъ раньше ходилъ, а теперь — богачъ, милліонеръ. Или взять типа, который придумалъ для кузова автомобилей вмѣсто фонарей красное граненое стеклышко для отраженія уличнаго свѣта. Вѣдь, пустякъ, въ сущности, каждый стекольщикъ придумать можетъ. А никто не придумалъ. И авторъ стекла — тоже милліонеръ. Вообще, несовершенствъ въ нашей жизни, несмотря на непрерывныя завоеванія техники, сколько угодно. Куда, напримѣръ, дѣвать пепелъ отъ папиросы, если находишься въ приличномъ домѣ, а пепельницы нѣтъ? Или какъ избѣжать дрожанія газеты, когда читаешь ее въ метро? Все это, такъ сказать, ждетъ своей очереди, само напрашивается, чтобы кто-нибудь изобрѣлъ. И какое разнообразіе темъ! Лягушка, стеклышко, пепельничка, пюпитръ, механическая тряпочка для чистки башмаковъ, сухія чернила...

— Вотъ, когда продадите вашу пепельницу или тряпочку, насъ, пожалуйста, не забудьте, — пренебрежительно

разсмѣявшись, проговорила Вѣра Сергѣевна.—Дадите мнѣ взаймы тысячъ пять или десять, чтобы нанять квартиру и омеблироваться.

— А что же. Разумѣется, дамъ. Съ удовольствіемъ. Можетъ быть ,еще недѣля — другая пройдетъ, богатымъ человѣкомъ стану.

— Да, ужъ. Пять тысячъ...— сдѣлавъ серьезное лицо, со вздохомъ продолжала Павлова. — Мечтаю о пяти, а двухсотъ франковъ не хватаетъ, чтобы перемѣнить комнату, внести задатокъ.

— А вы развѣ собираетесь переѣзжать? — сочувственно спросилъ Корягинъ.

— Если бы была возможность, конечно. Вотъ, напримѣръ, въ домѣ, гдѣ мы сейчасъ были въ гостяхъ съ Федоромъ Ивановичемъ, сдается прекрасная комната. Хорошій районъ, шикарный входъ, chauffage central...

— Да-съ, — самодовольно прервалъ слова хозяйки Скачковъ. Это , дѣйствительно... Изъ всѣхъ хорошихъ задатковъ, которыми располагаютъ люди, денежный задатокъ, все-таки, лучше всѣхъ. А я, Вѣра Сергѣевна, какъ только получу деньги, сейчасъ же куплю домъ, собственный Рольсъ Ройсъ и открою газету. Вѣдь, развѣ это газеты, что издаются въ Парижѣ? Ерунда. Политика, политика, большевики... Читать противно. Я бы издавалъ такъ, чтобы ни слова ни о политикѣ, ни о большевикахъ. Романы, дамскія моды, пикантныя исторіи изъ бѣженской жизни, иллюстрированная хроника. А, главное, приложенія. Угадайте, напримѣръ, что я далъ бы въ видѣ приложенія въ первую очередь? — внезапно обратился онъ къ Корягину. — Не можете? А, между тѣмъ, интересъ вызвало бы среди бѣженцевъ колоссальный. Веревку отъ повѣшеннаго!

— Что такое?

Павлова съ ужасомъ посмотрѣла на Федора Ивановича.

— Какую,простите, веревку?—удивленно переспросилъ Никаноръ Андреевичъ. — Настоящую?

— А какую же. Самую настоящую, съ которой только что сняли повѣшеннаго. Репортеры мои слѣдили бы за хроникой самоубійствъ и какъ только первый подходящій случай, сейчасъ же въ домъ. Веревка покупается, свидѣтели въ протоколѣ удостовѣряютъ, что человѣкъ въ ней, дѣйствительно скончался, и протоколъ печатается на первой страницѣ. А затѣмъ или на куски можно разрѣзать для первыхъ ста подписчиковъ, или пустить на розыгрышъ. Отбою отъ читателей не будетъ, увѣренъ. Теперь народъ суевѣрный пошелъ, каждый хочетъ какими бы то ни было путями урвать для себя кусочекъ счастья.

— А я думаю, что бѣженцу не особенно интересно будетъ читать такую газету. — Корягинъ нахмурился. Болтливость Скачкова начала его раздражать. — Веревка веревкой, а безъ свѣдѣній о Россіи и безъ выясненія отношенія къ большевикамъ едва-ли кто станетъ интересоваться вашимъ изданіемъ.

— Эхъ, батенька, вижу я, плохо вы знаете бѣженцевъ. По-моему, раньше, лѣтъ пять назадъ, кое-какой интересъ къ политикѣ среди нихъ былъ еще, вѣрно. Но теперь, когда каждый устроился и хочетъ наладить жизнь безъ всякихъ разсчетовъ на Россію, теперь политика вызываетъ только озлобленіе. Разъ перспективъ на возвращеніе нѣтъ, лучше покончить вообще со всякой чепухой,считать себя гражданиномъ той страны, гдѣ живешь, и совершенно забыть о Россіи.

— Ну, нѣтъ. Извините... Это ужъ слишкомъ.

— А, по-моему, не слишкомъ. Въ васъ все еще, видно, трафаретныя сужденія сильны. Вы что же: не знаете нашего народа? Его вверхъ ногами поставь, прикажи стоять, и онъ

тысячу лѣтъ будетъ стоять. Другія націи отъ такого положенія давно подохли бы, а мы ничего. Потому, что не извѣстно даже, гдѣ у русскаго народа голова, а гдѣ нижнія части. Вообще, національзмъ націонализмомъ, но нужно иногда на Россію смотрѣть и объективно, чтобы понимать будущее. А если говорить объективно, то такого хамскаго и холопскаго населенія, какъ у насъ, вообще на землѣ не имѣется. Это намъ всякіе славянофилы да народники напѣли, будто русскій народъ богоискатель, богоносецъ, сфинксъ. А на самомъ дѣлѣ и не богоносецъ онъ и не богоискатель и не сфинксъ, а просто свинья.

— Ну, мнѣ уже пора, завтра рано вставать...

Стараясь не выдать своего негодованія, Корягинъ поднялся съ мѣста. Павлова тревожно взглянула на него.

— Что вы! Еще нѣтъ одиннадцати.

— Никакъ не могу, къ сожалѣнію. Разрѣшите?

— Если, дѣйствительно, нельзя, пожалуйста. А вы, Федоръ Ивановичъ, меня удивляете. Хотя я тоже не особенно люблю русскихъ, но все-таки... Вѣдь, вы только что у Митасовыхъ сами говорили, что Россія великая страна, а русскій народъ талантливѣе всѣхъ.

— Что жъ такого? Я могу и это доказать, если понадобится. Все зависитъ, такъ сказать, отъ настроенія.

Сухо попрощавшись со Скачковымъ, Никаноръ Андреевичъ посмотрѣлъ на кровать, на которой не раздѣваясь крѣпко уснула Леночка, и осторожно вышелъ въ корридоръ.

— Пожалуйста, не обращайте на него вниманія, — зашептала у выходной двери Вѣра Сергѣевна. — Онъ, вѣдь, всѣмъ извѣстенъ, какъ отчаянная балаболка.

— Я и не обращаю, разумѣется. Хотя, конечно, такія фразы...

— Не знаю даже, зачѣмъ онъ увязался за мной. Можетъ

быть, думаетъ призанять? Нашелъ, въ такомъ случаѣ, дуру.

Павлова щелкнула выключателемъ, освѣтила лѣстницу.

— Когда же вы придете?

Она взглянула кокетливо-ласково.

— Когда прикажете. Я каждый вечеръ свободенъ.

— Днемъ меня теперь тоже не бываетъ. Мы крутимъ. А по вечерамъ — пожалуйста. Приходите, напримѣръ, въ четвергъ.

— Въ четвергъ? Благодарю... А, вотъ, между прочимъ...

Онъ слегка покраснѣлъ, затеребилъ въ рукахъ шляпу.

— Вы говорили, что хотѣли бы переѣхать, и что вамъ не хватаетъ... двухсотъ франковъ. Можетъ быть, разрѣшите — я одолжу?

— Что вы! Съ какой стати!..

Въ голосѣ ея послышалось негодованіе. Однако, глаза выразили радость.

— Я, конечно, не такъ хорошо знакомъ съ вами... Однако, если бы не Леночка, за мою ногу мнѣ все равно ничего не заплатили бы. И потомъ... Потомъ мнѣ было бы пріятно..

Несмотря на отвратительное впечатлѣніе отъ рѣчей Скачкова, Никаноръ Андреевичъ возвращался домой въ приподнято-радостномъ настроеніи. Хотя двѣсти франковъ для бюджета не шутка, хотя теперь на дорогу въ департаментъ Варъ окончательно не хватитъ денегъ, но стоитъ ли думать объ этомъ? Да, можетъ быть, не надо и уѣзжать?

Сколько было нѣжной благодарности въ ея взглядѣ, когда она, взявъ деньги, опустила обѣ сотенныхъ бумажки за декольтэ. Какъ мило добавила при этомъ:

— Нужно подальше спрятать, чтобы Скачковъ не зацапалъ.

А, кромѣ того, Корягинъ въ первый разъ сегодня увидѣлъ, какая у нея замѣчательная шея.

XXX.

Въ первые дни своей службы въ качествѣ сандвича, Никаноръ Андреевичъ думалъ, что не выдержитъ долго этой работы. Физически было еще не такъ трудно. Но каждый разъ утромъ, когда приходилось выходить со двора на улицу съ плакатомъ за плечами, въ мундирѣ, съ красной фуражкой на головѣ, возникало къ самому себѣ отвращенie. Будто кто-то оскорбилъ, а на оскорбленie отвѣта не послѣдовало.

Однако, такъ было только въ первые дни. А затѣмъ, прошла недѣля, вторая, и обидное чувство стало затухать. Успокоило, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что изъ русскихъ бѣженцевъ не онъ одинъ ходитъ сандвичемъ. Есть; напримѣръ, офицеръ-гвардеецъ. Затѣмъ бывшiй вице-губернаторъ. Щебетовъ-Коровскiй. А чѣмъ Никаноръ Андреевичъ лучше ихъ?

Кромѣ того, не все ли равно, ходитъ или не ходитъ какой-то Корягинъ среди чужого города, гдѣ его никто не знаетъ, и гдѣ до него никому нѣтъ никакого дѣла? Вотъ, быть на должности манекена, это дѣйствительно, непрiятно. Гримируйся, надѣвай дурацкiй цилиндръ, клѣтчатыя брюки. Да и то согласился на это одинъ русскiй. И съ какимъ достоинствомъ держится! Корягинъ видѣлъ его работу на улицѣ. Идетъ по троттуару точно на шарнирахъ. Лицо безъ выраженiя, застывшее. Глаза не мигаютъ.

Казалось бы, противно. А, между тѣмъ, манекенъ, когда возвращается вечеромъ, всегда веселѣе всѣхъ. Сбрасываетъ клоунскій нарядъ, моется, переодѣвается въ элегантный костюмъ и отправляется или въ гости или на засѣданіе «Союза Возстановленія Родины».

Про себя этотъ коллега говоритъ, что онъ артистъ. Да и въ самомъ дѣлѣ. Развѣ не такъ?

Вице-губернаторъ тоже милый человѣкъ. Хотя ему пятьдесятъ съ лишнимъ, но ходитъ онъ съ плакатомъ бодро, на усталость не жалуется и все мечтаетъ сколотить немного денегъ, чтобы купить въ разсрочку участокъ возлѣ Парижа. Однажды, послѣ работы, выйдя изъ бюро вмѣстѣ съ Корягинымъ, остановился возлѣ метро и долго воодушевленно рисовалъ картину русскаго поселка, который собирается организовать вмѣстѣ съ пріятелемъ.

— Подумайте! — восклицалъ онъ, — во всей Европѣ у насъ нѣтъ до сихъ поръ ни одного своего собственнаго эмигрантскаго города! А развѣ для этого мало силъ? И инженеры есть. И архитекторы. И бывшихъ городскихъ головъ человѣкъ сто. И членовъ управъ — не меньше. И преподавателей сколько угодно, и врачей, и кооператоровъ, и банкировъ, и торговцевъ, и рестораторовъ.

— Ну, да... — слабо возражалъ Никаноръ Андреевичъ. — Все это хорошо. Только на какія деньги устроиться?

— Деньги найдутся. Была бы организація. Вотъ, въ Америкѣ, я читалъ, не мало существуетъ такъ называемыхъ мертвыхъ городовъ, возникшихъ въ районѣ нефтяныхъ источниковъ или золотыхъ пріисковъ и впослѣдствіи заброшенныхъ. И гдѣ же въ этихъ случаяхъ наши русскіе люди? Чего они смотрятъ? На улицѣ, слава Богу, такіе города не валяются. А, между тѣмъ, совсѣмъ не слышно, чтобы эмигранты подобный городокъ подобрали, почистили, привели

въ порядокъ и наладили новую жизнь. Людей, желающихъ отдѣльно сѣсть на землю, у насъ сколько угодно. Но сядетъ такой индивидуалистъ, построитъ домикъ, разведетъ огородъ и потомъ только догадывается, что скучно жить. И, въ самомъ дѣлѣ, насколько заманчивѣе было бы, если бы кругомъ — только свои! И повздорить есть съ кѣмъ, и подружиться есть съ кѣмъ. Общественное собраніе свое, церковь своя, библіотека своя, врачъ, агрономъ, сапожникъ, лавочникъ, булочникъ, молочница...

Всѣ эти русскіе сослуживцы-сандвичи своей работой въ предпріятіи благотворно дѣйствовали на самолюбіе Корягина. Поддерживали бодрость духа въ немъ и Полтавцевы. Ольга Федоровна говорила, что всякій честный трудъ заслуживаетъ уваженія, и что для соблюденія достоинства, все-таки, гораздо лучше быть сандвичемъ, нежели платнымъ дансеромъ или оффиціантомъ въ ночномъ кабакѣ. Что же касается Константина Александровича, то онъ горячо поддерживалъ точку зрѣнія жены, такъ какъ сознавалъ, что своимъ новымъ заработкомъ Никаноръ Андреевичъ обязанъ всецѣло ему.

Единственно отъ кого скрывалъ свою нынѣшнюю профессію Корягинъ, это отъ Вѣры Сергѣевны. Бывалъ онъ у нея теперь почти черезъ день. Чтобы оправдать частые визиты, придумалъ занятія съ Леночкой русскимъ языкомъ, для чего записался въ библіотеку и бралъ русскихъ классиковъ. Въ одно изъ воскресеній помогъ переѣхать на новую квартиру, таскалъ чемоданы, упаковывалъ. Во время посѣщеній былъ всегда словоохотливъ, чувствовалъ себя своимъ человѣкомъ. Но когда разговоръ заходилъ о службѣ, обыкновенно отшучивался и не говорилъ правды. Чѣмъ угодно согласился бы онъ назвать себя: сторожемъ, швейцаромъ, посыльнымъ. Но сандвичемъ — нѣтъ.

А, вдругъ, отнесется съ презрѣніемъ?

Визиты къ Павловымъ сдѣлались теперь для него насущной потребностью. Бродя по улицамъ съ плакатомъ, онъ нерѣдко задумывался, — не влюбленъ ли? Но подобная мысль каждый разъ сердила, приводила въ негодованіе. Сандвичъ влюбленъ! Нѣтъ, конечно, простая дружба. Одно только самому казалось страннымъ: когда Ольга Федоровна, не зная, гдѣ ея квартирантъ пропадаетъ по вечерамъ, иронически высказывала предположеніе о тайномъ романѣ, предположеніе это вызывало чрезвычайно пріятное ощущеніе. Почему?

Можетъ быть, просто мужская гордость?

Въ первые дни службы, во время блужданій съ плакатомъ, Корягинъ не могъ сосредоточиться ни на одной мысли, осторожно относясь къ каждому переходу черезъ поперечную улицу, боясь на троттуарѣ задѣть кого-нибудь. Но это быстро прошло. Глаза уже сами, безъ участія сознанія, слѣдили за движеніемъ автомобилей. Прохожіе покорно уступали дорогу. Нужно только идти увѣренно, твердо, по прямой линіи, внушая своимъ видомъ, что лавировать сандвичъ не можетъ.

Никаноръ Андреевичъ обычно закладывалъ руки за поясной ремень, чуть-чуть наклонялся впередъ, равнодушно глядѣлъ на гущу встрѣчной толпы и могъ думать о чемъ угодно.

Нерѣдко приходило въ голову сравненіе: что лучше — работать на заводѣ, или ходить вотъ такъ, какъ сейчасъ? Тамъ вниманіе болѣе напряжено. Невѣрное движеніе, оплошность — и «аксиданъ» готовъ. Но если тамъ человѣкъ придатокъ къ машинѣ, то чѣмъ онъ является здѣсь? Развѣ не самой машиной для переноски плаката? Можетъ быть, потому эта роль и кажется такой унизительной?

Однако, въ водоворотѣ непрерывно мелькавшихъ, безостановочно двигавшихся вокругъ человѣческихъ фигуръ, при видѣ всѣхъ этихъ шляпъ, пиджаковъ, женскихъ ногъ, витринъ, вывѣсокъ, среди шума и грохота уличнаго движенія — постепенно начинала подвергаться критикѣ и теорія Орловскаго.

— Правда-ли, что во всемъ виновата машина? А, можетъ быть, ненормальность въ чемъ-то другомъ? Можетъ быть, виновница всѣхъ бѣдъ цивилизаціи — вотъ эта самая современная улица?

— Она, дѣйствительно, мистически жутка, — движущаяся живая масса. Течетъ, гудитъ, шуршитъ, плещется. Головъ много, но все сливается — будто одинъ организмъ, опутанный колесами, желѣзомъ, стекломъ. Вѣдь, это не такси, въ сущности, крякаютъ, а многоголовое тѣло. И грохочутъ не трамваи, а тоже оно. Какое-то гигантское пресмыкающееся или насѣкомое. Извивается между домами, ползетъ, а куда — неизвѣстно.

Идетъ Корягинъ, шагаетъ, наклонившись впередъ. Качается высоко сзади доска. Настороженные глаза сами находятъ дорогу. А мысли — далеко.

— И душа у улицы одна. Гдѣ-нибудь инцидентъ, скандалъ, столкновеніе, и сразу вся масса — въ комокъ. Точно нарывъ. Пробиться нельзя, тѣло къ тѣлу, плечо къ плечу. Кровяные шарики тоже собираются такъ, когда организмъ заболѣваетъ. Можетъ быть, въ этомъ именно и причина? Машина — частность. А главное — толпа.

— Большіе города — будто раковыя опухоли. Не они ли испортили жизнь? Создали противорѣчія?

— Душа человѣческая, должно быть, требуетъ достаточно свободнаго пространства вокругъ себя, чтобы быть человѣчной. Почему проповѣдь Христа имѣла успѣхъ? Мало

было народу. Много свободной земли. А здѣсь — кто пошелъ бы за Христомъ на бульварахъ? Некогда всѣмъ. Всѣ спѣшатъ. И души — сдавленныя сосѣдями, спрессованныя. Развѣ это настоящія человѣческія души по образу и по подобію Божію?

Корягинъ хмурится, недовѣрчиво смотритъ на толпу, на всѣ эти безчисленные глаза, рты, усы, щеки. Люди или не люди? Подобіе или нѣтъ?

— А быть можетъ, и коммунизмъ обязанъ своимъ происхожденіемъ не машинѣ, а этой бѣснующейся улицѣ, этой тѣснотѣ городовъ? Не всѣхъ же машина прикрѣпляетъ къ себѣ. Человѣкъ не только рабъ ея, часто и господинъ. Но тѣснота, улица — это безусловно питаетъ коммунистическую злобу и зависть. Рядомъ, совсѣмъ близко, стѣна къ стѣнѣ — богатство и бѣдность, сытость и голодъ. Богатый давитъ бѣдняка не богатствомъ, а близостью своей личной удачи...

Много передумалъ Корягинъ, блуждая съ рекламнымъ плакатомъ. И все-таки, несмотря на мрачные выводы о большихъ городахъ, съ сожалѣніемъ вспоминалъ, что далъ деньги Орловскому и обѣщалъ пріѣхать на ферму. Долгое молчаніе Алексѣя Петровича даже радовало. Уже скоро мѣсяцъ, какъ отъ него никакихъ вѣстей. Можетъ быть, къ счастью, дѣло разстроилось, и можно будетъ получить назадъ двѣ тысячи?

Однако, вернувшись какъ-то разъ домой послѣ урока у Павловыхъ, Никаноръ Андреевичъ нашелъ у себя на столѣ письмо. Настроеніе передъ этимъ было прекрасное, Вѣра Сергѣевна сговорилась съ нимъ въ ближайшее воскресеніе ѣхать на прогулку въ Версаль...

— Нѣтъ, останусь, — прочитавъ письмо, сердито рѣшилъ онъ. — Пусть пропадаютъ деньги!

Само письмо въ той части, которая касалась фермы,

было небольшое, всего на одной страничкѣ. Орловскій сообщалъ, что владѣлецъ уже освободилъ домъ, что всѣ компаньоны переѣхали, что имѣніе отличное. Помимо налаженнаго куроводства, неожиданно оказалось нѣсколько породистыхъ свиней. Нужно только сразу же приниматься за работу.

Но post scriptum зато былъ пространный. Орловскій писалъ: «Кстати, если вамъ интересно, о моей «системѣ». Примѣняя свой методъ къ исторіи философіи, я нашелъ, что именно математическое мышленіе и привычка пользоваться вещами вмѣсто своихъ собственныхъ органовъ, создали тотъ рѣзкій дуализмъ внѣшняго и внутренняго міра, надъ преодолѣніемъ котораго столько вѣковъ бьются мыслители. Если бы не было орудій и измѣренія міра при помощи мертвыхъ инструментовъ, не было бы вообще принципіальнаго раздѣленія міра на субъектъ и объектъ, на я и не-я. Всѣ философы впадали въ ошибку, когда равноцѣнно разсматривали міръ объективный и міръ субъективный. Объективный міръ существуетъ не для насъ, а только для мертвыхъ вещей, которыми мы ошибочно пользуемся въ борьбѣ за существованіе.»

А послѣ post scriptum'а стоялъ еще краткій post post scriptum:

«Между прочимъ, какой жалкой кажется мнѣ теперь попытка экспериментальной психологіи перебросить фиктивный мостъ отъ органическаго къ неорганическому въ логарифмическомъ законѣ Фехнера! Душа и математика! Не смѣшно-ли? Крѣпко васъ обнимаю. А. Орловскій».

XXXI.

Выйця изъ зданія вокзала на улицу, Вѣра Сергѣевна, бывавшая въ Версалѣ не разъ, повела своихъ спутниковъ въ паркъ. День для прогулки выдался прекрасный. Одинъ изъ тѣхъ мягкихъ осеннихъ, когда воздухъ особенно прозраченъ и чистъ,когда смирившееся солнце кажется нѣжнымъ и ласковымъ.

По дорогѣ Никаноръ Андреевичъ купилъ у назойливо пристававшаго уличнаго продавца планъ дворца и парка. Затѣмъ на площади остановился у ларька, взялъ нѣсколько открытокъ и шоколаду для Леночки.

— Monsieur! Fleurissez votre dame! — подбѣгая къ нему съ корзиной цвѣтовъ, закричала дѣвченка-цвѣточница. — Fleurissez-vous!

— Bien, bien, — съ пріятнымъ смущеніемъ забормоталъ онъ, перебирая отдѣльныя связки розъ. — Вотъ эти, какъ будто, ничего... Что? Encore? Хорошо. Давай encore. Вѣра Сергѣевна, разрѣшите преподнести... Кажется, не особенныя, но все-таки...

— Нѣтъ, нѣкоторыя превосходны. Большое спасибо. Леночка, не хватай, пожалуйста, сломаешь!

— Дай и мнѣ одну! Мамочка! Розовую!

Со стороны площади дворецъ Корягину не понравился.

Какъ будто нѣсколько зданій нагромождено безъ всякаго толка. Но когда прошли на другую сторону и остановились у лѣстницы, спускавшейся въ паркъ, Никаноръ Андреевичъ оглянулся и выразилъ полное удовлетвореніе видомъ фасада.

— Вотъ, это, дѣйствительно, шикарно. Какая громадина! Чудесное общежитіе для бѣженцевъ вышло бы!

Они спустились, пошли вдоль лужайки tapis vert, на которой, по случаю воскреснаго дня, расположились на травѣ группы отдыхавшихъ парижанъ. Весело щебетали мидинетки, осторожно приподнявъ юбки, чтобы не испачкаться о зелень; мужчины лежали возлѣ, подпирая руками головы. Какая-то почтенная пара, раскрывъ клеенчатый саквояжъ, съ аппетитомъ закусывала, разбрасывая по травѣ бумажки.

— Ишь, демократія! — Корягинъ нахмурился. — Небось при короляхъ не разлеглась бы. А это что? Озеро? Хотите, можетъ быть, покататься?

— Правда, мамочка! Покатаемся!

— Ну, вотъ еще. Нашли удовольствіе...

Вѣра Сергѣевна отвѣчала разсѣянно. Въ лицѣ замѣтна была настороженность. Неспокойный взглядъ скользилъ то по одной аллеѣ, то по другой, будто кого-то разыскивая.

— Да, паркъ хорошій, — одобрительно опять заговорилъ Никаноръ Андреевичъ. — Тѣ стриженыя деревья, правда, мнѣ не особенно нравятся. Какая-то зеленая геометрія. Но, вотъ, здѣсь отлично.

Онъ посмотрѣлъ въ сторону боковой дорожки, надъ которой ажурными сводами склонились гигантскія деревья съ чуть обожженной осеннимъ холодомъ листвой. Внизу двигались фигуры людей, казавшихся карликами.

— Какая прекрасная аллея. Видите?

— А? Да... Allée du printemps. Весной здѣсь замѣчательно.

— Можетъ быть, хотите туда?

— Нѣтъ, нѣтъ. Давайте лучше, отдохнемъ гдѣ-нибудь. Вотъ, на этой скамейкѣ. Смотри только, не уходи далеко! — крикнула она вслѣдъ Леночкѣ, не пожелавшей садиться и отправившейся вдоль tapis vert осматривать статуи.

— Да, должно быть, поэтично было здѣсь въ прежнее время, — присѣвъ на кончикъ скамьи, со вздохомъ произнесъ Корягинъ. — Эпоха кринолиновъ, пудреныхъ париковъ...

— Это при короляхъ? Да...

Она направила внимательный взглядъ въ сторону бассейна Аполлона, посмотрѣла на прикрѣпленные къ рукѣ часы.

— Въ аллеяхъ, очевидно, свиданья назначали,— мечтательно продолжалъ онъ.—Драмы всякія происходили.И, навѣрно, люди были гораздо глубже и лучше, чѣмъ теперь.

— Положимъ, всякаго жулья и тогда было не мало... Хотя женщинамъ, конечно, жилось лучше. Сейчасъ ни у кого не встрѣтишь прежняго рыцарскаго отношенія.

— Въ томъ-то и дѣло. Ни рыцарства, ни святости чувства. Впрочемъ... Изрѣдка развѣ.

— Нѣтъ, теперь всѣ мужчины, по-моему, одинаковы. Всѣ — дрянь. За всю свою жизнь я столько разъ нарывалась на всякое свинство, видѣла съ ихъ стороны столько грубости, хамства, что теперь не могу даже представить, какъ, это, можно полюбить кого-нибудь или влюбиться. А разъ мужчины таковы, то и съ ними нужно обращаться соотвѣтственно. Лгать, притворяться... И никогда не раскрывать души. Развѣ этимъ животнымъ нужна женская душа?

— Послѣ такихъ словъ мнѣ, пожалуй, слѣдовало бы, того... ретироваться.

Онъ сдѣлалъ шутливо-обиженное лицо, всталъ,

— А въ чемъ дѣло?

Павлова искренно удивилась.

— Да, вотъ... Не хочу портить вамъ настроенія. Вѣдь, я тоже, какъ никакъ, мужчина.

— Ахъ, да! Въ самомъ дѣлѣ.—Она разсмѣялась.— Но вы же не въ счетъ. Потому я и говорю, что считаю васъ исключеніемъ.

— Да, можетъ быть, вы правы, что теперь мы всѣ стали грубѣе, — садясь на мѣсто, серьезно заговорилъ Никаноръ Андреевичъ. — Я, знаете, по дѣламъ службы часто хожу по улицамъ, приглядываюсь къ публикѣ. И по всему вижу, что въ такой сутолокѣ, дѣйствительно, никакихъ рыцарскихъ чувствъ по отношенію къ женщинѣ возникнуть не можетъ. Раньше для этого было и больше свободнаго времени и больше, такъ сказать, пространства. Мужчина вообще былъ индивидуальнѣе. А теперь посмотрите на толпу. Вотъ, на эту самую демократію. Видите типъ: подложилъ подъ себя пиджакъ, не подумаетъ даже уступить его своей дамѣ. И въ метро — ни за что мѣста никто не предложитъ. А развѣ средневѣковый рыцарь цѣловалъ бы свою даму на виду у всѣхъ, какъ, вотъ, этотъ субъектъ? Потому, навѣрно, и чувства теперь мелкія, что все дѣлается на ходу. Я увѣренъ, что деревенская жизнь, все-таки, на много здоровѣе и нормальнѣе этой.

— Можетъ быть, можетъ быть. Ну, а кстати: что новаго у васъ съ вашей фермой? Заглохло, какъ будто?

— Нѣтъ, возможно, все-таки, что поѣду. Еще не рѣшилъ.

— И не жаль уѣзжать?

— Какъ вамъ сказать...

Онъ задумался, опустилъ голову.

— Скучать безъ меня не будете?

— Безъ васъ? Навѣрно буду.

Онъ покраснѣлъ.

— Да... А я, вотъ, терпѣть не могу всякой глуши. Говорятъ — хорошо это, когда кругомъ природа, зелень, птицы въ саду поютъ. А, по-моему, ужъ если слушать пѣніе, то лучше пойти въ оперу или на концертъ. Природа хороша только такъ, на нѣсколько часовъ. Иначе изволь — сегодня на прудъ или на деревья глазѣй, завтра глазѣй, послѣ-завтра глазѣй... И все одно и то же. Съ утра до вечера.

Она закурила, посмотрѣла по сторонамъ и перевела взглядъ на дорожку, гдѣ возлѣ лужайки стояла Леночка и съ любопытствомъ слѣдила за группой дѣтей, игравшихъ въ мячъ.

— А что касается мужчинъ, то въ видѣ примѣра возьмите хотя бы моего мужа, — послѣ нѣкотораго молчанія снова начала Павлова. — До сихъ поръ я ничего вамъ о немъ не говорила. Но, вотъ, послушайте, какая это прелесть. Пока жили мы съ нимъ въ Безансонѣ, все шло, какъ будто, благополучно. Онъ работалъ на фабрикѣ, я брала на домъ кое-какое шитье. Леночка была еще совсѣмъ маленькая. А переѣхали въ Парижъ, и тутъ-то началось. Вообще у него сильный характеръ, желѣзная воля. Но желѣзная воля при хорошихъ отношеніяхъ одно, а при недоразумѣніяхъ...

— Простите, а гдѣ онъ служитъ сейчасъ?

— Сейчасъ нигдѣ. Если вѣрить Скачкову, продалъ, наконецъ, свое имѣніе въ Польшѣ за четыреста тысячъ франковъ и теперь развлекается. А когда мы пріѣхали сюда, денегъ не было, и сначала онъ служилъ оффиціантомъ въ ресторанѣ, а затѣмъ сдѣлался дансеромъ. Вы представить себѣ не можете, что за жизнь у жены, когда мужъ дансеръ. Всѣ ночи напролетъ въ дансингѣ, возвращается домой подъ утро разбитый, усталый, а иногда и на нѣсколько дней подрядъ пропадаетъ. То съ американками уѣзжаетъ изъ Пари-

жа, то въ музеи сопровождаетъ ночныхъ знакомыхъ, то на обѣды шляется. Вы понимаете, каково женѣ терпѣть? Вѣдь, я же не идiотка была, отлично все понимала. Между тѣмъ, сказать ему хоть слово, упрекнуть — цѣлая буря. Нѣсколько дней послѣ этого не появляется, а когда придетъ, по недѣлямъ молчитъ, будто меня не существуетъ. И въ то же время требуетъ, чтобы я всегда была дома, когда онъ вернется.

— Да, это ужъ слишкомъ.

— Сначала я и плакала и рыдала, пробовала уговорить его уйти изъ дансинга куда-угодно, хотя бы на заводъ. Но каждый разъ получала въ отвѣтъ, что я, молъ, не дуракъ, не желаю снова надрываться и мозолить руки. Такъ, въ концѣ концовъ, и пришлось порвать съ нимъ. Не могла терпѣть больше.

— Правильно... Конечно.

— А въ это время былъ у насъ знакомый одинъ, изъ очень хорошей семьи. Казался мнѣ симпатичнымъ, милымъ. Впрочемъ... Это, пожалуй, лишнее.

Вѣра Сергѣевна замолчала, поднесла къ лицу розы.

— Если вамъ не хочется, то разумѣется... — нерѣшительно проговорилъ Корягинъ. — Только, долженъ вамъ сказать, что все, касающееся васъ или Леночки... Для меня...

Онъ не окончилъ фразы, опустилъ глаза.

— Я потому и разсказываю, что знаю ваше дружеское отношенiе къ намъ, — серьезно замѣтила она. — Ну, хорошо. Такъ, вотъ, познакомилась я съ этимъ господиномъ, былъ онъ всегда чрезвычайно внимателенъ ко мнѣ, часто заходилъ. Разумѣется, отношенiя были самыя платоническiя. И, вотъ, уговорилъ онъ меня бросить Жоржа, начать разводъ, чтобы выйти за него. Я такъ и сдѣлала. Переѣхала къ нему съ Леночкой, стала хлопотать. Не стоитъ говорить, сколько было скандаловъ. Скачковъ, съ которымъ мужъ зна-

комъ еще по Россіи, бѣгалъ ко мнѣ, уговаривалъ вернуться. Дѣвочку одинъ разъ даже похитили. Но въ прошломъ году, какъ вамъ извѣстно, ее удалось, наконецъ, отвоевать. И все было бы хорошо, если бы не то, что этотъ господинъ оказался... негодяемъ.

— Кто именно?

— А онъ. Тотъ самый, который предложилъ жениться. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сказалъ, что ѣдетъ по дѣламъ въ Голландію, взялъ мое брильянтовое кольцо, единственное, что оставалось еще непроданнымъ, убѣдилъ, что тамъ выгоднѣе можно продать, чѣмъ въ Парижѣ. А потомъ я получаю письмо изъ Берлина. Оказывается, женатъ, проситъ прощенія, а про кольцо ни слова.

— Да, бываютъ люди... — хмуро пробормоталъ Корягинъ. Хотя ему глубоко стало жаль этой женщины, хотя послѣ ея разсказа нахлынула особая нѣжность къ ней, однако, онъ не могъ найти подходящихъ словъ. Да и чувствовалъ, что не надо.

— Ну, скажите... А, можетъ быть, вамъ лучше было бы теперь помириться?

— Съ кѣмъ? Съ мужемъ?

— Да. Вѣдь, онъ, навѣрно, попрежнему любитъ. Кромѣ того, дѣвочка...

— Благодарю васъ за совѣтъ, — рѣзко оборвала она. — Вы меня плохо знаете, Никаноръ Андреевичъ.

Онъ виновато поднялъ глаза.

— Зачѣмъ же вы сердитесь? Я отъ чистаго сердца.

— Знаю. Но запрещаю говорить такія вещи. Вы не слышали о немъ всего, а потому не можете судить.

— Въ такомъ случаѣ, конечно. Простите.

На лужайкѣ, между тѣмъ, количество публики постепенно уменьшалось. Поднялась цѣлая семья, съ корзинами, со

свертками. Мужъ, грузно покачиваясь, вышелъ на дорожку, направился къ лѣстницѣ. Жена съ дѣтьми поплелась сзади. Постепенно уходили и влюбленныя парочки, боявшіяся пропустить время обѣда. Оставался вблизи только какой-то рабочій, спавшій на травѣ съ высоко поднятыми вверхъ колѣнями, накрывшій лобъ кэпкой.

— Такъ-то, — рѣшительно тряхнула Вѣра Сергѣевна головой, будто стараясь отогнать навязчивыя мысли. — Ну, а что Леночка? Смотрите: уже играетъ съ дѣтьми.

Она бросила внимательный взглядъ на аллею, затѣмъ съ улыбкой повернулась къ собесѣднику. Тотъ оставался задумчивымъ, сосредоточеннымъ.

— О чемъ вы думаете? О моей исторіи? Бросьте. Разскажите лучше о себѣ. Иногда у васъ очень остроумно выходитъ.

— Да что тамъ!

— Вы, вотъ, никогда не говорите мнѣ, что у васъ за служба. Вы кто — разсыльный у нихъ?

— Нѣтъ... А скажите: Скачковъ у васъ, все-таки, продолжалъ бывать послѣ того, какъ вы разошлись?

Веселость исчезла съ ея лица. Упоминаніе о Скачковѣ, видимо, было непріятно.

— Нѣтъ, я его до послѣдняго времени почти цѣлый годъ не видала. А что?

— Ничего. Просто такъ. А позавчера онъ опять у васъ былъ?

— Скажите, пожалуйста, какой допросъ! Да, былъ. Предлагаетъ мнѣ одно дѣло, за которое, навѣрно, получитъ комиссіонныя. Только пусть не ждетъ, не на таковскую напалъ. Я думаю, потому-то онъ и дружилъ съ моимъ мужемъ, что тотъ, когда былъ дансеромъ, поставлялъ ему кліентокъ для покупки мѣховъ и брильянтовъ. Помню, напримѣръ, одинъ случай. Жоржъ познакомилъ его съ богатой

аргентинкой, которая просила указать ей лучшую въ Парижѣ гадалку. И, вотъ, Скачковъ придумалъ комбинацію. Находилось у него на комиссіи чье-то жемчужное колье, какая-то наивная бѣженка довѣрила. Такъ онъ указалъ аргентинкѣ адресъ гадалки, а самъ къ этой гадалкѣ заранѣе заѣхалъ и въ награду за услуги потребовалъ, чтобы та нагадала кліенткѣ удачную любовь при условіи, если она спѣшно пріобрѣтетъ жемчугъ. Аргентинка послѣ сеанса вызвала Скачкова, стала совѣщаться, гдѣ выгоднѣе всего купить, ну, и тотъ, конечно... Погодите... Кто это? Онъ?

Вѣра Сергѣевна съ неестественнымъ, какъ будто дѣланнымъ, испугомъ схватила Корягина за руку.

— Кто онъ?

— Мой мужъ... Съ дамой! Лена! Поди сюда! Лена!..

Никаноръ Андреевичъ внимательно посмотрѣлъ въ сторону лѣстницы и увидѣлъ двѣ фигуры. Это, дѣйствительно, былъ Павловъ въ сопровожденіи высокой элегантно одѣтой блондинки.

— Чего же вы боитесь? — стараясь казаться равнодушнымъ, произнесъ онъ.— Надѣюсь, они ничего себѣ не позволятъ.

Въ голосѣ послышались угрожающія нотки.

— Я и не боюсь, но дочь... Лена, скорѣе, я тебѣ говорю! Садись рядомъ и не уходи.

— А что такое?

Остановившись у скамьи, Леночка съ удивленіемъ смотрѣла на мать.

— Видишь, отецъ идетъ. Сядь. Никаноръ Андреевичъ, — торопливо зашептала она, бѣгло оглядывая его костюмъ. — Застегните, пожалуйста, пиджакъ. И шляпу надвиньте. Впередъ... На лобъ...

— Простите... Къ чему?

— Я такъ хочу. Чтобы интереснѣе... Не спорьте. А теперь руку дайте. Держите у меня на колѣнѣ... Не снимайте...

— Я знаю, почему онъ здѣсь, — тихо пробурчала Леночка, косясь въ сторону приближавшагося отца.— Скачковъ сказалъ.

— Молчи, не твое дѣло. Ну, что же? Значитъ, да? — умышленно громко заговорила она, придавъ лицу оживленно-кокетливое выраженіе. — Программа будетъ такая: сначала ѣдемъ на недѣлю въ Біаррицъ. Затѣмъ — въ Капбретонъ. Въ Капбретонѣ, разумѣется, развлеченій немного, но зато природа... Будемъ ходить на пляжъ. Мечтать. Вы любите заходъ солнца? Когда, знаете, красный шаръ...

Она какъ бы случайно повернула голову, взглянула на дорожку и встрѣтилась взглядомъ съ мужемъ.

— Можетъ быть и сошлись, не знаю,—не измѣняясь въ лицѣ, равнодушно продолжалъ Павловъ бесѣду со своей спутницей.—Теперь у женщинъ такой непритязательный вкусъ, что всего можно ожидать. А! Лена? Ты здѣсь? Здравствуй!

Не останавливаясь, онъ съ веселой безпечностью посмотрѣлъ на дочь, кивнулъ головой. Та покраснѣла и, что-то неясно прошептавъ, отвернулась.

Они прошли. Вѣра Сергѣевна проговорила еще нѣсколько безсвязныхъ словъ о заходѣ солнца, о пляжѣ и смолкла. Леночка нахмурилась, неподвижно уставилась взглядомъ въ стволъ дерева, росшаго сзади скамьи. А Корягинъ, стараясь не выдавать своего смущенія, осторожно снялъ руку съ колѣна, досталъ платокъ, вытеръ лобъ.

— Можетъ быть, пойдемъ куда-нибудь?— глухо, наконецъ, выговорилъ онъ.

Сдѣланное надъ собой усиліе —вызвать на лицѣ улыбку не привело ни къ чему. Вышло жалко и глупо. Въ душѣ

же творилось нѣчто невѣроятное. Съ одной стороны, было обидно. Къ чему эта просьба:надвиньте шляпу и застегните пиджакъ? Странный разговоръ, кромѣ того, о Біаррицѣ, о заходѣ солнца. Но, съ другой стороны, воспоминаніе о томъ, что рука его только-что лежала на ея колѣнѣ, бросало въ жаръ.

— Да... Хорошо... — устало произнесла она,вставая. — Только въ ту сторону. Чтобы не встрѣтиться.

Она поправила платье, бросила пренебрежительный взглядъ вслѣдъ мужу и медленно направилась къ лѣстницѣ.

— Вамъ нехорошо? Вы такъ блѣдны...

— Я думаю... Пріятная встрѣча. Леночка, ступай впередъ, не болтайся подъ ногами. Никаноръ Андреевичъ... Дайте руку.

— Ради Бога.

Она оперлась, нѣкоторое время шла молча. Затѣмъ безразлично спросила:

— Можетъ быть... въ аллею весны? Вотъ глупая голова... Малѣйшее волненіе и — кружится...

Рука ея протянулась внизъ по рукаву пиджака, коснулась его ладони. Затаивъ дыханіе, Никаноръ Андреевичъ согнулъ пальцы, притронулся къ кисти. Затѣмъ прижалъ пальцы сильнѣе. Она не отнимала руки.

Послѣ этого онъ уже ничего не понималъ изъ того, что говорила Вѣра Сергѣевна. Она на что-то жаловалась, бранила Скачкова, повторяла леночкину догадку о томъ, что это, навѣрно, онъ сообщилъ мужу объ ихъ сегодняшней прогулкѣ. А Корягинъ шелъ по аллеѣ весны, блаженно смотрѣлъ наверхъ, на готическіе своды деревьевъ, переводилъ восторженный взглядъ на окружающія золотисто-зеленыя

стѣны съ яркими прорывами предзакатныхъ лучей, что-то невпопадъ отвѣчалъ, что-то спрашивалъ... Должно быть, очень глупое, потому что она, несмотря на усталость, нѣсколько разъ весело разсмѣялась.

Но къ чему были вопросы, отвѣты, слова? Вѣдь, ея рука, такая маленькая, такая покорная, вся находилась въ его ладони.

XXXII.

Несмотря на то, что впечатлѣнія отъ прогулки въ Версаль не дали спать всю ночь, Никаноръ Андреевичъ все-таки всталъ во-время и въ бодромъ настроеніи отправился на службу. Тутъ его ждалъ пріятный сюрпризъ. Шефъ вызвалъ къ себѣ и объявилъ, что съ завтрашняго дня переводитъ его въ отдѣлъ расклейки афишъ, а освобождающееся мѣсто сандвича передаетъ другому русскому.

Поблагодаривъ шефа и давъ ему понять при помощи нѣсколькихъ фантастически скомбинированныхъ словъ, что относительно аккуратности и исполнительности въ работѣ тотъ можетъ совершенно не безпокоиться, Корягинъ отправился въ сарай переодѣваться. Тамъ было шумно и людно. Полураздѣтые сандвичи сновали возлѣ стола и вѣшалокъ, нѣкоторые уже прилаживали къ спинамъ доски, опутывая себя ремнями; расклейщики афишъ варили на шипящемъ газѣ клей въ огромныхъ кастрюляхъ; старичекъ-французъ ожесточенно спорилъ съ кѣмъ-то относительно оторванныхъ пуговицъ; Щебетовъ громко разсказывалъ вице-губернатору содержаніе недавно вышедшей книги; а полковникъ-манекенъ стоялъ у стола, разбирая груду яркой матеріи, и сосредоточенно насвистывалъ:«Во Францію два гренадера изъ русскаго плѣна брели».

Повѣсивъ на гвоздь свой костюмъ, Никаноръ Андреевичъ началъ надѣвать форменную одежду и съ веселымъ видомъ вмѣшался въ разговоръ Щебетова съ вице-губернаторомъ.

— А какъ называется книга? — шутливо спросилъ онъ. — Навѣрно, опять евразійская?

— Да, но какая! «О задачахъ кочевниковѣдѣнія».

— Кочевниковѣдѣнія? Любопытно. Неужели такая это загадка кочевники, чтобы относительно нихъ задачи рѣшать?

— А вы ознакомьтесь, прежде чѣмъ иронизировать. Вы, напримѣръ, послѣднее изслѣдованіе «О скифахъ» читали?

— О скифахъ? Нѣтъ.

— Такъ, вотъ, если прочтете сначала «О скифахъ», а затѣмъ «Кочевниковѣдѣніе», сразу поймете нелѣпость утвержденія лѣтописца, будто съ призванія варяговъ пошла русская земля.

— Опять заладили вы о вашихъ скифахъ, чтобъ имъ пусто было! — презрительно пробурчалъ полковникъ-манекенъ, которому предстояло сегодня для рекламы кинематографа ѣздить на каміонѣ и изображать римскаго воина. — Николай Артемьевичъ! — крикнулъ онъ, глядя въ противоположный конецъ сарая, — а куда ушелъ старикашка? Этакая скотина — вмѣсто римской каски простую пожарную подсунулъ. Буду я въ такомъ видѣ передъ всѣмъ Парижемъ срамиться!

Вышелъ Корягинъ со двора вмѣстѣ со Щебетовымъ. По правиламъ, выработаннымъ въ бюро, при появленіи на улицѣ сандвичи не должны ходить рядомъ и вести бесѣдъ другъ съ другомъ. Однако, Щебетовъ относился къ подобнымъ формальностямъ пренебрежительно.

— Вы слышали, что на-дняхъ парижская общественность будетъ чествовать Поталова по случаю его юбилея? — спросилъ онъ, поворачиваясь вмѣстѣ съ доской, на которой стояло «Hôtel Europe».

— Нѣтъ, не слышалъ. Идите, голубчикъ, сзади, прошу васъ.

— Вотъ ерунда, не все ли равно. Банкетъ, знаете, предполагается шикарный. Человѣкъ сто записалось. Хотя мы съ Сережкой во многомъ не сходимся, но это дѣло другое. Все-таки публицистъ онъ талантливый, нужно отдать справедливость. И съ Имперіей боролся всегда всѣми силами. Уже семнадцати лѣтъ, еще гимназистомъ, въ сотрудники «Русскихъ Вѣдомостей» попалъ. Первая статья подъ заглавіемъ «Перспективы» была напечатана.

— Михаилъ Степановичъ, ей-Богу,нехорошо. Пройдите, въ такомъ случаѣ, впередъ, если не хотите назадъ.

— И впередъ не пойду. Что вы: серьезно на роль сандвича смотрите? Вотъ, жаль только, что вы монархистъ, а то бы я васъ тоже вписалъ. Обѣдъ 25 франковъ, tout compris, а выступленія ожидаются любопытныя. Куда вы?

— До свиданья. Я на ту сторону. Непріятность будетъ.

Никаноръ Андреевичъ направился къ бульвару Poissonnière. День, какъ и вчера, начинался мягкій, солнечный. На душѣ было бодро и радостно. Воспоминаніе о Версалѣ наполняло сознаніе пріятной гордостью. Еще такъ недавно, нѣсколько дней назадъ, онъ съ завистью смотрѣлъ на встрѣчныхъ нарядныхъ женщинъ.Вѣдь,каждая изъ нихъ, навѣрно, кого-то любитъ. Сколько мужчинъ счастливо въ этой любви. А онъ — всегда всторонѣ. Не было ни одной въ такихъ, вотъ, свѣтлыхъ чулочкахъ, съ такими тонкими красивыми ножками, съ изящной фигурой, которая сама имъ заинтересовалась бы. А теперь — не то. Во-первыхъ,рука. Во-вторыхъ,

въ поѣздѣ, когда возвращались, она тихо, чтобы не разслышала Леночка, произнесла: «приходите завтра вечеромъ, а то мнѣ скучно».

Безъ него скучно! Какъ чудесно... И какъ необычно!

На Большихъ Бульварахъ уже началась сутолока. Шумѣли потоки торопливыхъ прохожихъ. Улицы запружены автомобилями. Увѣренно продвигался впередъ сандвичъ среди мелькавшихъ вокругъ фигуръ, высоко надъ толпой колыхался плакатъ «Au coq hardi. Déjeuner — 6 frs. Dîner — 8 frs.» А мысли уносили въ прошлое, въ будущее.

Какъ нелѣпо до сихъ поръ складывалась жизнь! Ольга Федоровна правильно сказала, что у него характеръ семейнаго человѣка. Холостая жизнь не по немъ. А, между тѣмъ, до сорока лѣтъ дожилъ — и не только не женился, но даже не имѣлъ ни одного серьезнаго романа. Правда, въ Петербургѣ былъ сильно влюбленъ, еще студентомъ. Мурой звали. Но какъ глупо все вышло! Сначала отвѣчала взаимностью, а потомъ, вдругъ, вышла замужъ за студента путейца. И когда былъ чиновникомъ министерства финансовъ, тоже встрѣтился со вдовой...Какъ ее? Все равно. Опять сначала все шло хорошо, но потомъ оказалось, что питала только дружбу. Ничего больше.

И, вообще, странный народъ женщины. Увлекаютъ, кокетничаютъ, а когда начнешь принимать всерьезъ, натыкаешься на издѣвательства.Очевидно, такова судьба. Внѣшность, должно быть, не для романовъ. Фигура грузная, походка развалистая, руки широкія, красныя, а лицо грубоватое, простонародное. Глаза, вотъ, красивые, кто-то увѣрялъ.И зубы. Но что такое зубы и глаза, если нѣтъ остальнаго!

Онъ вздохнулъ, косо взглянулъ на витрину магазина, чтобы опредѣлить, какой у него видъ, и недовольно отвер-

нулся. На фонѣ дамскихъ рубашекъ и цвѣтныхъ комбинезоновъ увидѣлъ призрачную тѣнь въ мундирѣ, въ фуражкѣ, а надъ всѣмъ этимъ — огромную раму съ плакатомъ.

— Чучело!

Конечно, полюбить его за внѣшность нельзя. Вѣра Сергѣевна просто почувствовала преданнаго друга, защитника. Кромѣ того, она тоже теперь одинока. Но если отнестись къ нему по существу, какъ къ человѣку, отчего впослѣдствіи не полюбить? Во-первыхъ, онъ совсѣмъ не эгоистъ. Съ радостью будетъ гдѣ угодно и сколько угодно работать, лишь бы доставить радость семьѣ. Скупъ онъ? Нѣтъ. Она сама убѣдилась. Въ ресторанѣ шампанскимъ угостилъ. Не всякій рѣшится. Подарки Леночкѣ, кромѣ того, приносилъ. Въ долгъ далъ. А въ привязанности и вѣрности сомнѣній не будетъ. Если ужъ полюбилъ, никого больше не надо.

А, можетъ быть, сегодня же пойти и предложеніе сдѣлать? — мелькнула, вдругъ, мысль. — Просто взять за руку, или даже не взять, а сѣсть рядомъ, не прикасаясь, и задушевно изложить все?

Доска надъ головой радостно качнулась, поднялась выше.

— А если откажетъ? — отвѣтилъ онъ себѣ, снова согнувшись и испуганно глядя на встрѣчнаго господина, который съ удивленіемъ остановился и посмотрѣлъ вслѣдъ. — А, вдругъ, какъ вдова... Какъ ее? Татьяна Ивановна. «Вы мнѣ симпатичны, но любовь — дѣло другое.»

— А руку почему, въ такомъ случаѣ, дала? Если женщина покорно оставляетъ руку въ рукѣ, значитъ подъ рукой подразумѣваетъ и сердце. А помимо того, сказала, вѣдь: «приходите завтра, а то будетъ скучно...»

Развѣ не достаточно?

Мысль о томъ, что сегодня же можно объясниться, все

болѣе и болѣе овладѣвала Корягинымъ. Шагая вдоль бульвара взадъ и впередъ,заходя въ боковыя улицы,онъ не обращалъ вниманія на то, что творилось вокругъ. На перекресткѣ произошелъ «аксиданъ», автобусъ придавилъ къ обочинѣ троттуара такси. Собралась толпа, кто-то кричалъ, ажанъ что-то записывалъ.

А онъ стоялъ, ждалъ, пока дадутъ возможность пройти, и разсѣянно улыбался, глядя на взволнованныя лица.

— Vous serez mon témoin,n'est-ce pas?—обратился къ нему шофферъ.

— Comprends pas, — очнувшись, испуганно произнесъ онъ. И быстро двинулся впередъ.

Обычно, въ часы работы, Корягинъ любилъ развлекаться витринами магазиновъ, вскользь замѣчать цѣны и затѣмъ обдумывать — дорого ли это или дешево на старые царскіе рубли. Было и другое развлеченіе: на время задерживаться въ мирной толпѣ,собирающейся вокругъ фокусниковъ, показывавшихъ свое искусство на троттуарѣ,или возлѣ навѣса, подъ которымъ продавцы демонстрировали новыя хозяйственныя усовершенствованія.

Но сейчасъ это было неинтересно. Быстро наступилъ полдень, прошелъ перерывъ со скуднымъ обѣдомъ въ ресторанѣ. И Никаноръ Андреевичъ снова понесъ плакатъ по улицамъ, размышляя, какъ устроить наилучшимъ образомъ будущую семейную жизнь.

Волновалъ, главнымъ образомъ, вопросъ о заработкѣ. Хотя съ завтрашняго дня онъ уже расклейщикъ афишъ, но что можетъ дать расклейка? Максимумъ восемьсотъ франковъ. На троихъ же нужно, по крайней мѣрѣ, тысячи двѣ. Хотя Вѣра Сергѣевна получаетъ поддержку отъ сестры изъ Цюриха, но, если выйдетъ замужъ, пользоваться этой поддержкой неловко. А гдѣ заработать двѣ тысячи? На заво-

дѣ? Не выйдетъ. Шофферомъ, быть можетъ, сдѣлаться? Сдать экзаменъ? Ну, а на разводъ деньги — откуда?

— Je cherche un emploi... — вспомнилъ, вдругъ, онъ. — Нѣтъ, лучше не забѣгать впередъ. Хотя бы получить пока отъ Орловскаго свой пай. Написать, извиниться, разсказать чистосердечно, въ чемъ дѣло. А потомъ обсудить, что предпринять дальше.

Рѣшивъ больше ни о чемъ не думать, Корягинъ началъ слѣдить за тѣмъ, что происходило на улицѣ. Вотъ, собралась толпа вокругъ женщины, сидѣвшей посреди троттуара и что-то записывавшей. Партнеръ обходилъ присутствовавшихъ, краснорѣчиво о чемъ-то говорилъ.

— Ясновидящая, должно быть, — догадался Никаноръ Андреевичъ, заглянувъ внутрь. И двинулся дальше.

Затѣмъ опять скопленіе. Какой-то господинъ стоялъ посреди круга зѣвакъ, а передъ нимъ на троттуарѣ боролись двѣ картонныя фигурки. Ложились, вскакивали, бросались другъ на друга, опять ложились.

— Навѣрно, незамѣтно дергаетъ!

А, вотъ, по бульвару направился въ сторону Оперы огромный странный грузовикъ. Никаноръ Андреевичъ остановился. По лицу расплылась радость.

— Свои!

Платформа была декорирована синимъ кумачемъ съ позолотой. Спереди на ней — деревянныя лошади. Далѣе — римская колесница. А за колесницей, въ сверкающей каскѣ, въ эффектномъ плащѣ, съ возжами въ рукахъ, будто сдерживая бѣгъ разъяренныхъ коней, застылъ въ напряженіи полковникъ-манекенъ.

— Oh-la-la! — раздались съ троттуара восторженные возгласы.

— Ишь, какое выраженіе лица! — удовлетворенно пробормоталъ Корягинъ. — Настоящій артистъ, честное слово.

Онъ съ улыбкой повернулся, вышелъ на середину троттуара, привычнымъ движеніемъ плечъ подтянулъ ремни...

И замеръ. Прямо на него, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, сосредоточенно глядя впередъ, быстро шла Павлова.

— Что это?

Она остановилась.

— Вѣра Сергѣевна...

— Вы?

— Вѣра Сергѣевна...

— Сандвичъ?

Она испуганно оглядѣлась, опять посмотрѣла. И, презрительно улыбнувшись, быстро пошла.

— Подождите... Куда вы?

Доска закачалась. Плакатъ «Au coq hardi. Déjeuner-6 frs. Dîner — 8 frs.» описалъ въ воздухѣ крутой поворотъ.

Но ея уже не было. Въ густой толпѣ прохожихъ мелькала вдали темно-красная шляпка.

XXXIII.

Вечеромъ онъ не пошелъ къ Павловымъ. Вернувшись со службы, засѣлъ у себя въ комнатѣ, не заглянулъ даже къ Полтавцевымъ. Какая глупая, отвратительная исторія! Нужно же было встрѣтиться, да еще наканунѣ перехода на новую работу.

Разумѣется, ничего позорнаго нѣтъ. Честный физическій трудъ. Но зачѣмъ было не сознаться раньше? Разсказалъ бы откровенно, подтрунивая надъ самимъ собой, и все сошло бы благополучно. А теперь — подумаетъ, что малодушенъ. Что самъ считаетъ такое занятіе постыднымъ.

А какъ она произнесла: «Вы? Сандвичъ?» Все было въ восклицаніи: и разочарованіе, и испугъ, и презрѣніе. Вотъ изъ-за этого и невозможно пойти. Другое дѣло, если бы разсмѣялась или сочувственно заговорила. А, между тѣмъ, ничего не сказала, ушла. Чуть-ли не побѣжала.

Весь слѣдующій день Никаноръ Андреевичъ ходилъ хмурымъ. Ночь почти не спалъ, голова казалась набухшей отъ безсонницы. А тутъ приходилось вникать въ новое дѣло, запоминать все, что втолковывалъ Морисъ.

Работа не ладилась, вмѣсто двадцати пяти франковъ, которые можно было выручить сдѣльно, получилось при подсчетѣ всего двѣнадцать. Кромѣ того, послѣ полудня

вышла непріятность: одно изъ объявленій оказалось наклееннымъ на заборъ какого-то оффиціальнаго учрежденія, а стоявшій по сосѣдству ажанъ замѣтилъ, сорвалъ и, потребовавъ документъ, записалъ фамилію въ книжечку.

Твердо рѣшивъ уѣхать на ферму послѣ первой же субботней получки, если до того времени Вѣра Сергѣевна сама не вызоветъ письмомъ, Корягинъ взялъ себя, наконецъ, въ руки. Старался не думать больше о Павловой, писалъ по вечерамъ письма, читалъ, ходилъ пить чай къ Полтавцевымъ.

Настала суббота. Вернувшись домой, Никаноръ Андреевичъ небрежно спросилъ консьержку, не было ли ему письма, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, поднялся къ себѣ, началъ укладываться.

— Ну, что, ѣдете завтра? — спросила Ольга Федоровна, встрѣтивъ его въ корридорѣ.

— Да. Обязательно.

— Если къ чаю никуда не уходите, посидите у насъ. Послѣдній вечеръ.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Спасибо.

По комнатѣ, какъ въ день пріѣзда, опять нельзя было пройти: корзины, чемоданы, ремни. Соскакивали со стѣнъ многочисленныя открытки съ балканскими видами, съ пасхальными цыплятами; безпомощно шурша, соскользнули на полъ сначала планъ Парижа, затѣмъ порыжѣвшая карта Европейской Россіи. Груды бѣлья, платьевъ, посуды, постепенно исчезали въ зіяющихъ отверстіяхъ корзинъ.

— Сандвичъ! — презрительно усмѣхаясь, бормоталъ Никаноръ Андреевичъ, укладывая новый костюмъ, который надѣвалъ въ послѣдній разъ во время поѣздки въ Версаль. — Ну, что же, сандвичъ, такъ сандвичъ. Вчера сандвичъ,

сегодня афишеръ, а завтра земледѣлецъ. Бѣдняцкій элементъ...

Онъ аккуратно сложилъ пиджакъ, подвернулъ рукава, похлопалъ сверху и протянулъ руку къ лежавшей вблизи картѣ Россіи.

— Ну, а ты сюда, голубушка, — ласково пробормоталъ онъ, складывая ее по частямъ. — Лучше было бы на дно, чтобы не мялась, но все равно. Кто тебя не мнетъ сейчасъ! Вотъ такъ... Лежи. Поѣдемъ вмѣстѣ.

— Никаноръ Андреевичъ, чай готовъ, — послышался за дверью голосъ Полтавцевой.

— Сію минуту.

Покончивъ съ чемоданомъ и задвинувъ его подъ кровать, Корягинъ внимательно осмотрѣлся, чтобы удостовѣриться, много ли еще осталось работы, и отправился въ столовую. Не успѣлъ онъ, однако, сѣсть за столъ, какъ въ передней раздался звонокъ,и послышались радостныя восклицанія Константина Александровича.

— Оленька, посмотри, кто пріѣхалъ! Вотъ сюрпризъ!

Радостно улыбаясь, старикъ вошелъ въ столовую въ сопровожденіи стройнаго красиваго молодого человѣка.

— Митя? — съ пріятнымъ удивленіемъ, но не теряя обычной сдержанности, произнесла Ольга Федоровна.— Скажите, пожалуйста!

— Я знаю, тетя, что вы на меня очень сердитесь, — весело подойдя къ ней и почтительно поцѣловавъ руку, проговорилъ молодой человѣкъ. — Но что подѣлаешь. Я и мамѣ всего разъ въ годъ письма пишу, честное слово.

— Нечего, нечего оправдываться, — съ легкой обидой въ голосѣ отвѣчала хозяйка, цѣлуя гостя въ високъ. — Я и безъ твоихъ объясненій знаю, какъ ты относишься къ род-

нѣ. Ну, садись. Очень рада. Познакомьтесь, господа... Это ой племянникъ.

— Вотъ, погоди, чаю сейчасъ налью... — Полтавцевъ съ суетливой радостью захлопоталъ возлѣ стола. — Можетъ быть, ѣсть хочешь?А? Буттербродъ могу сдѣлать.Или котлеты достать.

— Да что вы, дядя. Я только что съ обѣда. Ну, какъ живете? Недурно? Входъ-то у васъ неважнецкій, сказать правду, но квартира ничего. Комнатъ, случайно, не сдаете? Ищу въ русской семьѣ, на-дняхъ жена прiѣзжаетъ, хочу поуютнѣе устроиться.

— Какъ? Ты развѣ женатъ?

— Natürlich. Уже два года. Вотъ прiѣдетъ, увидите. ся вы, тетя, и очень требовательны къ людямъ, но Соня ь безусловно понравится. Прекрасная женщина. Ну, а съ комнатой? Посовѣтуете что-нибудь?

— Насчетъ этого еще успѣемъ поговорить, — нерѣшиьно отвѣтила Ольга Федоровна, внимательно разглядывая племянника. — Если увижу, что ты приличный чеѣкъ, можетъ быть, и къ себѣ пущу. Ну, а гдѣ-жъ ты жеся? И гдѣ пропадалъ три года?

— Охъ, тетечка, вижу,какой вы были гордячкой, такой стались. Только не сердитесь, пожалуйста, теперь не сь. Выросъ. Спасибо, дядя, какъ разъ хорошо: не крѣпне слабый. Ну,а что касается этихъ трехъ лѣтъ, то я, ствительно, хотя иногда и пропадалъ, но, все-таки, слаБогу, не пропалъ. Живу кое-какъ. Перебиваюсь съ хлѣба квасъ и обратно.

— Печенья, Митя, бери. Придвинь къ себѣ. Никаноръ реевичъ, и вы тоже...

— Константинъ, достань кстати варенья. Хотя я вижу,

что онъ попрежнему грубіянъ порядочный, но все равно. А гдѣ же ты жилъ это время? Въ Германіи?

— Сначала въ Германіи. Ну, а потомъ знакомые соблазнили переѣхать въ Вѣну. Обѣщали, что работа будетъ шикарная, что у нихъ отличныя связи. А переѣхалъ и форменно голодать сталъ. Могильщикомъ, съ отчаянія, пришлось сдѣлаться.

— Какъ могильщикомъ?

Константинъ Александровичъ застылъ съ банкой варенья въ рукѣ. Ольга Федоровна нахмурилась.

— А такъ. Очень просто. Обыкновеннымъ могильщикомъ. Не идеологически, а вполнѣ конкретно: на кладбищѣ. Работа, нужно сознаться, оказалась не изъ пріятныхъ. Во-первыхъ, какъ вы знаете, тетя, къ земледѣлію или къ огородничеству у меня склонности никогда не было, лопаты вообще терпѣть не могъ. А, во-вторыхъ, характеръ очень ужъ нер ный: не люблю, когда люди кругомъ плачутъ, въ особенности мужчины. А, тутъ, понимаете, каждый день. Утромъ плач днемъ плачъ, подъ вечеръ плачъ. Мало того, что тяжелая зе лекопная работа, изволь за ту же плату человѣческую пс хологію переносить. Бывало, вернешься послѣ этихъ ры ній домой, и самому выть хочется. Навѣрно, до сихъ по у меня налетъ отъ этой мрачной профессіи остался. Углуб ленность, своего рода, замкнутость.

— Ну, я бы этого не сказала. — Ольга Федоровна н довѣрчиво посмотрѣла на племянника. — Хорошо... А ка ты женился?

— Сейчасъ дойдемъ и до этого. Такъ вотъ, протруби я на кладбищѣ всю осень, зиму, весну. Осенью, разумѣет было лучше всего. Въ городѣ гриппъ, люди мрутъ, на кл бищѣ суета больше, чѣмъ на Opernring. Зарабатывалъ я да нашихъ шиллинговъ до тридцати въ день, считая чае

Но какъ насталъ май, да за нимъ началось безоблачное лѣто — бѣда. Шиллинговъ пять получишь за какого-нибудь оригинала, который вздумалъ скончаться въ засуху, и все. И вотъ въ это-то время мы случайно и познакомились съ Соней. Пока она не знала, что у меня за профессія, относилась къ моимъ ухаживаніямъ довольно безразлично. Но когда я разсказалъ, чѣмъ занимаюсь, и что приходится могильщику терпѣть зимой психологически, а лѣтомъ матеріально, сразу заинтересовалась. То да се... Бесѣды, встрѣчи. Черезъ мѣсяцъ перевѣнчались, а осенью бросилъ я кладбище и перешелъ на другую работу.

— Такъ, такъ... Интересно будетъ познакомиться съ твоей женой, — одобрительно произнесъ Константинъ Александровичъ, поднимая крышку чайника и заглядывая внутрь. — Дай-ка, миленькій, чашку. Еще налью.

— А въ Парижъ ты надолго?—продолжая внимательно разглядывать племянника, спросила Полтавцева.

— Не знаю, смотря по тому, какъ дѣла наши пойдутъ. На мѣсяцъ, я думаю.

— Ты что же: комиссіонеръ теперь, что ли?

— Нѣтъ, не комиссіонеръ, къ сожалѣнію.

— А кто же?

— Лучше не спрашивайте. Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

— Странно... Неприличное предпріятіе какое-нибудь?

— Ну, что ты, Оленька! — Константинъ Александровичъ укоризненно посмотрѣлъ на жену.— Почему неприличное?

— Это смотря съ какой точки зрѣнія, тетя, — успокоительно возразилъ молодой человѣкъ, бросая лукавый взглядъ на дружелюбно улыбавшагося Корягина. — Неприличнаго, по моему, ничего нѣтъ. Но, если, напримѣръ, кто-нибудь

будетъ писать исторію нашего рода, я бы совѣтовалъ ему не включать туда моей нынѣшней службы. Я съ вѣнскимъ циркомъ сюда пріѣхалъ, verstehen-Sie?

— Часъ отъ часу нелегче! — Ольга Федоровна испуганно воззрилась на племянника. — Надѣюсь, ты не клоунъ, все-таки?

— Если бы клоунъ! Ниже берите.

— Наѣздникъ?

— Эхма! Былъ бы я наѣздникомъ, я бы къ вамъ не по унтергрунду, а въ такси пріѣхалъ. Нѣтъ, мое дѣло очень скромное. До прошлаго года состоялъ при дикихъ звѣряхъ сторожемъ. А теперь, кромѣ сторожа, имѣю еще дополнительный заработокъ. Помните еврейскій анекдотъ про Леву изъ Могилева? Такъ, вотъ, я нѣчто вродѣ этого анекдота на практикѣ осуществляю. За кулисами львамъ помогаю ревѣть. Хотя львы у насъ и породистые, абиссинскіе, но старье страшное. Ни одинъ подлецъ не реветъ для созданія соотвѣтственной цирковой атмосферы.

— Да, что-что, а этого въ нашемъ роду, дѣйствительно, никогда не бывало. — Ольга Федоровна вздохнула. — Воображаю, если бы живъ былъ Владимиръ... Что бы онъ сказалъ!

— Ахъ ты, бѣдняга, бѣдняга! — качая головой, жалостливо пробормоталъ,въ свою очередь,Константинъ Александровичъ. — Можетъ быть, хочешь у насъ въ предпріятіи устроиться? Я бы могъ переговорить съ шефомъ. Вотъ, Никаноръ Андреевичъ, напримѣръ, служилъ сандвичемъ. Хотя тоже занятіе не изъ пріятныхъ, но, все-таки, гораздо лучше, чѣмъ львомъ рыкать.

— А что же? Спасибо. Вотъ жена пріѣдетъ, потолкуемъ. Она, конечно, тоже не особенно одобряетъ моей профессіи. Во-первыхъ, всегда думала, что изъ меня оперный пѣвецъ

выйдетъ, а не левъ. А во-вторыхъ, за здоровье мое опасается. Рычанье рычаньемъ, а на легкихъ все-таки отражается здорово. Докторъ какъ-то осматривалъ, расширеніе обнаружилъ.

Разговоръ постепенно перешелъ на другія темы. Полтавцевы начали разспрашивать племянника о родственникахъ, объ общихъ знакомыхъ. А Корягинъ, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, поднялся, вдругъ, съ мѣста и, заявивъ, что ему необходимо ненадолго съѣздить по дѣлу въ городъ, отправился къ себѣ въ комнату.

— Глупо такъ уѣзжать... — думалъ онъ, вытащивъ изъ-подъ кровати чемоданъ и торопливо переодѣваясь въ новый костюмъ. — Какъ бы ни отнеслась, все равно хоть попрощаться слѣдуетъ. Сандвичъ! Скажите, пожалуйста, невидаль. А рыканія льва не угодно? Жена любитъ, все-таки. А нѣтъ любви — и мѣсто шоффера не поможетъ.

Дорога къ Павловымъ сегодня показалась особенно длинной. Поѣздъ подземной дороги почему-то двигался медленно. На пересадкѣ пришлось долго ждать. Выйдя изъ метро, Корягинъ поспѣшно подошелъ къ цвѣточной будкѣ, купилъ нѣсколько розъ и быстрыми шагами направился къ дому, въ которомъ такъ часто бывалъ въ послѣднее время.

На площадкѣ лѣстницы, двумя этажами ниже квартиры Вѣры Сергѣевны, случайно встрѣтилась Леночка. Дѣвочка стояла вмѣстѣ съ новой подругой, дочерью жившей внизу русской дамы, и о чемъ-то оживленно бесѣдовала.

— Никаноръ Андреевичъ! Почему васъ долго не было?

Она подскочила, поцѣловала въ подбородокъ.

— Занятъ былъ, дѣтка. Дѣла разныя. Ну, какъ живешь? Мама дома?

— Да...

Леночка смутилась.

— Мама все удивлялась, что васъ нѣтъ... Мы, знаете, завтра опять будемъ переѣзжать. Вы идите, я сейчасъ кончу разговаривать съ Тусей и приду. У насъ секреты.

Корягинъ медленно сталъ подниматься. — Переѣзжаютъ? — тревожно подумалъ онъ. — Куда?

Онъ подошелъ къ двери, позвонилъ. Показалось, будто оттуда послышался громкій мужской голосъ. Не Скачковъ ли? А, можетъ быть, въ сосѣдней квартирѣ?

— Вамъ кого угодно? — стоя въ дверяхъ, безъ пиджака, съ разстегнутымъ воротникомъ, спросилъ высокій мужчина.

— Вѣра Сергѣевна... дома?

Никаноръ Андреевичъ задалъ вопросъ и густо покраснѣлъ. Узналъ бритое узкое лицо, тонкій носъ, холодные, презрительно смотрѣвшіе глаза.

— Жена дома, но не принимаетъ, — подчеркнуто раздѣляя каждое слово, холодно отвѣтилъ Павловъ.

— Ахъ, такъ? Отлично...

— Жоржъ! Кто тамъ?

Вѣра Сергѣевна вышла въ переднюю, сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ двери, но, увидѣвъ Корягина, рѣзко повернулась и исчезла въ своей комнатѣ.

— Можетъ быть, вы желали бы что-нибудь передать? — насмѣшливо глядя на розы и любуясь смущеніемъ гостя, добавилъ мужъ. — Пожалуйста, не стѣсняйтесь.

— Нѣтъ, ничего. Благодарю.

Провожаемый ироническимъ взглядомъ Павлова, который умышленно долго не затворялъ двери, Никаноръ Андреевичъ началъ спускаться. Въ ушахъ шумѣло. Передъ глазами стоялъ туманъ.

— Вы уже уходите? — огорченно спросила внизу Леночка. — Куда?

— Мнѣ некогда... Я завтра уѣзжаю...

— Ну, что вы? Правда?

Лицо ея вытянулось.

— Въ деревню... Я, вѣдь, говорилъ. Итакъ, всего хорошаго. Прощай. Вотъ тебѣ... цвѣты. На память.

Онъ сунулъ ей въ руку розы, поцѣловалъ въ голову и торопливо направился внизъ.

— А вы мнѣ будете писать письма?— перегнувшись черезъ перила, жалобно крикнула вдогонку она.

— Да, да...

— Только въ пансіонъ. Я тоже скоро поѣду. Черезъ нѣсколько дней.

— Да, да...

— А на Рождествѣ мы съ мамой будемъ васъ ждать. Хорошо? Пріѣзжайте! Я васъ очень люблю!

XXXIV.

Корягинъ вышелъ изъ подъѣзда, безсмысленно огляделся по сторонамъ и быстро направился къ остановкѣ метро. Здѣсь, на хорошо знакомой улицѣ, все было какъ раньше: ярко свѣтились прозрачныя стѣны углового кафе. Симметричнымъ огненнымъ контуромъ горѣлъ входъ въ кинематографъ. Тянулись погруженныя въ темноту витрины магазиновъ, заштрихованныя желѣзными рѣшетками.

Но теперь все казалось новымъ, необычнымъ. Будто не та улица, не то мѣсто, куда онъ ходилъ почти каждый день.

— «Не принимаетъ...» — звучалъ въ ушахъ оскорбительный отвѣтъ. — «Можетъ быть, что-нибудь передать?»

Но самое ужасное не въ немъ. Естественно: мстилъ. Но она... Можно ли было ожидать? Увидѣла и скрылась!

А въ Версалѣ говорила: «Я? Никогда. Вы меня плохо знаете»... Плохо знаете!

Онъ не замѣтилъ, какъ спустился въ метро, взялъ билетъ и очутился въ вагонѣ.

— Вотъ, значитъ, почему Скачковъ ходилъ. Мирилъ мужа съ женой. За вознагражденіе. А она скрывала. Могла просто сознаться, объяснить. И вмѣсто этого... Гнусная женщина. Разбогатѣлъ — и польстилась. Четыреста тысячъ — не сандвичъ.

Пассажировъ было много. Около Никанора Андреевича стояло нѣсколько человѣкъ, держась руками за металлическія подпорки. Сидѣвшій на ближайшей скамьѣ какой-то русскій, наклонивши корпусъ къ проходу, обмѣнивался энергичными жестами съ господиномъ, находившимся въ другомъ концѣ вагона.

— Откуда ѣдете? — послышался среди всеобщаго молчанія громкій вопросъ.

— Съ засѣданія.

— Выбрали правленіе?

— Курыкинъ — предсѣдатель, Лебедевъ — товарищъ.

— Завтра же надо ѣхать... — уставившись ничего не видящимъ взглядомъ въ ближайшаго соотечественника, продолжалъ думать Корягинъ. — Хорошо, что Орловскому не написалъ. Но почему позволяла жать руку? А эти слова «мнѣ будетъ скучно»? Вела черезъ Скачкова переговоры, а сама дѣлала видъ... Значитъ, и встрѣчу въ Версалѣ подстроила, чтобы вызвать ревность. Неужели всѣ женщины такъ? На фермѣ лучше. Природа, тишина. Безъ фальши. Недаромъ не любитъ природы.«Если захочу услышать пѣнье, пойду въ театръ». Поэтическая натура,нечего сказать! Можетъ быть даже къ лучшему, что все такъ случилось?

— Сергѣй Ивановичъ! — снова прогремѣлъ русскій голосъ.

— Ну?

— А оппозиція какъ?

— Ушла.

— Oh, ces russes! Regardez, — обратилась за сочувствіемъ къ Никанору Андреевичу пожилая сосѣдка француженка. — Toutes les places sont occupées par eux et nous sommes obligés de rester debout!

— Oui, madame, — не разобравъ, печально согласился онъ.

Выйдя со станцiи porte de St. Cloud, Корягинъ направился сначала къ своему дому, но затѣмъ замедлилъ шаги, взглянулъ на часы и круто повернулъ въ противоположную сторону.

— Половина одиннадцатаго. Еще не спятъ. И племянникъ... Лучше пройтись. Воздухъ освѣжаетъ.

Онъ пересѣкъ площадь и медленно пошелъ въ сторону Бiянкура. Здѣсь, за воротами, освѣщенiе слабое, народу мало, хорошо идти, отдаваясь мыслямъ.

— Сколько листьевъ! Скорчились. Шуршатъ подъ ногами... Настоящая осень. Все кончается...

Онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ вдаль на ряды полуобнаженныхъ деревьевъ, въ которыхъ запутались рѣдкiе огни фонарей, на пустынную улицу съ темными параллелями рельсъ и вспомнилъ, какъ по утрамъ и по вечерамъ во время заводской службы проѣзжалъ здѣсь на трамваѣ.

— Попрощаюсь, — мелькнуло въ головѣ грустно-ироническое. — Съ Павловой простился, теперь съ заводомъ. Съ лучшими друзьями въ Парижѣ.

Дойдя до поперечной улицы, ведущей на place de l'église, онъ свернулъ влѣво, пошелъ вдоль темныхъ корпусовъ ателье.

— Грѣхопаденiе... Продолженiе человѣческихъ органовъ. Дѣйствительно, страшно. Однѣ машины. Притаились за окнами, какъ звѣри. А, вдругъ, тамъ, на фермѣ, кто-нибудь окажется? Сестра жены Орловскаго... Еще компаньоны... Впрочемъ, достаточно. Никого не надо!

А вотъ и набережная. Направо — bureau d'embauche. За островомъ, на темныхъ холмахъ Бельвю и Медона, огни многочисленныхъ виллъ.

— Вездѣ живутъ. Уютно, должно быть. Семьи. Жены. Дѣти. Нѣтъ, ерунда. Нужно разъ навсегда сказать — довольно, и вырвать. Леночки жаль, правда. Но той — нѣтъ. Нѣтъ и не было. Твердо рѣшить не думать, и все. Не юноша. Сорокъ лѣтъ.

Никаноръ Андреевичъ гордо выпрямился, вопросительно оглянулся по сторонамъ, какъ бы приглашая пустую набережную въ свидѣтели своего рѣшенія, и, свернувъ въ боковую улицу, пошелъ домой.

— «Прощай ты, Новая Деревня!..» — неожиданно донесся изъ открытыхъ оконъ русскаго ресторана женскій голосъ, пѣвшій подъ аккомпаниментъ піанино.

— Зайти, можетъ быть? Нѣтъ. Противно. Можно подумать, что съ горя. Несчастная любовь и — утѣшеніе въ винѣ. А если просто посидѣть и не пить? Ни капли? Потребовать ѣды... Цѣлый ужинъ. И лимонаду. Пусть знаетъ, что даже аппетита не потерялъ!

Обрадовавшись придуманной мести, онъ рѣшительно вошелъ внутрь. По случаю субботы здѣсь было оживленно и людно. За отдѣльными столиками, покрытыми бѣлыми скатертями, небольшими группами сидѣли рабочіе, принявшіе передъ праздникомъ вполнѣ благообразный видъ. Всторонѣ, у стѣны, стоялъ большой столъ, за которымъ расположилась шумная компанія человѣкъ въ двадцать, собравшаяся, очевидно, на какое-то торжество. У самаго входа, возлѣ піанино, молоденькая застѣнчивая дѣвица, стараясь придать лицу темпераментное выраженіе, жалобно пѣла цыганскіе романсы.

Корягинъ сѣлъ въ уголъ, гдѣ было меньше всего народу, заказалъ барышнѣ мясное блюдо, попросилъ принести бутылку лимонада и сталъ осматриваться: не найдутся ли сослуживцы по ателье.

Изъ его ателье, однако, никого не было. Нѣкоторыя лица, правда, знакомы. Навѣрно, встрѣчалъ во время обѣденнаго перерыва. Но кто такіе, какъ фамиліи, не зналъ. Только одинъ изъ присутствовавшихъ былъ извѣстенъ: молодой другъ Турмина — Павленковъ, сидѣвшій у противоположной стѣны и серьезно бесѣдовавшій съ какимъ-то пожилымъ господиномъ.

Пѣвица, наконецъ, смолкла. Барышня принесла лимонадъ, жаркое, спросила, не нужно ли вина, и ушла къ другимъ столамъ. Никаноръ Андреевичъ выпилъ лимонаду, придвинулъ къ себѣ тарелку съ жаркимъ и, хотя ѣсть совсѣмъ не хотѣлось, упрямо принялся за ѣду.

Отомстить подобнымъ образомъ, конечно, хорошо. Однако, этого мало. Нужно выкинуть и всѣ мысли изъ головы. Не возвращаться къ воспоминаніямъ. Пожалуй, послушать, о чемъ говорятъ за сосѣднимъ столомъ?

— А намъ какое дѣло? — громко продолжалъ одинъ изъ трехъ сидѣвшихъ вблизи посѣтителей, судя по выговору, простой солдатъ. — Повезутъ, братъ, сами. Ежели билетъ и харчи ихъ, чего безпокоиться? А природа, инженеръ говоритъ, замѣчательная. Кругомъ, куда ни глянешь,горы да горы, возвышенность великолѣпная, и вообще, говоритъ, вродѣ курортности.

— А все-жъ таки жарко, должно быть?

— Не безъ того. Жарко. Днемъ особенно. Но воздухъ, зато, въ высшей степени сухой, лихорадки нема и никакихъ комарей. Въ рѣкѣ только, предупреждаетъ, купаться не рекомендуется по причинѣ крокодиловъ и прочихъ тварей. А въ лѣсу гулять тоже не стоитъ,потому продраться все равно никакъ невозможно, ни одинъ пиджакъ не выдерживаетъ. Но что особеннаго сказалъ, такъ это про продукты. Дешевизна, знаете, какая? Курица — полтора франка.

— Полтора франка? Однако! — Корягинъ насторожился. — Гдѣ это?

За длиннымъ столомъ, между тѣмъ, становилось все шумнѣе и шумнѣе. Вставали ораторы, произносили краткія привѣтствія, прерываемыя апплодисментами. Изрѣдка доносились восклицанія:

— Господа! Никакой политики! Довольно!

— Позвольте два слова!

— Ограничить ораторовъ!

Аккомпаніаторъ ударилъ по клавишамъ.Пѣвица собрала всѣ силы, чтобы заглушить шумъ, съ отчаяніемъ выкрикнула начальныя слова романса:

— «Жить будемъ! Жить!»

Но шумъ не утихалъ. За общимъ столомъ нѣсколько человѣкъ поднялось, заговорило. Въ другомъ концѣ ресторана послышались крики. Собутыльники успокаивали подвыпившаго компаньона,который билъ себя въ грудь кулакомъ и кричалъ:

— Нѣть, вы скажите мнѣ, кто я такой?

Корягинъ съ трудомъ доѣлъ жаркое, подозвалъ барышню, попросилъ еще лимонаду и повернулся къ сосѣдямъ въ полъ-оборота, чтобы было удобнѣе слушать.

— Не бѣда. Главное, не робѣйте, — отхлебывая изъ стакана вино, нравоучительно говорилъ солдатъ одному изъ собесѣдниковъ, очевидно, недавно прибывшему во Францію. — Это спервоначалу такъ кажется, будто осилить языка невозможно. А потомъ свыкнетесь. Мы тоже, когда, вотъ, пріѣхали съ Панасенкой, можно сказать — обалдѣли.

— Злякались трохы, — съ улыбкой подтвердилъ Панасенко.

— А теперь выучили?

— Онъ уже и лопочетъ и читать даже умѣетъ, а я не

особенно. Нѣсколько ихъ словъ, разумѣется, знаю,но остальное по-русски. Все равно понимаютъ.

Солдатъ крякнулъ, выпилъ, вытеръ рукавомъ пиджака подбородокъ.

— Это, знаете, бабьи сказки, что безъ языка трудно въ чужой странѣ жить, — авторитетно продолжалъ онъ. — Когда уѣзжалъ я изъ Германіи, пріятели говорили: и куда ты, Ерофеевъ, ѣдешь, когда по-французски, какъ новорожденный, ни слова не понимаешь? А я что? Плевать хотѣлъ. Слава Богу, хотя и ефрейторъ, но за время войны и въ Эрзерумѣ пришлось бывать, разговаривать, и въ Галиціи бывать, разговаривать, и въ германскомъ плѣну. Съ непривычки, въ первый разъ, когда въ чужую страну попадешь, дѣйствительно, страшновато. Дуракомъ всѣ считаютъ. Ну, а потомъ выучишь ихъ главныя словечки —битте шонъ, буюрунузъ, сильвуплэ, пардонъ,—вотъ уже основаніе и есть. Остальное можно по-русски. Главное, когда русскія слова говоришь, говорить надобно громко, отчетливо, чтобы иностранецъ, такъ сказать, вникъ, что ты желаешь. Ну, и надписи, дѣйствительно, знать необходимо. Гдѣ антре, а гдѣ сорти.

— Дефансъ де краше, — подтвердилъ Панасенко.

— И дефансъ краше, — согласился Ерофеевъ.

— Дефансъ фуме ще е, — опять вставилъ Панасенко.

— И фуме. Въ Галиціи оно, вѣрно, легче читать было, потому тамъ по-русски написано. Не выхилятися, скажемъ. А здѣсь въ поѣздѣ, ѣдешь, пробуешь читать и все время католическія буквы путаешь. Панасенко, а что ты вчера на желѣзной дорогѣ прочелъ? Помнишь?

— А якъ же-жъ, — важно кивнулъ Панасенко. — Иль денжере... Пенше...

— Ишь ты, память какая! Молодчина. Это, видно, тоже не вихилятися, потому — на томъ же мѣстѣ. Вообще,

такъ сказать, во всѣхъ государствахъ для иностранца правило: не выхиляться. Живи, молъ, тихо, мирно, никого не трожь, не выхиляйся и проживешь безъ печали.

Смѣнившій у піанино пѣвицу баритонъ запѣлъ «Кремлевскіе колокола». Голосъ былъ сильный, красивый, и шумъ сразу стихъ. Ерофеевъ замолчалъ, обернувшись со снисходительнымъ вниманіемъ въ сторону пѣвца; за большимъ столомъ тоже смолкли выкрики. И только пьяный буянъ, котораго недавно успокаивали сосѣди, не унимался.

— Нѣтъ колоколовъ! — стукнувъ кулакомъ по столу, неистово закричалъ онъ. — Къ черту!

— Петрухинъ, молчи...

— Не мѣшайте слушать!

— «Пришла вся Русь страдальная... — продолжалъ, усиливая голосъ, пѣвецъ. — Святыми просвѣтленная...»

— Вретъ собачій сынъ!

— Петрухинъ!

— Господа! Выведите его!

— «Колѣнопреклоненная... склонилась у Кремля...»

— За... молчать! — вырвавшись изъ рукъ пріятелей, заревѣлъ Петрухинъ. — Колѣно...про...колонная? Передъ Ильичемъ? Хамамъ... Пятки лизать?

Окруживъ пьянаго кольцомъ, собутыльники вмѣстѣ съ нимъ направились къ выходу. Пѣвецъ смолкъ, ожидая окончанія скандала. Публика негодующе шумѣла. За большимъ столомъ раздался сдержанный смѣхъ.

А пьяный упирался, размахивалъ руками, долго кричалъ, пока, наконецъ, не скрылся за дверью:

— Не прикасайся! Я самъ... Кремлевскіе... Не тронь, говорю! Сто пятьдесятъ милліоновъ... сволочей... Колѣнопри... Нѣтъ, до чего они меня довели! Барышня! Кто я? Кто я такой, я васъ... спрашиваю?

Никаноръ Андреевичъ дождался, пока пѣвецъ подъ громъ апплодисментовъ окончилъ пѣнье, и,расплатившись, вышелъ. Пьянаго на улицѣ уже не было. Стояло нѣсколько русскихъ, мирно бесѣдовавшихъ.Возлѣ нихъ — Павленковъ, грустно о чемъ-то задумавшiйся.

— Здравствуйте. Какъ живете?

Корягинъ дружески протянулъ руку.

— Спасибо. А какъ вы? Устроились опять на заводъ?

— Нѣтъ. Уѣзжаю въ провинцiю. Ну, что Турминъ? Пишетъ изъ Германiи?

Павленковъ пристально посмотрѣлъ, ничего не отвѣтилъ. Затѣмъ, увидѣвъ на лицѣ собесѣдника искреннее удивленiе, молча отошелъ къ окну и досталъ изъ бумажника газетную вырѣзку.

— Развѣ вы не читали?

Голосъ его дрогнулъ.

— Нѣтъ... А что?.. Дайте-ка...

Въ замѣткѣ стояло:

«Агентство ТАСС сообщаетъ: при переходѣ черезъ финляндскую границу убитъ бѣлогвардейскiй шпiонъ полковникъ Турминъ, нѣсколько разъ уже проникавшiй для террористическихъ актовъ на территорiю СССР съ подложнымъ паспортомъ на имя Петра Степанова.»

Было около часу ночи. Снявъ башмаки, чтобы не разбудить давно уснувшихъ хозяевъ, Никаноръ Андреевичъ осторожно заканчивалъ укладку вещей. Сдвинулъ чемоданы въ уголъ, переложилъ со стола подковы, компасъ и прессъ-папье въ стоявшую рядомъ корзину, просмотрѣлъ пачку старыхъ газетъ и писемъ, изодралъ въ клочья пригласительную записку Павловой съ поклономъ «сердитой

квартирной хозяйкѣ» и, рѣшивъ, наконецъ, лечь спать, печально сѣлъ на кровать.

— Остальное завтра успѣю... На стѣнахъ уже ничего Бѣлье и платье готовы. Посуда — тоже...

Онъ хмуро осмотрѣлся по сторонамъ, остановилъ презрительный взглядъ на ближайшей корзинѣ, опустилъ низко голову и, прижавъ ладони къ вискамъ, прошепталъ, вдругъ, со стономъ:

— Все не то, все не то!

Передъ глазами снова всплыли печатныя строки, не дававшія покоя всю дорогу изъ ресторана, отодвинувшія далеко и Вѣру Сергѣевну, и Леночку, и предстоящій переѣздъ на ферму:

«При переходѣ черезъ финляндскую границу убитъ полковникъ Турминъ...»

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins. Paris XIII.